

Михаил ТОКАРЕВ

Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГГУ. Публиковался в сетевом журнале «Literratura». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Две рюмки дихлофоса» (№3-4, 2022).

СОЛНЫШКИ, ЭТО ЧУМА!

Роман

Предисловие

Мне всегда казалось, что когда отрастут усы, то найдутся взрослые слова, получится ухватить свои детские воспоминания и написать про них так, чтобы все поняли. Усы отросли, однако у меня нет слов. Слов-то нет, надо было подготовиться, почитать Ожегова хотя бы. Поэтому вот, что касается детских впечатлений, они будут, но в ограниченном объеме. Роман же по большей части посвящен странным штукам, чуме и моей работе в издательстве. А это я уже взрослый, поэтому, сами понимаете, от детскости рожки да ножки. Читать бы роман рекомендовал людям, ничего не достигшим в этой жизни. Ведь все, кто младше, могут испытать некоторое негативное влияние на не сформированную до конца психику, большие надежды, маленькие трагедии, средние ожидания, долгие проводы, короткие встречи, Кира Муратова.

Отрадно сейчас возводить в степень зачинающийся бред. Плести полную околесицу в данном предисловии. Роман еще не готов, а я уже начинаю с прелюдии. Кажется, все происходит с точностью до наоборот. С другой стороны, как говаривала одна женщина, размахивая перед моим лицом ножом: не начинай того, что не готов закончить, вот я готова это закончить! Мы жили с ней в садово-дачном товариществе, а могли там не жить, просто коммунальные платежи в садово-дачном товариществе ниже, чем в городе. И жили мы с ней, пока однажды у нее не произошел срыв покровов ночи, и она все-таки не решила меня прикончить. – Почему ты кокетничаешь с нашей почтальоншей, у вас что-то было? – Нормально, – отвечал я, и продолжал ошипывать курицу от перьев, чтобы сварить нам супчик. – Нормально, да ты издеваешься! – кричала эта собственница, схватила нож, наставила на меня. А я наставил на нее в ответ тщедушную тушку курицы. Вот тогда-то она и произнесла эти слова про «не начинай того, что не готов закончить».

Конечно же, роман я намерен закончить, правда, имеются кое-какие сомнения. Сомнения эти связаны прежде всего с тем, что мама и отчим говорят о необходимости бороться самостоятельно с искушениями, говорят, эти сущности, терзающие тебя, они конечны, как новогодние каникулы. Но я подозреваю, а также мы подозреваем: без вмешательства психиатра дело труба. Впрочем, нет поводов для грусти, радуйтесь, смейтесь! В конце концов, если происходящее вокруг помешательство реально, как размер минимального пособия, то терять нам уже нечего. А раз так, к чему пытаться уместиться в сомнительные паттерны общественного поведения, главное держаться в рамках закона, естественно. Кто знает, успеется ли дописаться история, которую вы читаете в данный момент, быть может, все прервет джентльмен психиатр. Он скажет: сынок, хорош уже концентрировать внимание на всякой ерунде, и так нервы расшатаны донельзя.

И придется его послушать, ведь мы не хотим ступить на тропу острого психоза, на дорогу слез, которая находится в нынешней Оклахоме. Пусть наша литература, как и сама жизнь, подталкивает к этому. Сколь ни было бы трудно решение оставить ее, мы не

можем этого сделать по той простой причине, что она и есть сама жизнь. Не в том категориальном смысле, патетически склизком, как вчерашние пельмени с семгой. Все несколько проще, любое событие, будь то поход в кожендиспансер, новая работа, старые друзья – есть литература. Литературоцентричность сегодняшнего дня не оставляет иных вариантов развития событий, кроме как фиксировать.

Так вот, речь пойдет, а потом полежит о моих знакомых, притянувших за уши в этот мир кое-что инфернальное, кое-что дикое. И в этой дикости автор истории, люди, с которыми встретится автор, его работа в книжном издательстве причудливым образом будут взаимодействовать с читателем, по крайней мере, очень хотелось бы, чтобы взаимодействие произошло. Также хотелось бы отметить, что автор абсолютно никак не будет дистанцироваться от рассказанных событий. Ведь значение сегодняшней писанины, как мы считаем, заключается непосредственно в самой писанине о том, что было, о том, что было бы, если бы, но на отрезке реальных событий. В общем-то, скажу, как однажды сказал Миша Токарев, мужская литература это зачастую, чисто теоритически, ощущение ложной беременности. Отсюда же смена пола, кстати, они хотят писать так же чувственно, как женщины, но, милый мой, у тебя ничего не получится. Поэтому прекращай выдувать носом некрасивые пузыри, а возьми, наконец, свое сердце, и намазюкай что-нибудь им. Отсюда та страшилка, помните, отдай мое сердце! Сердце мы, конечно, отдавать, не намерены. Но повеселить читателей новой историей очень даже расположены. И для этого у нас даже имеется сердце.

Глава 1

Спиритическая пятиминутка

Один мой знакомый предпочитал принимать ванну, не снимая одежды. Его спрашивали: Валера, у тебя шуба намокла, зачем ты это делаешь? Валера, который был мужчиной впечатлительным и экзальтированным, отвечал в таких случаях: не суй свой нос, дорогая Лерочка, не в свои дела! Лерочка была его женой, поэтому подобное общение не выходило за рамки приличий. За рамки приличий, как правило, выходит надевание платьев жены, ее колготок, вот это вот все. Дело не в этом, а дело в том, что Валера изучал опасные виды плесени. В частности, в сферу интересов Валеры входил гриб спорынья. И кто знает, являлось подобное поведение следствием стремительно размножавшейся на пшенице плесени. Или же в их квартире и вправду происходили паранормальные вещи. Пшеницу мужчина выращивал в шкафу, как и остальные злаковые. Шкаф был своего рода плантацией, он занимал целую комнату. В нем не было задней стенки. Заходя в него, вы сразу попадали в уютную теплицу. С металлоалогенными лампами, развешанными по периметру комнаты, грядками, тонной целлофана. Внушительная площадь трехкомнатной квартиры, доставшейся Лере в наследство от бабушки, позволяла творить подобные непотребства, как выражалась полоумная престарелая соседка снизу.

История этой молодой семьи началась в стародавние времена. Сто лет назад, когда на дворе стояли особенно кусачие морозы, где-то минус 40, Валера с Лерой, будучи еще детьми, поцеловали металлические ворота воинской части. Их поцелуи провисели на воротах аж до самой весны, напоминая прохожим, что маленькие люди тоже умеют любить. Частички губ отрасли, законы физики усвоились. Школа закончилась, а Лера с Валерой поженились. Юноша – а молодые люди, закончившие школу, по обыкновению, зовутся не иначе как юноши, – поступил на исторический факультет. Еще одной страстью Валеры, помимо истории, была микология; конечно же, Лерочка тоже входила в список важных для парня тем. Но как же все-таки Валерий любил историю и грибы, как же любил. Бывало, встречает свою молодую жену после пар и дарит ей картину Эдварда Мунка «Крик», составленную из частичек мухоморов, опят, рыжиков, сыроежек. Потом

забудет, что дарил такую картину, встречает, дарит опять. А сам все рассказывает да рассказывает про VI век и первую пандемию, приключившуюся в Центральной Азии. Подружки Леры, с которыми та училась на филологическом факультете, посмеивались над чудаковатым Валерой. Говорили: посмотри на него, он же странный, посмотри на него, у вас же нет будущего, посмотри на него, – говорили.

Однако Лерочка, эта рыжеволосая, худенькая любительница поэзии во всех проявлениях жизни, целиком и полностью верила в гениальность своего мужика. Верила, как верит черно-белый бездомный котенок руке, протянувшей сосиску на улице. Едят ли кошки сосиски – вопрос, не требующий раздумий. Лерочка даже не думала уходить от мужа, совсем наоборот. Она полагала, что их связь является, чисто теоретически, самым ценным в ее бытии. Порой девушка чувствовала себя переводчицей с заумно-возвышенно-дурацкого языка мужа на земной, понятный окружающим: и таксистам и министрам, шахматистам, продавщицам, и тупицам, даже птицам. Откровенно говоря, а говорить откровенно это в высшей степени благо, ведь стремительная, психически нестабильная реальность совсем-совсем не уместается в канцелярском языке. Откровенно говоря, Валера был человеком, не приспособленным к быту. Мужчина мог забыть поесть, с легкостью откусить кактус, на секунду отвлекшись от написания научной статьи. А потом сидел, не замечая боли во рту, а во рту, как вы понимаете, происходил апокалипсис сегодня, а Валерий продолжал писать, а по бороде стекали капельки крови.

Странности в поведении мужа Лера заметила, когда Валера решил связаться с духом Шарля Бодлера. В начале осени мужчину выгнали за систематические прогулы из института, где он преподавал историю средних веков. Валерий Николаевич, как называли Валеру студенты, вздохнул с облегчением. Освободившееся времечко мужчина посвятил написанию монографии, посвященной XVIII веку, безумию, плесени. Также историк не забывал уделять внимание своей плантации-шкафу. Он уделял и уделял, сеял рожь, поливал ковыль, разговаривал с грибами, осоку власовидную тоже выращивал, фонтанную траву, почему бы и нет. Валерий Николаевич по обыкновению начинал свой день с того, что облачившись в прорезиненный синий плащ, наливал в пластиковые двухлитровые лейки воду. Свесившись из окна на пятом этаже, где, собственно говоря, они проживали, ученый поливал проходивших мимо людей, чтобы росли здоровенькими. Если никто не приходил разбираться с Валерием Николаевичем после этого, он отправлялся напрямик на плантацию, проделывая то же самое, только уже с растениями. Садился за коричнево-медовый дубовый стол в зале и настукивал на компьютере текст.

Именно осенью Лера начала ощущать своим тонким, беленьким носиком гнетуще-сыроватый запах. – Что это, плесень? – вопрошала она, когда чистила зубы. – Нет, это плесень! – кричала девушка, рассыпав речь с макаронами во время приготовления обеда. – Нет, нет, все в порядке! – уверял Валера, а потом громко чихал, и снова и снова чихал. – Да, плесень же, это из твоего шкафа, наверное? – робко спрашивала Лера, намазывая на губы селедочный сок из пластикового контейнера с рыбешками. Стоя в коридоре у зеркала, которое было не зеркалом даже, но постером с Джеком Николсоном. Лицо Лерочки сияло улыбкой, рыжая макушка, казалось, горит синим пламенем. Валера, присмотревшись, заключил, что волосы, действительно, горят. – Дорогая, что с твоей головой? – спросил он, вставая из-за стола в комнате. – А что такое, голову я мыла сегодня, – ответила девушка, скидывая шелковый халатик с китайскими драконами. Ее обнаженное бледное тело, какое же обнаженное, да еще и бледное. Валерий прикрыл глаза, а когда распахнул, в комнату влетела бабочка-капустница, а пламя на голове Леры исчезло, как не бывало. Может, и не было пламени-то, привиделось.

Валерий почувствовал, что исторический культурный код, который содержится в жене, требует немедленной разгадки. Код бултыхался в ней, бурчал, прямо в животе Лерочки. К тому же эти огненные, непростительно расчудесные волосы вызвали у мужчины сердечный приступ. Как он любил свою жену ведьму, как любил. Лицо исказилось, в груди покалывало, мужское начало в брюках топорщилось. Близился конец,

Валера не понимал в тот момент, чего он жаждет больше, секса или сожжения. Все-таки ведьма в доме не к добру. Мужчина, опираясь на спинку стула, тяжело дышал, глядя на супругу влажными от слез глазами. А Лера шагала к нему, нет, не шагала, она парила над полом. В комнате мигал свет, по батарее стучали соседи. Супруга приблизилась к Валере, поцеловала в губы. И они занялись меланхоличным сексом. То есть без особого энтузиазма, то есть почти и не занимались, просто полежали на коврике, потерлись телами.

Но вернемся к Шарлю и его Бодлеру. В начале мая мужчина дописал монографию. Он закричал в шесть утра во все горло, длина которого составляет у взрослого человека примерно 12–14 сантиметров: я дописал ее, дописал! Жена, посапывающая в постели, от неожиданности гавкнула, упав на пол. Протирая заспанные глазенки, она с опаской озиралась по сторонам. Валера искал что-то в комод. Девушка сонно спросила: что, что там ищешь? – Как что, свою праздничную рубашку! – ответил супруг, продолжая копошиться в комод, как янтарная волосогрызка копошится в копне волос молодой Софии Ротару. Почему именно Софии Ротару? А потому, что Лера уловила еле слышное: только, только, только этого мало – звучащее у соседей. В шкафу чихнули, и это вызвало крайнее непонимание у девушки: – Ты слышал, там кто-то, кто там?! Супруг воскликнул, надевая мятую белую рубашку, черные брюки: это все неважно, ведь я дописал монографию!

Нарядный супруг расхаживал по комнате, заложив руки за спину, жена наблюдала за похождениями мужа сквозь пальцы. По просьбе Валеры она тоже вырядилась подобающим случаю образом, на ней было сиреневое свадебное платье. – Что ты сейчас делаешь? – спросила Лера. – Думаю, какое бы название дать своему исследованию, вот, мне нравится «Грибы зла», только это, кажется, у кого-то было. – Тебе не помешает отдохнуть, давай ты съездишь в санаторий, мне вообще неуютно в этой квартире, – робко сказала девушка. – Нет времени, ты же понимаешь, где мы находимся? – супруг явно был на взводе, у него искрились глаза, поэтому Лера достала из-под дивана полено, кинула мужу в глаз. Чтобы было теплее. Валерий крикнул ей: дура, ты не понимаешь, я занимаюсь наукой! Лера ответила на эту реплику сдержанно: мама мне говорила, что когда-нибудь твоя кукушка улетит в теплые страны. – Насмехайся, дорогая Лерочка, но помни, все пройдет, и печаль и радость, все пройдет, так устроен свет! – запел супруг.

– Валера, может, мы все-таки обратимся за помощью? – поинтересовалась девушка. – Неси-ка ты масло подсолнечное! – ответил Валерий. – Зачем, зачем тебе такое масло? – Лера погрустнела, внезапно вспомнилась работа в начальных классах, хорошая была пора. Коррекционный класс, такие сообразительные детки, даже не скажешь, что попугай столица Молдавии. Сразу после института девушка преподавала два года, пока муж не решил, что домохозяйкой быть интересней. Он помедлил с ответом, размышлял, нежно поглаживая дверцу шкафа. – Валера, зачем тебе масло? – не выдержала такой эротики с деревом Лера. – Чтобы смазать голову, чтобы лучше думалось! – очнулся мужчина. Девушка принесла из кухни бутылку с желтой, как пятна на матрасах в домах престарелых, жидкостью. Валерий полил себе на голову, белые как лебяжий пух волосы сделались жирными, блестящими. Он втирал масло, массировал шею, капли утекали за воротник, грузно падали на паркет. – Мне надо связаться с духом Шарля Бодлера, спросить у него разрешения, спросить, могу ли я назвать свою монографию грибами зла! – пугал своим более чем неадекватным поведением супруг. – Что же ты масло разлил, а если трамвай, что же тогда делать? – тихо спросила девушка.

Валерий Николаевич изводил брусок хозяйственного мыла. Он закатал рукава рубашки и пиджака до локтей, сосредоточенно намыливал руки. В раковине было много пены, пузырьки надувались, как будто невидимые гномики дули в невидимые ручки без стержня. Потом пузырьки лопались, тонкая струйка воды их уничтожала. В дверях стояла жена с карандашиком и блокнотом, она фиксировала Валерины тезисы. – Для того чтобы связаться с Шарлем, необходима хорошая погода, буря нам не нужна, записала? – спросил

муж. – Записала! – подтвердила Лера. – Далее, общаться мы будем ближе к ночи, детей из процесса общения мы исключим! Девушка возразила: так у нас и нет детей! – Замечательно, – продолжил мужчина, – звать медиумов не будем, они дорогие. Теперь я прошу тебя раздобыть бумагу, карандаши, бристольский картон, на котором по кругу надо будет написать буквы русского алфавита. Супруга задумалась: а вот я не знаю, я, конечно, ничего об этом не знаю, но, по-моему, для этих дел нужно еще блюдо, стрелка из черной бумаги, овальная дощечка. Валерий Николаевич, наконец, прекратил терзать мыло. Он сказал недовольно: Лера, ты вообще, чем слушаешь, о блюде и стрелочке и о дощечке я уже сказал! – Нет, не сказал! – возразила девушка. – Сказал, сказал, сказал! – затараторил, как несносный ребенок, Валера. Он выключил воду, стал вытирать руки полотенцем, вспомнил: да, чуть не забыл, надо достать с антресолей колокольчики.

Забегая вперед, хотелось бы отметить, что ни с кем связаться ребятам не удалось. Сеть была занята, как 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. И, слава богу, мять своими живыми пальчиками, как тесто, тонкие материи чревато. Молодые и шуточные декаденты, чародеи с Новых Черемушек, пророки, учащиеся в выпускных классах, всем вам хотелось бы напомнить – придет время, сами все узнаете. А пока влезать туда, куда собака не решится засунуть хвост, совершенно не стоит. Вам что, жить надоело? Потом пишете на форумах: спасите, помогите! Однако уже поздно, и напоминает ситуацию с адвокатом и девочкой, расправившейся со своей семьей. Адвокат говорит: товарищ судья, проявите снисхождение к моей подзащитной в связи с тем, что девочка сирота. В общем-то, полагаю, что мысль эта вам понятна, не нужны вам никакие подселенцы и пиявки. Тем более что пройти достойно жизнь не поле перелететь, сложновато будет.

В десятом часу, когда стол ожидаемо не полетел по комнате, а колокольчики совсем не зазвенели сами по себе, Валера крепко призадумался. – Ну, давай попробуем в другой раз, милый! – утешала жена. – Нет, Лера, это знак, надо думать другое название для монографии! – отвечал решительно мужчина. Он сидел за круглым столиком, откопанным из-под советского плюшевого мишки, цветастых тряпок, проржавевшего ведра в кладовке. Стрекотали неправильные цикады, ведь они стрекочут в самое жаркое время дня. А тем вечером не сказать что было жарко, пожалуй, всего лишь душно. Душно, как напутственная речь выпускникам литературного института. Все у вас сложится, ребяташки, вы станете великими программистами человеческих этих самых душ, а кое-кто даже редактором, но речь не о том. – Надо полить пшеницу, – вспомнил мужчина. – Полей, я пока приготовлю ужин, – поощрила желание полить пшеницу Лера. И они разошлись каждый в свою сторону. Муж скрылся в шкафу, подобно лучшему роману в мире, а как мы помним, лучший роман тот, который еще не написан. Девушка встала перед зеркалом, на этот раз перед настоящим, а не перед постером Джека Николсона.

Ватными тампонами, вымоченными в женских маслах. В том, чем женщины смывают обычно косметику, признаться честно, я не силен. Частенько в рекламе по телевизору фигурируют некие масла, молочко, пенка для снятия макияжа. К такому важному событию, как встреча с поэтом Шарлем, Лера накружилась, надушилась, все как полагается. Она стояла перед овальным зеркалом, смывала косметику. Румяные щечки, темно-синие ночные тени, напоминающие синяки под глазами, ярко-красную помаду с губ. Мужчина не возвращался из шкафа. Косметика благополучно скрылась, как преступники с места событий, так же скрылась с лица Лерочки. Девушка погрузилась, она высунула язык, как бы дразня свое отражение в зеркале, отражение не принимало правил игры, поэтому язык в ответ не высывало. Лера думала о том, что жить с мужем становится все труднее и труднее. Нет, в бытовом отношении супруг, конечно, лапочка. Однако не хватало, чего-то не хватало, а чего, девушка не понимала. Валеру, когда уволили, сразу начали приглашать, Валера специалист, преданный своему делу, он молодец. В Берлин позвали преподавать, в компанию, которая занимается составлением генеалогических древ, позвали. – Я чувствую себя словно кукла Оскара Кокошки, – сказала вслух девушка. Отражение запоздало показало язык. Лера печально улыбнулось

ему, мол, что ж ты, не поспеваешь. И пошла на кухню к мусорному ведру, чтобы избавиться от использованных материалов. Ватные тампоны впитали в себя краску, набухли.

У мусорного ведра почудился неприятный запах. Не просто сладковато-пропащий аромат помойки, но пахло, как будто сдохло живое существо. Девушка заглянула в ведро, наклонилась даже к нему, понюхала своим аккуратным носиком, пахло не от ведра. Мысли вернулись в прежнее русло. – Я же как постельное белье, которое выдает проводник в поезде, я то самое постельное белье для Валеры, – делилась переживаниями с ведром Лера. Соседка из нижней квартиры включила телевизор, прибавила громкость до максимума, соседка хотела привлечь к себе внимание, ох, артистка. В молодости она играла в театре, потом сошла с ума. Но с ней мы обязательно встретимся, а сейчас вернемся на кухню. – Нам срочно нужен ребенок, спасибо, ведрок! – обрадовалась Лера, вдохновленная побежала в комнату, вызволять мужа из шкафа, делиться с ним решением проблем. Нет, проблем как таковых и не было, просто девушку тяготила вот эта ситуация, где она предстает в качестве приложения к своему мужу. Как говорила еще Лерина мама: доченька, жизнь с мужчиной это коробка конфет птичье молоко, никогда не знаешь, какую конфетку вытянешь. Девушка порядком устала, выражаясь метафорически, лопать птичье молоко и запивать холодным чаем. На всякий случай, ежели метафора будет непонятна: рутинная жизнь, где наша героиня любит мужа, муж любит ее, у мужа кукушка иногда улетает, но это даже забавно, а вот ребенок, ребенок, подобно горячему чаю, добавил бы пикантности всему происходящему, скрасил бы Лерину жизнь чудом материнства.

Из шкафа ничего не доносилось, словно там наступил карачун всему человечеству. А что если человечество живет в таком шкафу, размышляла, как лучшие философы современности, Лера. Она прислонилась к дверце, слушала. От напряжения ее рот скривился, как у ребенка, увлеченного разделкой курицы. В тот момент девушка была особенно милой, словно письма Достоевского, которые он писал о своей скорой кончине. Писал он эти письма лет с тридцати пяти, начиная со слов: вот и наступает конец, чувствую. В сорокалетнем возрасте начало писем сменилось на «кажется, скоро конец». Не помню, в каком возрасте, но письма однажды стали такими: конец в любом случае когда-нибудь настанет! И вот милая Лера, как эти письма Достоевского, стояла и слушала, что происходит в шкафу. Ей показалось, что там гуляет ветер, и мачта гнется и скрипит. Не выдержав, – девушка все-таки была не шпионом, подолгу вслушиваться, затаившись, прерогатива шпионов, – она распахнула дверь. А за ней оказался поздний зимний вечер, промышленные строения, женщина с девочкой в синей шапочке с вязками, болотного цвета комбинезоне. Женщина была никакой не женщиной вовсе, а была мамой, а девочка, соответственно, была Валерией. Детская Лера громко говорила своей маме, плача: я видела собаку, у нее ребрышки торчали! Мама ей отвечала: спасем твою собачку, спасем, я завтра позвоню в приемник, ей помогут! – Нет, в собачке был еще червячок, как быть с ним?! – всхлипнула доведенная до отчаяния Лера. Мама задумалась. У нее не было решения этой задачи, задачи по спасению и собаки, и червячка, который проживает в собачке. – Девочка моя, всех спасти нельзя, к сожалению, это так! – наконец ответила мама. И женщина вместе с маленькой женщиной пошли дальше. Их путь, как помнила взрослая Лера, пролегал мимо психиатрической больницы и скотобойни. Близость этих двух заведений порой рождала причудливые симфонии, состоящие из криков животных и криков пациентов.

Наваждение завершилось ожидаемо быстро, как строительство Транссибирской магистрали. Если бы наваждения длились продолжительное время, то психика гражданина, испытывающего подобные видения, быстро бы истощилась. Лера обнаружили себя зареванной, лежащей на кровати. Суетился муж: как ты себя чувствуешь, наверное, ты перенервничала с этим сеансом, лежи, лежи! Он тараторил, тараторил. Лера думала, когда же ты догадаешься оставить меня в покое, мне нужно

побыть одной. Но Валера не оставлял супругу в покое, он сбегал на кухню, принес кружку с кипяченой водой, вновь сбегал на кухню, вернулся с пузырьком валокордина. На третий заход Лера не отпустила мужчину: я хочу побыть одна, просто дай мне это сделать! Девушка умылась, надела пальто, сапоги, вышла на улицу. Она подозревала, что Валера не сумеет оставить в покое, поэтому бегство из квартиры виделось Лере достойным решением. А дальше в этой истории начинаются совершенно необъяснимые события. Например, почему девушка решила позвонить Миши Токареву, с которым не общалась с институтских времен? Каким образом она нашла номер его мобильного телефона? Почему девушка посчитала, что Токарев может ей чем-либо помочь? Зачем на проводах висит обувь? Почему арбуз ягода? А также, почему красная книга красного цвета?

Глава 2

Трехрукий боксер

Однажды я перестал быть одной крови с коровами, устроился в издательство, гематоген чудовищно подорожал. Пришлось довольствоваться шариками рыбьего жира, чтобы витамины хоть как-то поступали в организм. Когда дорожает гематоген – это значит, в стране наступают сложные времена, привезут ли ножки Буша, вопрос. И вот я поехал в редакцию в свой первый рабочий день. Диктор после станции Сокол внезапно сказал сметана. В вагоне сидело два человека, девушка, которая походила на Марину Абрамович после своего шестичасового перформанса, она выронила предмет, завернутый в белый носовой платок. Платок развернулся, подобно детской машинке, в работа. Поезд остановился в тоннеле, свет мигнул, диктор попросил сохранять спокойствие, когда вязнешь в сметане, сложно сохранять спокойствие, но мы сохраняли спокойствие. По полу покатился стеклянный шприц, рассыпались одноразовые иголки. Девушка смущенно улыбнулась. И я подумал, что ж ты, Марина, не выбрала виноград или печенье. – Будьте осторожны! – сказал диктор, сказал как-то неуверенно. Девушка собрала в платок баян, но играть не решилась, прикрыла глаза. Я тоже прикрыл глаза. И мы, как две панды с большими черными мешками для мусора, поехали дальше в абсолютно холостяцком вагоне метро.

На улице было много-много желтых листьев. Казалось, они вымазались клеем, прочно сцепившись с тротуаром. Выйдя из метро, я ожидаемо поскользнулся, ведь в то утро мало каши ел. Вокруг сновали прохожие, ни один из них даже не помог подняться, с другой стороны, гематоген дорожал, и у всех были свои заботы. Издательство, куда я устроился, печатало научно-популярную литературу. Если бы у меня тоже было издательство, я бы печатал рассказы и верлибры разных ребят на освежителях для воздуха. Или на стиральных порошках, например. Читающий человек проводил бы времячко с пользой, это уж точно. Но другое издательство, в которое я шел тем утром, оно находилось в жилом пятиэтажном доме, и ни о каких освежителях для воздуха речи и быть не могло. Отряхнув свою зеленую куртку и штаны с нашивкой Микки-Мауса от приставших к ним листьев, пошел наугад в сторону магазинов. Потом окончательно заплутал, ведь своего телефона, такого, чтобы с навигатором, у меня до сих пор не было. У магазина на скамейке сидело несколько понурых мужчин и одна женщина. Она улыбалась своим красно-перекошенным ртом, на голове у нее была синяя беретка. Подходя к ним, я спросил: где тут издательство в переулке? И тогда женщина показала свой оранжевый язык. А мужчина, чье лицо скрывал капюшон с мехом, кашляя, сказал: ближе не подходи, мы опасаемся за свое здоровье! Я спросил его вот так: а в чем дело, товарищ? А он ответил: да, сейчас зараза какая-то каверзная, не хотим рисковать, издательство вон за тем домом. Женщина хихикнула, товарищи засобирались, взяли свои жестяные банки, пошли во дворы.

Выданный накануне ключ от редакции вошел в замок, словно мысли об ультранасилии в голову буддиста, легко. Дежурить предстояло три раза в неделю, отвечать на звонки, собирать книжные заказы, выдавать их, составлять накладные для библиотек, разное, в общем, предстояло делать. Ключ провернулся на один оборот, застрял. И так и сяк я его пытался крутить, даже вытащить назад его не получалось. – Милая дверка, ну, пожалуйста, откройся – унижался я перед обитой фиолетовым дерматином дверью. В подъезде пахло формальностями, вроде кошачьей мочи, чьих-то духов, сигарет. Этажом выше открылись двери лифта, по ступенькам кто-то спускался. Если бы у меня было свое издательство, я бы вместо жилого дома предпочел организовать его в домашнем шкафу. Там в определенной степени комфортней существовать и ни от кого не зависеть, только от коммуналки и клопов. Подошел мужчина в расстегнутой коричневой дубленке, под ней виднелась вязаная кофта. Кофта была такая, как бы красная в синюю полоску. Я еще отметил про себя, что все полоски не уникальные, качество-то заводское, хотя все-таки одна из полос, та, что ближе к воротнику мужчины, пожалуй, заслуживает внимания. Она прерывалась ровно посередине, а потом продолжалась как ни в чем не бывало. Из отверстия с рваными краями на меня смотрело подобие глаза, вытатуированный, выпцветший глаз моргнул. Мужчина рассмеялся, потом спросил: новенький сосед? У него были седые волосы, зализанные назад, густые черные брови, тонкий белый шрам от пореза на лбу. – Да, дверь что-то не открывается, – ответил я, еще раз посмотрел на глаз у него на груди. Мужчина сказал, снимая дубленку, а потом и кофту: гляди, какая. Там была рыба, хвост которой лежал на плече соседа, а профиль как раз и был с глазом. – Красивая, – подтвердил я. Он оделся, сказал: послушай, тут лет двадцать назад сектанты жили, с тех пор дверь просто так не открывается, надо ее ногой вот так пнуть. Мужчина саданул головой в середину двери, сказал: теперь попробуй. Я провернул ключ на второй оборот, получилось. Только хотел сказать спасибо, но сосед уже вышел на улицу, не прощаясь. На двери проявилось подозрительное темное пятно, прямо там, куда ударил головой мужчина.

В самой редакции было уютно, узкий коридор, несколько комнат. Я щелкнул выключателем на стене, по ней, быстро перебирая своими ложноножками, побежал бегемот. От неожиданности я вскрикнул, не как девчонка, скорее впечатлительный мальчик. Осмотрел комнаты. На складе вдоль гипсокартонных стен стеллажи, на них книжки по рубрикам. Висел плакат с трехруким чернокожим боксером и надписью «я всегда на шаг впереди». Корешки книг: «пиратские истории», «все, что вы хотели знать о чайном грибе», «интимные глубины души, а также дети». Я повторно вскрикнул, тут уж как девчонка. С потолка прямо за шиворот упала холодная капля, потолок протекал, видно, наступил сезон дождей. А надо мной было еще четыре жилых этажа. Где-то там включилась танцевальная музыка, это в девять часов-то утра. Пошел к своему рабочему месту. А рабочее место находилось во второй комнате, рядом с туалетом. Как будто плацкартное место рядом с туалетом, но в целом ничего страшного, в туалете был освежитель для воздуха с ароматом хвойного леса. На всякий случай заглянул туда, чтобы быть в курсе обстановки вокруг. Когда не интересуешься политикой, однажды сядешь в тюрьму, как говаривал мой дедушка.

В комнате, где предстояло провести какое-то время, – я еще не знал, насколько придется задержаться в издательстве, – пахло кофе и сыростью. Самое долгое, по-моему, год, да, самое долгое год, когда мне довелось поработать на телевидении, о чем это говорит? О чем это может говорить, кроме как о невозможности литературным работникам в нашем с вами мире основательно закрепиться. Мое новое рабочее место представляло собой крутящийся стул, у которого не было спинки, стол, у которого были жилистые руки с синими венками трудолюбивой девчонки, предыдущей служащей, и компьютера. В телефонной книге были номера так называемых контрагентов, то есть представителей магазинов, продающих наши книги. И я начал обзванивать их, надо было познакомиться, обозначить себя. Даже в тюрьме есть такой обычай, или не в тюрьме, в

любом коллективе: как ты себя поставишь сначала, так и будет складываться твоя жизнь. С двумя тетушками поговорил складно, не сказать чтобы душевно, но мы познакомились и договорились сотрудничать в дальнейшем. С третьей произошел следующий диалог. Я: алло, доброе утро, меня зовут Миша, теперь я ваше новое связующее звено с издательством N. Она: добрее видали, позови лучше взрослого человека к телефону. И тут стоит добавить, что голос у меня все-таки детский, а когда я волнуюсь, там вообще детский-детский, там начинается словесная абракадабра. Я: нет, вы не поняли, вы уже говорите со взрослым человеком. Она: не зли меня, засранец, у меня приехали книги на склад, я спешу. Я: что сделать, чтобы вы поверили? Она: подрасти, а потом звони, скотина. С этими словами женщина положила трубку, а я остался сидеть под пальмами в больших коричневых горшках.

Еще в этой комнате было четыре таких же рабочих места, еще там был дополнительный кабинет директора. А еще там был первичный бульон, ведь по стенам время от времени пробегали бегемоты, шевелили своими усами. Значит, некие процессы все же происходили. А я сидел под пальмами без движения, эта спесивая женщина с голосом Надежды Бабиной расстроила. Прозрачный чайник на столе привлек взгляд, и я пошел набирать воду. В дверь неожиданно постучали. Это пришла девушка в леопардовой шубе с фиолетовыми волосами. Она спросила, заикаясь: вы собрали мой заказ, мой заказ очень важен, в моем заказе самое нужное? Я перебил ее: номер заказа, а иначе ничего не случится, как в том анекдоте про конфеты и ручки. – В каком анекдоте? – переспросила она. Проигнорировав, развернулся и потопал в туалет, чайник-то сам себя не наполнит. Струя из-под крана не бежала прямо, она бежала зигзагами, как будто рядом была зона энергетической активности. – Вы скоро? – спросила девица, заглядывая в туалет. – Нигде от вас не спрятаться, вы как алкоголизм в компании трезвенников, – ответил я, заворачивая кран. – Пойдемте, соберу ваш заказ! – продолжил я.

И мы зашли на склад, но перед этим я худо-бедно распечатал товарную накладную, ведь когда объясняли, что нажимать, прощелкал ушами. – Изо рта в рот, получается микроб, – сказала барышня. – Что, что вы там говорите? – спросил я, доставая с четвертой полки книгу «Очерки древнего секса». – Вы новенький сотрудник? – она постучала своими длинными кислотно-зелеными ногтями по корешку «Чумы, от которой не скрыться». Мне пришлось рассмеяться, второй человек, заметивший это маленькое недоразумение, ведь категория новенький не предполагает серьезного к тебе отношения. Новеньким быть это как мечтать сделаться Гарри Поттером с его волшебной палочкой, но все уже знают, что единственная палочка, доступная тебе, кишечная. – Новенький, он самый, – подтвердил я, кладя «Математику для самых дебильных» в общую стопку заказа. Девушка закашляла, у нее изо рта вылетела эктоплазма. С эктоплазмой я в своей жизни однажды сталкивался, в прошлых произведениях об этом вполне можете почитать. Полупрозрачные ниточки, словно ловчие щупальца медузы, колыхались в пространстве. У покупательницы закатились глаза, она стала часто вдыхать, вдыхать, вдыхать, чихнула. И наваждение прошло, белесое облако втянулось обратно. – И давно это у вас? – спросил у нее. – Ой, не говорите, – скривилась девушка. И мы вышли с ней в узкий издательский коридор.

Покупательница с фиолетовыми волосами расплатилась за книги, ушла. Неудобная девушка, подумалось мне, как будто камешек в валенке. Наличные деньги лежали в пластиковом конверте в столе у нашей бухгалтерши. На ее столе валялся пузырек с таблетками от высокого давления, градусник, карманный календарь с молодым Леонтьевым. Календарь был 99-го года с кучерявым автографом. Четыре книжки в килограммах вышли на две тысячи рублей, но я догадывался, почему печатная продукция стоит так дорого, догадывался. Это ж надо было платить зарплату сотрудникам, за аренду помещения, обеспечивать перевозки с основного склада, тут не отделаешься себестоимостью одной книжки в сто пятьдесят рублей, тут, товарищи, необходима наценка и четкая гражданская позиция, лезть в книгопечатание ответственное дело.

Чайник закипел на столе, пузырьки забурлили, неожиданно я захотел написать роман, который когда-нибудь напечатают. А если все-таки не напечатают, тогда и смысл писать? Нет, нет, смысл есть. Здесь как с чудом, ты рассказываешь про него, и оно перестает быть чудом. Здесь просто садись и пиши, не распространяясь. А то начнется: Миша, как там с романом, Миша, пришли почитать хотя бы главу, Миша, а посоветуй кино, Миша, а как ты справляешься с депрессией.

Зазвонил телефон, там помолчали, тут помолчали. – Кто молчит? – спросил я, жуя ворот своего красного комбинезона, страсть как полюбил комбинезоны в последнее время. Когда ты в комбинезоне, подкожные черви не такие активные, меньше испытываешь желание содрать свою кожу, чтобы размахивать ей потом, радостно покрикивая: я поборол тело, я обновился! – Вас не слышно, алло! – смущенно прошептал в телефонную трубку. На том конце провода слышались потрескивания, как будто разговаривает костер, на том конце провода. К потрескиванию добавился шум хворого телевизора. – Мне придется положить трубку, – заверил я. Тут все и произошло. Женский голос, пронзительный, непонятный. Она тараторила в мое правое ухо так, что в левом неприятно покалывало, закладывало, как будто летишь на самолете. Скверное чувство, ладошки вспотели, похолодели, онемели, посинели. И мне даже показалось, что некоторые слова понятны, вот они, абсолютно прозрачные, словно лапша фунчоза, но смысл всего монолога барышни не складывался. Это какой-то плохой робот-машинка, подумал я, вспомнив некстати утреннее происшествие в метро, вспомнив платок и шприц. Кое-что все-таки удалось разобрать: тяжелеют, дозвониться, напечатают. Моя голова чудовищно разболелась, но положить трубку что-то мешало, положить трубку я не мог, казалось, физически. Некто в моей руке копошился невидимой иголкой, капли, стекающие со лба, попадали в глаза. Щипало, как от желтого шампуня с зайцем, щипало, как если бы вы нарезали лук. Луку, полагаю, неприятно, когда его режут, нервной системы у него нет, поэтому луку больше обидно, чем больно.

Спустя некоторое время девушка прекратила балаболить, взялась за ум, у нее родились дети, она вышла замуж, перестала читать книги, жизнь сделалась прекрасной. А у меня помутился рассудок и поднялось давление. В трубке зашипело, как если бы шипели, впрочем, нет времени на метафоры, поэтому перейдем к делу. В трубке пошли помехи, сквозь которые виднелись чьи-то ноги в брючках, юбочках, джинсах. Помехи как будто навеивали ложные воспоминания. Комната качнулась, потом принялась тягать гантели, став культуристом. – Милая комната, не качайся, – унижался я перед ней. И тут раздался стук в дверь. Только благодаря стуку мне удалось побороть подступившую тошноту, в телефонной трубке пропали шумы, слышались кроткие гудки. Комната вернулась в норму, комната была дистрофична. За дверью стоял Павел Вениаминович, директор издательства. Он снял круглые темные очки, под которыми были еще одни, поменьше. Спросил меня: ты дашь мне зайти, у тебя все в порядке? Почему он так спросил, подумал я, пошатываясь в дверях. На директоре была черная шляпа, с полей которой свисали вареные макароны, покачивались в такт словам Павла Вениаминовича. И откуда у вас только макароны берутся, у вас неужели в голове происходят процессы варения? Размышлял я, фокусируя взгляд на его тонких седых усиках. – Э, братец, ты никак не стоишь на ногах! – сочувственно сказал директор, вошел в редакцию, подвинув мое тело в сторону. Тело, состоящее из пятидесяти девяти кило мяса, плюс кило мыслей и воспоминаний. Точность, как в аптеке или на рынке у честного продавца.

Мы переместились на кухню. Издательство-то занимало жилую квартиру, пусть и перестроенную, там была обычная кухня с холодильником, плиткой. Мы сидели с ним друг против друга, как отец против сына, а сын против собаки. Директор в красной клетчатой рубашке и подтяжках напоминал – впрочем, это заблуждение, – что все маньяки носят клетчатые рубашки. Однако на фотографиях из зала суда мы видим разных Пичушкиных, Головкиных в неизменных клетчатых рубашечках. Под шляпой на голове мужчины оказались каштановые волосы с проседью. И я так залюбовался этими

серебряными паутинками, что чуть не рухнул с табуретки. Комната по-прежнему кружилась, подташнивало после телефонного разговора. Микроволновка дзынькнула, мужчина взял свой контейнер с гречкой и сосисками, отвернулся к столу, начал питаться. Напиваться. Спросил у меня: а ты не взял с собой, что ли, тут мы сами себе еду приносим и обедаем. Я ответил ему: в первый рабочий день предпочитаю не кушать. Вообще-то, ни в первый, ни во второй, никогда. Горлом ком не идет абсолютно, когда рядом незнакомые люди. Что работал почтальоном, что мыл полы в школе, обычно старался позавтракать дома сытно, чтобы хватило на целый день. Хотя мамочка всегда всегда вручала в дорогу бутерброды, котлетки, пирожки.

Челюсти директора работали, как будто загнанные в тупик ипотекой люди, отчаянно. Я не решался заговорить, просто сидел там, слушал, вникал в обстановку. Из уха моего собеседника несмело выглянула мордочка мухи, цепляясь лапками за торчащие, словно иголки на елке, волоски, выбралась на свет. Вспорхнула, жужжа, полетела по кухне. – Когда будет зарплата? – спросил я. – Мм, зарплата, тридцатого числа, дружок, – ответил он. – Хорошо, а можно уйти сегодня пораньше, раз вы пришли? – не унимался я. – Мм, нет, – сказал директор, вылизал серебряную ложку, спрятал в карман брюк. Затем он встал и направился мыть чашку. Напор воды был слабый, как второклассник. В дверь постучали, кто-то зашел. Мы с директором вышли в коридор, увидели человека в милицейской форме. Он с улыбкой сказал директору: Павел Вениаминович, мы с вами договаривались. О чем они договаривались, я не узнал, директор спешно выпроводил мое пятидесятидевятикилограммовое тело. – Миш, ты на сегодня свободен, иди, иди домой! – поторопил он.

На улице моросил дождик. Я шел мимо большущего здания иностранных дел. Оно, казалось, парило над тротуаром, хотя и время было раннее, но уже начинало темнеть. В этом возрасте суточного времени начинаются гоголевские превращения. Пройдя вдоль сетчатого забора, врезался в человека-рекламу, человека, призывающего купить средство от заложенности носа. Потом стоял у метро, размышляя о первом рабочем деньке. Как это хорошо и здорово, – думал, – что меня взяли на работу, простой был долгим без работы-то. В основном удаленная, по интернету, сценарии для женских телепередач, расшифровки многочасовых интервью. Ладно, думаю, поеду, пора. Спустился в метро, а там началась мясорубка. Усиленный работягами с предприятий людской поток, и мы моросим, моросим, моросим. Моросим на перрон, как дождик на улице. Поезд подошел быстро. Утрамбовались.

Приехал домой, голова нездоровая. Гудит немного, не так чтобы как трансформаторная будка, но гудит. Заварил на кухне чай, подогрел пирожок с капустой. – Миш, подойди-ка ко мне! – позвал отчим из комнаты. Отчим занимается биополями, у него на столе множество книжек. Анатомия, химия, маятники лежат. Он меня зовет, значит, говорит, не отводя взгляда от большого деревянного круга с разными обозначениями. Говорит: тебя сегодня атаквали. Я смущенно ему: вполне возможно. Он спрашивает: как думаешь, кто? Узор на красном ковре, который висел на стене, задрожал, кошка на окне зашипела. – Да, я говорил там по телефону, непонятно было, – проблеял жалостливо я. – Представь этот разговор у себя в голове, – сказал он. И я начал представлять, левое ухо вновь заложило, вспомнился женский голос, который тараторил и тараторил. – Достаточно! – остановил отчим. – Я все почищу, – заверил он. – Спасибо тогда, – сказал я.

Кушал пирожок с капустой и запивал чаем у себя в комнате. И вот о чем размышлял, глупость, конечно, но что-то в этом есть. Такая старая шутка. Мол, дети в подростковом возрасте выбирают себе фильм, в соответствии с которым будут строить свои жизни. У кого-то Горбатая гора, у кого Золушка, Побег из Шоушенка. А у меня какая-то Ведьма из Блэр получается. И неспроста, что мой отчим подобные вещи чувствует. Он говорит: ты человек божий, но подвержен разным плохим влияниям. В пирожке очутился длинный рыжий волос, красивый. Почти такой же, как у моей бывшей

жены, работающей психиатром. Конечно же, у нее волос не один, а много, просто попадались они чаще всего по одному вот так же в пирожках, супе, плове. Зазвонил телефон, незнакомый номер высветился на черно-белом экране. Не стал отвечать, потянулся в кресле. Ухо разложило, то есть оно было заложено, как я подумал о том разговоре, о том, кто мне шептал в другое ухо, пока я слушал этим ухом торопящийся и непонятный монолог девушки. Потянулся, зевнув, ухо разложило назад, голова перестала гудеть. – Прошло, лучше?! – крикнул отчим из комнаты. – Лучше, спасибо! – крикнул ему в ответ. И подавился последним куском пирожка, который при кашле – стремительно вылетел из меня, шмякнувшись на подоконник.

Телефон вновь зазвенел, и я, не сдержавшись, ответил. Там был женский голос. – Миша? – спросили. – Слушаю – крикнул я в ответ, подошел к окну. На подоконнике помимо частичек капусты из пирожка лежали три резиновые уточки. За окном пролетал самолет, в самолете сидели два пилота. Один другому говорил: посмотри, что это там так мерцает? Но второй ему ничего не отвечал, ведь на мгновение телом второго пилота завладели, пальцы, вцепившиеся в штурвал, свело. А вот за окном, за большим шоссе в форме восьмерки сразу находится мусорный полигон. Многоэтажная гора спрессованных фантиков, бутылочек. Вспышка, на самой вершине горы загорелся пионерский костер. Почему пионерский, а потому, что в соседней комнате отчим отвлекся от своих маятников, включил телевизор и канал Ностальгия. Ничего себе, разбился, наверное, подумал я, и отошел от окна, за которым стало светло, как будто бы днем. – Миша, это ты? – спросил еще раз женский голос. – Привет, Лера, я тебя узнал! – ответил ей, действительно ее узнал. Если бы даже не узнал, сказал бы, что узнал, бабушка еще говорила, что я малахольный, говорю всегда то, чего ждут.

Лера была тоненькой, рыжеволосой, прямо солнышком была. Когда мы учились в институте, солнышко мне нравилось, и если бы тогда я не пил и не мыслил себя трагическим поэтом, возможно, наша дружба мутировала бы в романтические клетки ДНК. И даже Валера, с которым Лера тогда съехала обустроить свой семейный и такой взрослый быт, не помешал бы, о, нет. Однако примерно курсе на третьем я стал отчаянно пить, в связи с тем, что пубертатный возраст никак не желал проходить, первая девочка, с которой мы дружили по-серьезному, бросила. И я вот, сидя на последней парте на лекциях, мешал в кружке коктейль с названием триединство. Это когда вы берете пустырник, боярышник и валерьянку, в равной пропорции смешиваете, но не взбалтываете. Лектор, помнится, рассказывал о Москве и Петушках, а Лерочка сидела на передней парте такая красивая. Мы потом и до этого тоже просто разговаривали о всяком разном, о литературе, кино, о том, как лучше солить огурцы. Я приходил к ним в гости, пьяный, приставал, читал стихи. Валера переводил все в шутку, но чаще переводил на немецкий язык. Науки, которыми он занимался, требовали знания именно немецкого языка. Еще забавная подробность, алкоголические эксперименты окончились перед самой сдачей диплома, тогда же, помнится, я впервые съездил на каникулы в наркологию. Мы защищали дипломы так же, как вьетнамцы защищали свои земли от американских солдат, а потом разбредлись, кто работать, кто жениться, кто погостить у родственников на Камчатке. Я поступил в магистратуру в другой институт. И с тех пор в гости к Лере с Валерой не заходил. И трагическим поэтом быть перестал.

– Что-то случилось? – спросил, чувствуя, как поднимается давление, холодеют пальцы. Волнение дело такое, никогда не предполагаешь, тем более о чем вообще речь. – Случилось, ты не мог бы приехать к нам? – кажется, Лера волновалась не меньше, у нее дрожал голос. – Когда мне приехать? – Приезжай зимой, мы уехали к родителям Валеры, Валера сошел с ума! – заплакала она. – Я сейчас работаю, давай приеду в первый день зимы, – неуверенно пообещал ей. Отчим в соседней комнате покашлял. – Я не вовремя? – спросила Лера. Ответить ей не успел, у нее там послышался голос мужа: с кем ты разговариваешь, сколько раз я тебе говорил, не доверяй никому! – Я перезвоню! – пообещала девушка и положила трубку. К пионерскому костру устремились десятки

улюлюкающих мерцающих точек. Отчим крикнул из комнаты: скоро мама придет, давай сварим суп! В дверь заскреблась кошка, впустил ее, она подбежала к окошку, прыг на подоконник, хватя уточку. Но мы пошли уже варить суп, поэтому до кошки не было никакого дела.

В завершение данной главы не лишним будет рассказать о том, чем пришлось заниматься. Ведь свидание с Валерой и Лерой произошло спустя несколько месяцев, произошло, как я и сказал, в первый день зимы. Я по-прежнему кушал рыбий жир, чтобы витамины поступали в организм, однако гематоген спустя непродолжительное время стал дешеветь. И поэтому я вернулся к нему, полагая, что сложные времена приостановились. Три раза в неделю ездил на дежурства в редакцию, отвечал на звонки, составлял накладные, по которым осуществлялись отправки в разные библиотеки, книжные магазины, также редактировал тексты. И понял одну вещь, современный книгопечатный рынок подобен игре с отцом в Ленина и мавзолей. Отец обычно ложился спать, совсем как вождь, а ты охранял его сон. Холдинг-монополист, включающий в себя множество издательств, все они, как ты в детстве, оберегают сон Ленина, выпускают свою книгопечатную продукцию, кормят. С другой стороны маленькие издательства, не входящие в холдинг, к примеру, такое, как наше, они вернулись почти что к советской системе самиздата. Тираж одной книги редко достигал тысячи, а бывало даже, что речь шла о трех сотнях экземплярах. По поводу охраны сна Ленина – стоит добавить, что сын все-таки не перестает быть зависим от своего папки, поэтому они образуют симбиоз, в основе которого лежат взаимовыгодные условия, я тебе деньги, а ты печатаешь то, что я скажу.

Зарплату перечисляли на банковскую карточку, я совсем отвык от подобной системы. Бывало, приходишь за кефиром и булочками, протягиваешь карточку, а за тобой длинная очередь, все ждут. А продавщица не может с карточкой управиться, а все ждут. Поэтому наличные деньги, они надежней. Но подобные лирические отступления, кажется, излишни. Я работал целую осень, проживал свою литературу. Впервые, осенью, пришел авторский гонорар от журнала с советским названием. И я заплатил за коммуналку, купил продуктов благодаря поэтическим текстам. А в целом ничегошеньки экстраординарного в осенний период не происходило. Лишь всепоглощающая тишина вокруг, в метро, алло, вас не слышно, алло, заказ на десять книг уже на складе, алло, к сожалению, я не успеваю доставить ваши учебники по географии, алло.

Глава 3

Ясный мой свет, ты пахнешь керосином

Безъязычный декабрь мычал, мычал, а потом заговорил. Было холодное утречко, выпал первый снег, у соседей сверху отвалился кондиционер. Сначала прогнулся под тяжестью килограммовых снежинок, а потом и вовсе полетел с двадцать пятого этажа, прямо на проезжающую мимо дома милицейскую помощь. И опять и опять в голове заиграла песня: белые снежинки кружатся с утра, выросли сугробы посреди двора. Запах елки, неизвестно с какого перепугу взявшийся в моих ноздрах, понравился. То есть по спине побежали мурашки, даже глаз задергался. Это, знаете ли, воспоминания о позапрошлом Новом годе, когда я сам был невесомой снежинкой, когда было хорошо и покойно. Однако четыреста дней чистоты и трезвости, в определенной степени, обязывают соблюдать правила приличия.

В комнату зашла кошка, а вместе с ней шахтер Стаханов на четвереньках. Они потерялись своими телами о кровать, замурлыкали. И шахтер здесь был неслучаен, ведь работать по выходным я не собирался, директор издательства предупредил, что иногда придется этим заниматься. Он позвонил и сказал тем утром, о котором сейчас рассказываю: Миша, сегодня выходить не надо, сегодня бухгалтерша подежурит. Ответил

ему: вообще-то, я не собирался. Он уточнил: вообще-то, здравствуйте. Я сказал: вообще-то, говорят – однако здравствуйте. Директор подтвердил: ты прав. И положил трубку. А я вычленил свое тело, как из сложносочиненного предложения, из кровати. Пришел на кухню, а там испеклись оладушки, но не сами по себе, в таком бы мире, если бы они пеклись самостоятельно, жить было бы сплошное удовольствие. Мама пожелала доброго утра. Неожиданно запахло денатуратом, в составе которого преобладает керосин, денатурат ли это тогда? От запаха закололо в боку, ощутил себя истыканной ножами Шерон Тейт. – Мам, колет в боку! – пожаловался Наталье, которая испекла оладушки. – Сходи в больницу, ты собирался сегодня в гости? – спросила она. – В гости, – подтвердил я. А потом сел за стол, выпил чай с лимонными шкурками, поел оладьи, подавился, но выжил.

Валера с Лерой жили на окраине Москвы, а мы в свою очередь жили в песнях, которые нужно петь стоя. Но такие песни не приходят в голову, вроде бы гимн принято петь стоя, а больше я не знаю, поэтому метафору о том, что мы живем в песнях, предлагаю признать несостоятельной. Перед тем как сесть на маршрутку и поехать к Валерию с Валерией, отправился в нашу поликлинику. Иногда я захожу туда без повода, ведь могу себе позволить, тем более в некоторых ситуациях необходимо действовать на опережение. Никогда не знаешь, почему зрение резко ухудшилось или зачем в печени покалывает. Поликлинику построили новую прямо рядом с домом, люди теперь ходили в нее, в старую не ходили. Я шел мимо детского садика, когда из окна полетел горящий мужчина, вот от него и пахло керосином. Он приземлился в сугроб, встал, отряхнулся и пошел к подъездам. А звали его Коля, как начиналась зима, сосед любил проворачивать этот фокус, таким образом он выражал свою радость приближающемуся Новому году. В новой поликлинике врачи обращались к людям исключительно на вы, улыбались, спрашивали: что у вас произошло? И в тот раз девушка в регистратуре спросила: вы пришли на прием, к какому врачу? Я смутился, у нее были красивые глаза, не помню, какого цвета, поэтому от волнения крикнул что-то неразборчивое и выбежал из поликлиники. Началась метель.

На остановке мужчины в черных пуховиках вызывали маршрутку. Они закуривали сигареты, быстро тушили о мусорный бак, прятали в пачки, закуривали новые. И так несколько раз подряд. Наконец очертание маршрутки показалось на горизонте. Она как будто растекалась по всей ширине дороги, ледяной ветер выскабливал слезки, глазки болели. Мутно-желтая, она казалась деформированной, болезной. Один мужчина издал победоносный вопль, какой издают аборигены в Африканских племенах, судя по научно-популярным фильмам. Из кармана он достал отвертку, ручка которой была перемотана синей изолентой. Маршрутка ехала чудовищно медленно, словно никто и не ждет ее. А я заметил, что к остановке из близлежащих дворов стали брести люди. Снег кружился, не таял, тонны снега, столько снега не выпадает за целый век. Люди переставляли свои ноги, утопали в сугробах. Два, три, десять прохожих, всем нужно куда-то ехать, двадцать, тридцать смельчаков, решивших покинуть уютные квартиры. Мужчина с отверткой приготовился, клинок выставлен по направлению к оккупантам. Однако кое-что воин упустил из вида. Он не учел прочие стороны света, дед, чье лицо было замотано шарфом, только красный нос торчал, вышел из магазина «24 часа» и зашел за спину конкистадора с крестовым или шлицевым мечом. Маршрутка, заскрипев, словно панцирная кровать, остановилась, в салоне, судя по всему, не оставалось сидячих мест. И что тут началось, что началось.

Прохожие ломанулись к двери, они толкались, пинались, кусались, хрюкали, даже упала какая-то бабка, которая тут же вцепилась в ногу мужичка в черном пуховике. Со стороны аптеки бежала другая старушка, словно пингвин, она нелепо семенила, но валенки скользили, она взмахивала ручками, балансируя. Подбежав к остановке, прыгнула на живот, покатила. И подобно первой бабке, схватила мужчину в черном пуховике за вторую ногу. Он выкрикивал что-то ругательное, пытался отбиться, но ничегошеньки не

выходило – женские узловатые пальцы, закаленные морозами, крепкие от ношения очень тяжелых сумок с продуктами. Отношение к этим узловатым пальцам у меня самое уважительное, не подумайте. Так вот эти пальцы надежно удерживали ноги мужчины в черном пуховике. Я заметил, как второй гражданин, тот, что с отверткой, оседает на белоснежно-желтый снег, красноносый дедушка душил его сзади. Гражданин беспомощно тыкал отверткой в толстый овчинный полушубок нападающего, но противопоставить ничего не мог. И тут я увидел проталину в ледяной глыбе человеческих тел. Такой как бы ручеек, где обнажилась тропинка, и я, прыгая по ней, словно зайчики под седативными препаратами, устремился прямо к дверям маршрутки.

Врезался во что-то внушительное и мохнатое, пахнущее рыбой, это была иссиня-черная шуба, вокруг лишь черные пуховики, черные брюки, черные, черные, почему все такое черное, черный цвет это депрессия! В спину толкали, вдавливали в салон. Водитель с гладко выбритым голубоватым лицом, глубоко посаженными на цепь глазами, достав короткий револьвер, стал кричать тем, кто пихался на улице: мы уезжаем, не вынуждайте меня стрелять! В него полетели ошметки снега, снег был недостаточно мягким, чтобы скооперироваться в шары, а шары это, извините меня, цельность. Наконец дверь с усилием закрылась, зажав чей-то клетчатый баул. Дышать стало тяжело, духота опять же. Сквозь запотевшее окно я разглядел время, когда деревья были большими, а также тех, кто не стал великанами. Маршрутка поехала. Женские ноги в радужных шерстяных колготках, кожаных сапогах – лежали на плечах водителя, туловища хозяина ног нигде не наблюдалось. Выезжая на шоссе, мы на чем-то подскочили, стремительно мимо лица пролетела лыжная палка. Она вонзилась в спинку кресла. Кто-то сказал: хорошая примета. И мы поехали дальше, не вынимая из кресла палки, все-таки хорошая примета.

Волосики шубки, пахнущей рыбой, щекотали лицо. Я нервно посмеивался, но не слишком, чтобы не волновать пассажиров. Маршрутка заехала под мост, а выехала уже подмышкой. В ухо шептались горячие слова, рассмотреть, кто это делает, не получалось. – Сколько до метро осталось? – меланхолично спросила женщина, повисшая на металлическом поручне. – Мне что-то нехорошо, – промямлила она. И начала заваливаться на пожилого мужчину с кастрюлей на голове. Мужчина пытался отпихнуть гражданку локтем, приговаривая: уйди на Федота. И я подумал, куда уходит икота, если Федота нет поблизости, кому еще передают люди свою тревожность, расстройство, меланхолию. Наверное, они передают все это своим детям. Меж тем гражданка сделалась бледной, как помидор. Длинный пояс её зеленого пальто на синтепоне, длинного, словно расстояние от Камчатки до Смоленской области, словно 12 часовых поясов. Длинный пояс размотался и полетел по салону, связывая пассажиров общей проблемой. – У нее приступ, она не дышит! – возопила молоденькая девчушка. – Никто не умрет в мою смену! – кажется, так отреагировал водитель, вдавив педаль газа. Маршрутка, царапая бортами другие машины, побежала, теряя тапки в сторону метро, до которого оставалось «плюнь, да ни фига». А там уже подоспели медики, там уже подоспели спасатели, которые вычерпнули нас большущим половником, как сухофрукты из компота. В морозное позднее утро.

Насчет бедняжки с длинным поясом ничего не скажу, что с ней да как. Я отвлекся на праздничную елочку, поставленную в огромное жестяное ведро. Елочка подмигивала своими лампочками, стояла на развилке, выезжая из области, вы могли ее видеть, может быть, даже и видели. Медики, тоже подмигивая своими лампочками, укатили в закат. Падая снег, в музыкальном ларьке играла песня: страшный лейтенант, мальчик молодой, не хотят играть с тобой! Я спустился в метро, а потом вспомнил, что Валера с Лерой жили не в метро, и маршрутка довезла почти до их дома. Поэтому смысла ехать на метро – его как бы не было. И уже на выходе из так называемого метро я столкнулся с девушкой, которая на меня оказала воздействие. Столкнувшись в дверях, мы не смогли разойтись, она все шептала что-то, шептала. И мне пришлось сказать ей на этот ее шепот: все, что посылается, пусть вернется, откуда пришло. Других форм возврата я не знал, в конце-то

концов, это не акты приема, накладные и счета фактуры, нашептывание дело тонкое. Она посмотрела на меня с сожалением, у нее была мамина помада и сапоги старшей сестры, она была красива, как праздничная индейка, правда, шептала разную чушь. Но этот магический реализм в определенной степени нервировал, поэтому ничего романтического у нас не вышло.

Выйдя из метро, столкнулся с домашним насилием. Девчонка десяти лет вела своего братика, одетого в синий комбинезон, и в синюю же курточку. При этом девочка строго говорила этому мальчику, грубо дергая за руку: ох, и соплежуй, какой же ты соплежуй. Допускаю, что мальчик не был ее братиком, но в любом случае история грустная. Он плелся за ней печальный, никем не принимаемый, как литература Сигизмунда Кржижановского. Снег перестал барабанить по енотовой шапке мужчины, стоящего на перекрестке. Через дорогу, через годы, через расстояния, в сером доме жили Валера и Лера. Пока дошел до перекрестка, несколько раз чуть не упал, скользкий пол, чудовищно скользкий пол. Светофор, кажется, сломался, все три кругляшка горели синим. Мужчина в енотовой шапке нервничал, переступал с ноги на ногу, синий светофор его не устраивал. А машины все неслись и неслись, не думая останавливаться. Лицом мужчина походил на Громыко, в руках держал коричневый портфель. Снял перчатку, достал черно-белый телефон, кому-то позвонил. Говорит: как это понимать, светофор, кто поломал светофор, немедленно включите мне светофор! На противоположной стороне загорелся зеленый. И мы благополучно перешли дорогу.

Явил на свет божий из кармана мятый листок с адресом, написанным мной от руки. Помимо адреса листок содержал косую линейку и клетку, дихотомия, подумал я. И получил обжигающе холодный поцелуй прямо в висок. Предположительно во дворе дома моих знакомых, где из декабрьского снега росли жирафы, черепаха, песочница, где росла ржавая Нива, а вот дети уже не росли, минусовая температура. Мне даже показалось, что подштанники, надетые под брючки, совершенно прохудились, и я застудил там все на свете, тут уж не до детей. Во дворе слюнявый выстрел в висок совершила девушка с пухлыми нежно-розовыми губами, скорбным взглядом, длинной челкой. – Ой, простите, я перепутала! – спохватилась она, сделала шаг назад. – Путайте, сколько хотите! – проявил инициативу. Она с интересом посмотрела, раздумывая, что сказать дальше. – Ты похож на моего друга, – начала она издалека. – Все мы на кого-то похожи – многозначительно сказал я. Девушка показала синий язык, развернулась и пошла прочь. Из подъезда вышел человек, из подъезда вышел человек.

А я зашел туда, где цвели акации и клены на голубых стенах, вдоль лестницы, что поднималась ввысь, наскальная живопись. Лифт был поломан, дверцы открыты, мерцал свет в кабине. Слышались потрескивания из переговорного устройства, как будто шепот сумасшедших фей. Поднимаюсь один пролет, второй, третий поднимаюсь пролет, везде подозрительная тишина. Не кашляет никто, не чихает, лишь гудят линии электропередач, стоящие то тут, то там, хаотично, прямо в подъезде. Валера с Лерой жили на пятом этаже, но уже на четвертом я встретился с одной пожилой дамой, которая помешала подняться к знакомым. Тапочки с мордочками котиков, вечернее платье с блестками, дама молча смотрела. Я попробовал ее обойти, застеснялся. – Мне нужно наверх, можно пройти или пройти нельзя! – деликатно сказал ей, так говорят, например, учителю контрольной про поход в туалет. – Сначала отгадайте загадку! – развеселилась дама. У нее были седые кудрявые волосы, лицо в белилах, как у английской королевы Елизаветы. Царственная особа ждала согласия, однако давать его я не спешил. Инфантильный человек тем и отличается от взрослого, что даже примерно не представляет себе последствий своих поступков. Загадка, вдруг не отгадаю, тогда неизвестность. – Нет проблем! – сказал соседке, чувствуя, как в животе закипает котел, а в этом котле интенсивно танцуют, словно парализтики, червячки, крошки еды и прочие непотребства.

Женщина выставила свою обнаженную, покрытую магистралями варикозных вен, ногу вперед. Из небольшой сумочки цвета ночи живых мертвецов она достала тонкий

белый мундштук, сигареты. – У вас не найдется огонька для дамы? – спросила она кокетливо. – Это вся ваша загадка? – переспросил я. – Хам! – бросила женщина и стала копаться в своей сумочке дальше. Извлекла коробок балабановских спичек, как извлекают мидий из раковин. Правда, я не совсем помню, как это делается, но мне кажется, так же, как соседка извлекла коробок спичек, манерно, двумя пальчиками. Она зажгла сигарету, прокаркала, закашлявшись: вот моя загадка! На каком-то этаже хлопнула рама окна, повеяло свежестью, свежестью альпийских гор. – В чем эта загадка? – спросил у нее нетерпеливо. – Ну, как же, сколько спичек содержит в себе этот коробок! – с чувством, с толком, с расстановкой объяснила дама. Так, подумал я, в пятидесятых годах прошлого века на спичках не экономили, там их было штук семьдесят, сколько же сейчас? Пожилая соседка по-прежнему стояла с выставленной ногой, то есть центр тяжести у нее перенесся на другую ногу, то есть, предположил я, сейчас у нее сведет опорную ногу, и она упадет. Не падала, пускала колечки, дымные медузы плыли по лестничной клетке, распадались на лоскутки. – Ну, мне долго ждать? – спросила она, скривив недовольно лицо. Видно, ногу и вправду начинало сводить. – Отвечать будет, отвечать будет... – промямлил я. Этажом выше скрипнула дверь, и мне на помощь подоспела Лера. – Отстаньте от него, Альбина Игоревна, там сорок спичек, иногда меньше! – подсказала девушка, стоя на самом верху лестницы. Соседка цыкнула языком, спрятала ногу под платье, заковыляла к себе в квартиру, что-то бормоча. Нога, надо полагать, все-таки затекла.

В квартире Валеры и Леры царил полумрак. В просторной прихожей пахло чем-то, чем-то таким, напоминающим аммиак. К аммиаку примешался робкий запах жареной картошечки с грибами. Верхняя одежда на вешалках подрагивала, как будто ее трясли невидимые пальчики. Готов поспорить, что детский смех, который я услышал, войдя в их квартиру, вы бы тоже, несомненно, услышали. Но загвоздка была в том, что у пары отсутствовали дети. Отсутствовали так же, как порой отсутствуют двоечники на занятиях. Лера не изменилась, хорошенькая, тоненькая, похожая на подростка, только синяки под глазами, подростка, который не спит по ночам и вызывает Эдгара Алана По на разговор. Ее муж не вышел меня встречать. В ванной закружилась голова, запахло весной с ее кисловато-приторным воздухом. Стены и потолок были исписаны мелкими-мелкими словами, цифрами, загогулинами неясного толка. На месте зеркала над раковиной висел огромный, полуприкрытый веком деревянный глаз. И чем больше я в него всматривался, тем интенсивнее мерцал свет в ванной. Как будто бы врубили стробоскоп. Заглянула Лера, поинтересовалась: ты помыл руки, руки-то помыл? Я спросил у нее: что это такое? Она, хмыкнув, ответила: это что, это что, это глаз.

Она провела меня длинным коридором на кухню. Пока мы шли, под ногами что-то хрустело, словно печенье или тараканы тушки, словно мы зашли на тараканью ферму. На ферму, где их откармливают, чтобы подать в лучших ресторанах Парижа. Но тараканы это не лягушки, поэтому забудьте о ферме. Среди читателей могут попасться французы. Ее ладошка была мягкой и холодной, Лера Вергилий держала меня за руку, присутствия Светы в коридоре не предполагалось. Девушка вела за собой, петляла. На кухне мы очутились внезапно, тьма прекратилась, как будто ее выключили. Мы сели за стол, на нем стояли пиалы, но не с картошечкой. В глубоких голубых пиалах был налит суп. В молчании мы гребли ложками, плыли к берегу, на котором нас поджидали темные силуэты. В самом углу, под потолком колыхалась паутинка. На бежевом пузатом холодильнике не колыхалось радио, кажется, оно еле слышно шипело. С обратной стороны окна висел белый пакет-майка, в нем содержалось что-то съедобное. Я спросил у Леры, чтобы поддержать наше молчание: что там висит? – Почва, – ответила она, бросила ложку на стол и заплакала. Ложка некоторое время звенела, потом не звенела. Я деликатно продолжил хлебать супчик.

На плите в кастрюле начало что-то бурлить. – Ой, – сказал я, – у вас плита совсем, что ли, автоматическая, сама кипятит! – Спиритическая! – разозлилась ни с того ни с сего Лера. Она перестала плакать, резко встала из-за стола. – Пойдем, пойдем, покажу! –

сказала девушка, увлекая меня за собой к раковине. Ладонка, как я уже говорил, была мягкой и холодной, однако мне очень нравилось, с какой нежностью Валерия держит меня за шею. Так, должно быть, держат котенка, раздумывая, топить ли его. Я даже почувствовал некоторое возбуждение, если можно так выразиться. Под раковиной обнаружилась черновато-зеленая пушистая плесень. Сплошным ковром она тянулась вдоль стены. – И это не все! – истерично воскликнула Лера, ее пальчики как будто вошли в мою шею глубже, она тыкала меня в это мохнатое полотно под раковиной. Затем потащила к холодильнику, за которым так же обитала плесень. Не сдержавшись, я схватил ее за плечи, поцеловал. Она не сопротивлялась, тут не до сопротивления, когда рядом живет плесень, где-то читал, человек теряет волю к жизни. Мы целовались, обмениваясь кристалликами слюны некоторое время. Прекратили, когда из соседней комнаты послышался скрип. У девушки горели щеки, она, тяжело дыша, сказала: пойдем, поздороваешься с Валерой.

В комнате на шкафу сидел ученый. Он выглядел как человек, занимающийся важными делами. Обнаженный, но не совсем, на нем был желтый полиэтиленовый плащ, на голове белая кастрюля. В руках он держал пластмассовую плетку, к ней на малярный скотч был примотан штык-нож. Своим шупом Валерий чертил в воздухе непонятные геометрические функции. Мужчина был хорошим ученым, поэтому подобные действия не вызвали у меня удивления. А вот Лерочка за моей спиной произнесла так, как может произносить только жена, утомленная семейной жизнью: посмотри, он опять прогоняет кого-то. – Валера, привет физкультурникам! – бодро поприветствовал я, но вместо встречного физкультпривета услышал комариный писк. Он зародился в углу комнаты, у батареи, робкий, звук шел к нам, усиливаясь. Хор комаров выуживал из моей грудной клетки вздохи, должно быть, ужаса. Но как бы не так, я только недоуменно оглянулся на девушку. И подумал о том, что неплохо было бы ее увезти, проживать вдвоем, рожать детишек. А потом сойти с ума, как Валера, и передать ее дальше, новому смельчаку. Да, Лера напоминала знамя победы, а жизнь напоминала Рейхстаг.

Писк сконцентрировался у правого уха, из левого комариная песнь вылетала. Из шкафа постучали. Ученый посмотрел на меня вполне осознанно, вполне для того, чтобы пропеть уставшим голосом: видно, прожитое прожито зря, не зря, но не в этом, понимаешь ли, соль! И вы знаете, комариный писк ему вторил, то есть у него появилась некая осмысленность: видишь, капают дожди октября, видишь, старый дом стоит среди лесов! Лера повеселела, воодушевилась, приобняла меня за талию, заглянула в мое левое ухо. – Поют! – констатировала она. Стук из шкафа повторился. И я подумал, что не всякое повторение мать учения. – Лера, там стучат! – извиняющимся тоном сказал девушке, запуская руку под ее домашнюю длинную рубашку. – Войдите! – разрешила она. Из шкафа вышел пожилой гражданин. Если бы я писал сочинение на тему, кто вышел из того шкафа. Я бы начал его так: за окном была зима, темнело, как темнеет хурма, пролежав вне холодильника несколько дней. Валерий выставил свой прибор, плетку со штык-ножом, зажмурил глаза, что-то быстро-быстро зашептал. Видно, появление гражданина из шкафа порядком расстроило Валерия. Отчего я называю гражданином человека, а не господином, к примеру. – Оттого, оттого, что ты мне просто улыбнулась! – пропищал отставший от своей компании комар. На выходе из шкафа был костюм-тройка, пушистый клетчатый пиджак напоминал кожу гусениц, которых мы в детстве жарили на костре, а наиболее смелые из нас даже поедали. Запах от незнакомца исходил интересный, можжевельник, картошка с грибами. Лицо гражданина было желтоватым, прищуренные хитрые глаза невнятного цвета, тонкие губы, мужичок улыбался. В руках он держал дорожную сероватую сумку из кожзаменителя. Отчего-то корейский захватчик, как я подумал в тот момент, остановил свой взгляд на ученом. Помотал коротко стриженной седой головкой, как будто был недоволен поведением Валеры, сказал, обращая ко всем: ну, как вы тут, строите личную жизнь, а что у меня в сумке, что у меня там есть! Супруг Леры закричал со шкафа: нет, уйди, не доставай!

Я наивно спросил: что у тебя там, выкладывай! Лера прижалась ко мне своим телом, она дрожала, как может дрожать ребенок перед прививкой. Хотя, помнится, я не дрожал, вид иголок меня не пугал, это были двухтысячные, металлические жала встречались везде, в песочнице, в подъезде, где угодно. Незнакомец бережно поставил сумку на пол, расстегнул молнию. Валера брякнулся со шкафа, у него, кажется, случился обморок. Меня в детстве называли обмороком нянечки, но это не относится к делу, просто забавное наблюдение. Сердце девушки учащенно билось, словно канарейка в шахте, услышавшая рудничный газ. – Не надо, – прошептала она. Над посетителем из шкафа роились неизвестно откуда взявшиеся насекомые. Комары, мошкара, черное облако, состоящее из точек и запятых. А гражданин глядел на меня, как будто чего-то ждал. – Не тяни уже, выкладывай, что там у тебя! – воскликнул я. Человек с глазами-щелками наклонился к открытой сумке, достал оттуда громадный с красной шляпкой и белыми пятнышками гриб. В комнате заиграл джаз, саксофон расслабленно плевался мелодией, слышанной ранее, но я не мог вспомнить, где именно. Быть может, вы меня с кем-то спутали, и я не слышал этот волшебный джаз.

Комната моргнула, смыв нас, как выпавшие реснички прозрачной солоноватой слезой. Я пришел в себя спустя некоторое время. За окном почернело, мигало звездное небо. Мы лежали с Лерой у батареи, мы были словно те зависимые люди, которых увозят в реабилитационный центр, приковывают наручниками к батарее. – Вставайте, голубки! – сказал Валера. На нем был махровый домашний халат, он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, трусов под халатом не наблюдалось. Лера в полусне недовольно пробормотала: мам, мне ко второй. И отвернулась, утянув колючий плед. Мы пошли с ревнивцем на кухню, он поставил кипятиться чайник на плитку. Достал из шкафа печенье, зефир, мандарин. Спросил, не глядя в глаза: как тебе? Я ответил ему: нормально, хотя азиат мне показался пугающим. Валера грустно усмехнулся, сказал: азиат, а я видел маленькую девочку в балетной пачке. Мы помолчали, потом еще помолчали, а потом засвистел чайник. Собеседник разлил по граненым стаканам кипяток, бросил второстепенные чайные пакетики. Мой пакетик выглядел посвежее. В стакане расцветала непонятная кракозябра. Валера поинтересовался, поглаживая указательным пальцем стол: ты же писатель, не хочешь написать об этом? Я, прихлебывая чай мелкими глотками, ответил: написать про азиата, так напишу, я про все пишу. Он сказал: не про азиата, никакого азиата нет и не было, как и девочки в балетной пачке, это все плесень, это все чума. Валера по-прежнему не смотрел мне в глаза. Печенье было засохшим, откусывалось не так, как должно откусываться здоровое печенье. – Ладно, напишу на новогодних каникулах, я сейчас работаю. Собеседник хмыкнул, потом предложил: знаешь, что, а давай ты проведешь новогодние каникулы в нашей квартире. – Надо подумать, это так просто не решается, – ответил ему о том, что это так просто не решается. – Подумай, подумай! – сказал он и выпил залпом кипяток из своего граненого стакана.

Глава 4

Мысли пробудившихся от жизни

На ярмарке бывших в употреблении слов мы торговали вчерашними мыслями разных умных людей. Наши книги продавались неплохо, но директору не нравилось, директоров мало, что вообще радует. Если, конечно, это не господдержка социально-значимой литературы. Я ощущал себя не круто, настолько не круто, как если бы стирал чужие носки, дедовщина явление скользкое. Скользкое как гололед, скользкое как некоторые люди, но для акушеров все мы по-своему скользкие. Начальник предположил, что работники его редакции нормальные люди, способные нести ответственность за сказанное, сделанное, проданное. Поэтому дни, когда мы должны были торговать, Павел Вениаминович распределил на всех сотрудников поровну. Он полагал, что контроля с его

стороны не требуется. Моя смена выпала первой. Накануне вечером, сидя в редакции, мы тянули спички, чтобы выяснить, кто же самое слабое звено и не заслуживает права выбирать, когда выходить торговать. Порядков игры я до конца не понял, однако два раза подряд вытягивал короткие спички. Видно, длинные спички ценились выше.

В ярмарке участвовали кроме нас другие издательства. Огромный зал, как несколько бассейнов санатория под Клязьмой, стеклянный потолок, рамки досмотра, пишущие, словно голодный тамагочи, коротко стриженные охранники в розовых комбинезонах с единорогами, лениво хлопающие себя по щекам ушами. А по всей территории, подобно структурной сетке, например, снежинки, были расставлены кабинки. Специально для нас, книгопечатников, установили небольшие кабинки-домики, правда, без передних стенок, чтобы с покупателями удобнее было конфликтовать. Нерадостные ожидания, я полагал, что конфликтовать придется. Все утро в голове пробуксовывала одна мысль, подслушанная у диктора, объявляющего станции. Утром перед ярмаркой он произнес электрическим голосом, голосом, напоминающим механические звуки, рождающиеся где-то в груди у болеющего Ерофеева. Вот этот диктор, а ехал я на ярмарку в подавленном, как фрукт в пакете, на который случайно наступили, состоянии. Вот этот диктор сказал: при выходе из вагона будьте свободны! Конечно же, я снова все недопонял, с удержанием внимания вечно какие-то трудности. Будьте свободны, от чего, во имя чего, вопреки чему. Будьте свободны, будьте свободны – вертелось у меня в голове, пока шел мимо прилавков, там стояли разные представители книгопечатного процесса. Молодые юноши, девушки в зауженных, словно жуки-щелкуны, джинсах, цветастых рубашках, с выбритыми висками, металлическими значками на груди. Значки «нет войне», значки «мы встретились в странный период моей жизни», значки «гражданская оборона». Значки значков носили эти дети детей.

Я шел к домику-кабинке нашего издательства, существенно косолапя, ведь когда рядом незнакомые люди, лучше не привлекать внимание, быть естественным и не строить из себя того, кем не являешься. Обувь, обувь сейчас ужасного качества, каждый второй, если не полуторный имеет проблемы с ногами. И как-то необычно получилось, перед теми продавцами, первыми покупателями, с которыми я встречался взглядами, кланялся. Кланялся неосознанно, как будто и не я вовсе. Помните, Мамлеев однажды заметил, почему крестьяне кланялись друг другу? А кланялись они потому, что в прохожем видели подобие Божье. А кланялись они не просто Василию, Петру, Марфе, насчет Марфы не уверен, все-таки женщина, а домострой, сами знаете, что такое. Кланялись, кланялись, я думаю, они же не дураки, мир без женщины несостоятелен, как бутерброд без плесени. Рядом со стендом «книги о карательной кулинарии» повстречался мужчина в свитере с барракудами, у него было лицо, измазанное зеленкой. Я кивнул ему, он кивнул мне в ответ. Наши книги занимали три стола, интеллектуально на них давили. На пол сбросил полупрозрачную скатерть, стопочка «отзвуки детства внутри царских ноздрей» полетела тоже на пол. Товарищ в зеленке, чей домик-кабинка соседствовал с нашим, грустно вздохнул, спросил: парень, тебе помочь? Я ответил ему: справлюсь как-нибудь сам. Из десятка упавших книг уцелели шесть. Края обложек погнулись, превратившись в элегантные панталоны. К нам подошел другой мужчина, поразительно схожий с тем, в зеленке. – Это брат, мы сиамские, – сказал тот, что в свитере с барракудами. Меж тем, возле рамок началось столпотворение, покупатели возводили столпы творения, иначе говоря, скопления межзвездного газа в туманности Орел. О, как они жаждали почитать новых книжек и пообщаться с издателями, а еще жаждали скидок. Но скидок тут не было, совсем-совсем не было. Даже наоборот, заказать на сайте ту же самую книгу – дешевле, чем покупать на ярмарке, вы уж поверьте.

Сиамские близнецы, и остальные коллеги, насколько я видел, приняли боевую готовность. Вообще, я сейчас думаю, можно ли принять боевую готовность, вот занять осадное положение – да, но принять боевую готовность? Когда моешься в холодном душе после тяжелого, скажем, рабочего дня, а затем включаешь кран с кипятком, твой солдатик

принимает боевую готовность. А продавцы книг за прилавками, мне показалось, насторожились, притихли, всем стало интересно, какой пойдет клиент, платежеспособный, интересующийся или же такой, с придурью. А я чего-то напрягся, так напрягся, даже потерялись уши, даже нос юркнул в коробку с запасными книгами под прилавок. И стал я растерянным Джованни, желто-синим парнишкой прямиком из 69-го года. А таким быть не разрешалось на ярмарке, разрешалось быть решительным и добротнo собранным, словно советские телевизоры, ракеты, поезда. – Здоровья вам! – раздался справа старческий голос, незнакомый дедушка с аккуратной седой бородкой поздоровался с близнецами. А затем все торговое пространство утонуло в звуках. Разговорчики покупателей, смех, шелест бумаги, скрип суставов. Множество пожилых людей. Я почти не поднимал глаз, чтобы ненароком не встретиться с теми, кто желает высосать жизненную энергию. Смотрел на проходящие ножки, ноженьки. Начищенные до блеска коричневые туфли, серые сандалии, шерстяные носки, белые валенки, пестрые кроссовки. – Молодой человек, у вас есть «История борьбы девятого В класса»? – спросил дрожащий женский голос. Мне сделалось грустно, такими голосами спрашивают о том, куда девались все деньги, о том, почему продали квартиру без разрешения, о том, что значит это витиеватое заключение в медицинской карте.

Передо мной стояла девушка шестидесяти лет. Где-то рядом взыграл телефон Владимирским централом. На собеседнице было шерстяное коричневое платье, за плечами огромный походный рюкзак. В руках она держала лыжную посеребренную палку. Покупательница как будто удивленно смотрела на меня своими большими черными глазами, под стеклышками очков они казались громадными. – Нет, у нас нету такой книги, такая книга встречается у тех, кто публикует художественную литературу, – ответил я. Она грустно вздохнула. И спросила такую вещь: тогда вы не подскажете, в каком зале сегодня презентует свою книгу «Репрезентация слабого мужчины в мифах Древней Греции» писательница-феминистка? – Интересуетесь таким? – переспросил я и почувствовал, как загорелись мои щеки. Происходил флирт, мне казалось, что наше общение значит несколько больше, чем рядовой диалог покупательницы и продавца. – Честно говоря, не очень, она моя внучка – ответила девушка, смущенно улыбнувшись. – А ваша внучка где-то здесь? – задал наводящий вопрос я, предположив, если у внучки презентация книжки, значит, она должна быть поблизости, внучка, само собой. – Ой, вон идет! – обрадовалась покупательница.

И вправду, по соседней улочке, мимо импровизированных книжных домиков, гордо шагала писательница-феминистка. Она улыбалась своими ярко-красными губами. Она казалась такой счастливой, как будто сегодня был особенный день, мама сказала ей, наконец, код от домофона. И вот она идет в своем цветастом сарафане и кожаных лосинах, и вот она понимает, если мама назвала код от домофона, значит, сегодня можно будет переночевать в тепле, а не ютиться с кошками на теплотрассе. Писательница была в компании высокого юноши с голубыми волосами. Она украдкой посматривала на людей, узнают ли, не узнают. Моя покупательница заковыляла к ней, радостно крича: Нина, Ниночка, я здесь! Но внучка ее не слышала, со стороны буфета хлынула, словно вишневый компот за шиворот пацаненка, который довел повара в столовой, толпа людей. А пожилая девушка – я видел, как ей тяжело передвигаться, – она даже с лыжной палкой шла медленно. Она семенила за своей внучкой, звала: Нина, подожди меня, подожди!

У меня есть свое мнение на этот счет, но я с ним, конечно же, не согласен, быть может, писательница и правда не слышала свою бабушку. Однако все чаще и чаще замечаю, как молодые люди в некоторой степени стесняются своих родителей, которые приближаются к пробуждению от жизни. Которые вот так же бегут, спрашивая на ходу: а ты надел подштанники, у тебя же будет цистит, подумай о своих бубенчиках! А детки в клетке обособлены, я бы даже сказал, они синкретичны в своем каком-то нагромождении самых разных вероучений, смыслов, они в поисках себя, боятся одиночества. Ну, пусть ищут, ведь это своего рода монада. Некоторые посетители ярмарки пошли группками по

двое-трое в сторону комнаты с прозрачными стенами, туда, куда направилась писательница с бабушкой и высоким юношей. Видно, презентация книги действительно важное событие, видно, людям нравится встречаться с авторами.

Я зазевался, в рот залетел недавний разговор с Валерой и Лерой. Их реплики прошли по моей ротовой полости, подступили к горлу. Какая-то девчонка с кудрявыми белыми волосами, зелеными Сережками, Антошками, которые висели на ее ушах, спросила: почему книжки о древней магии? Я ответил ей: пятьсот рублей. И добавил для убедительности прописью: пятьсот рублей. Она взяла «процессы о ведьмах» и «магию древней Индии», расплатилась. Подошел близнец, что-то спросил. Я переспросил: что, что такое? Он наклонился к самому моему лицу, дыхнул чесноком: ты брата моего не видел? – Нет, – говорю, – не видел. И только тогда я обратил внимание на название издательства, которое они с братом представляли. Карточка участника, на ней значилось «Креативный дом Буквица», карточка болталась на шее моего коллеги. А на моей шее ничего не болталось, свою карточку-пропуск я спрятал в нагрудный карман болотистого комбинезона, чтобы лишний раз не отвешивать. Наблюдал в тот первый день, как покупатели специально выискивают служащих разных издательств, чтобы выпросить скидку. А скидок тут, сами понимаете, быть не может, тут аренда – будь здоров, не кашляй. Тут, понимаешь, определённый порядок ценообразования.

Дядька в свитере с барракудами поинтересовался: а у нас завтра презентация, вы никого из авторов не позвали? – Откуда я знаю, – ответил ему грубо. А потом поспешно, чтобы не показаться полным отморозком, добавил: а что за произведение представит автор? Он, крутя своей большой головой с ирокезом по сторонам, – видно, выискивал клиентов, – со значением ответил: а там про Горбачева, про Ленина еще тоже, в общем, историческое. Я почувствовал запах детской туалетной воды под названием Человек-паук, не резкий цветочный, в мягком флаконе. Подошли две нимфетки в коротких черных юбочках, как будто сбежали с последнего урока – и сразу на ярмарку. Одна, с металлическим кольцом в носу, с выбритым виском, спросила: у вас есть что-то про русскую женщину и угнетение? – Это вам на стенд с актуальной литературой, – улыбнулся этой девчонке со змеиными линзами. Подошел брат мужчины в свитере с барракудами, на его лице были пятна зеленки. И я совсем запутался в этих эманациях и перемещениях, свитер с рыбками носил как раз вот он, в зеленке, а тот был с ирокезом только что. Я не стал забивать голову такими несущественными вещами. Коллега-издатель-сиамский брат другого коллеги издателя спросил, опершись на стопку наших книг: завтра презентация нашего автора, вы никого не позвали? Переспросил его: а что за книга, о чем она? – Про Ленина, там название хорошее, жизненное, «Коммунизм и все-все-все», – воодушевленно сказал он. Тогда я спросил: а причем тут Горбачев, твой брат говорил про Горбачева? – Ну, Горбачев внедрил в систему, дошел до верхушки и все развалил, гнида, – погрустнел мой коллега.

По громкой связи объявили, что начинается презентация книжки одной маленькой, но гордой писательницы. – Презентация пройдет в павильоне номер шесть, граждане, не забудьте, – механический голос закашлял, а потом и вовсе выключился. Людей возле нашего книжного домика не осталось, все они стекались, словно ограниченный контингент, в сторону шестого павильона. У меня возникло такое желание, нелогичное, честно говоря, тоже посетить эту презентацию. Я полагал, что больно на ней не должно быть, а все крики, эмоциональные удары этой писательницы будут такими же, как удары в индийском кино. То есть читателям и зрителям только это и надо, глядеть на маньяков, стрельбу, психические девиации – лишь со стороны наблюдателя. Не субъекта. Достав из-под стола огромное полиэтиленовое покрывало, укрыл наши книжки, кивнул братьям. Сказал: знаете, я все-таки схожу посмотреть одним глазком на презентацию. Мужчина с пятнами зеленки на лице сказал: я пригляжу за вашим прилавком, сходи, сходи.

О, видели бы вы эту писательницу. Столько витальности в ней было, просто закачаешься. Завороженные люди слушали ее, не отводя взглядов. Она напоминала мне

Григория Распутина своими пылающими страстью глазами. Из них исходили такие как бы волны, но времени на метафоры нет, поэтому перейдем к сути. Над головой писательницы летали летучие птицы, которые назывались мышами. Она воодушевленно кричала, царапая ногтями пластиковый бежевый столик, за которым сидела. – Это невыносимо, чтобы мне указывал мужчина, что делать, невыносимо! Я наблюдал за этим, стоя в стеклянных дверях, оловянных дверях, деревянных дверях. В основном там сидели другие женщины, одна в кожаной куртке на голое тело, из-под которой выглядывали, как будто нашкодившие котята из груды порванных подушек, выглядывали груди. Другая женщина, в строгом костюме, со строгим взглядом, строго сказала полушепотом: постмодернистка. На нее тут же обернулась женщина в кожаной куртке: много вы понимаете, молчите, если не понимаете. – Ну, дела! – не сдержал эмоций я.

Писательница бросила на меня полный ненависти взгляд. Не знаю, как я определил, насколько взгляд полон, в чем измерялась эта ненависть, быть может, показалось. Все люди, которые находились в павильоне, посмотрели на меня словно на салат ритуальный, на оливье, подходящий и к Новому году, к свадьбе, проводам, салат на все случаи жизни. Вот только смотрели они с некоторым осуждением, видно, компоненты салата не совсем удовлетворяли их запросы. Писательница медленно встала из-за столика. Она обратилась ко мне, но, казалось, продолжая разговаривать с аудиторией: о, вот и благодарный читатель, как вам понравилась моя книга? – Примерно на процентов семьдесят, – соврал я, хотя, естественно, никакой книги не читал. – Отчего же на семьдесят, вам не хватило внимания, не хватило мозгов, чтобы дойти до финала? – издевалась писательница. Слушатели сначала не смеялись, а потом как засмеялись. Их лица чернели, напивались моим раздражением, но не смущением. Смутить ветерана психических войн способна лишь мама или девочка, которая нравится по-настоящему. – Что замолчал, нечего сказать, посмотрите на еще одного представителя...! – договорить она не успела. Что-то невообразимое произошло с читателями, да и с ней, пожалуй, произошло. Девушка кровожадно улыбнулась, затем с размаху ударила себя кулаком в нос, из которого заструилась любовь. Тонкая струйка любви, ее следовало бы держать внутри, а не делиться с ней направо и налево. – Видишь, чего ты добился? – закричала она. Посетители книжной ярмарки принялись так же истязать себя. Женщина в строгом костюме вырвала клочок волос, вскочила, побежала, врезалась в стеклянную стенку, упала. И все они, эти милые люди, тянущиеся к литературе, вышли из себя, хлопнув дверью так, что те слетели с петель.

Во рту появился тяжелый металлический привкус. Весь павильон наполнился цитатами доктора и пациентов из Медфильма. Люди действительно перегнули палку, палка с треском переломилась. Бабушки громко смеялись, этот лязгающий смех выстудил во мне человека, на смену человеческому пришел животный ужас перед непознанным. Мелкими шагами, спиной я двигался в сторону выхода, но поскользнулся на липком и теплом полу. Обнаженная писательница царапала свою кожу, люди членовредительствовали, да там было как на поле сражения. А я продолжал отползать. За ногу схватила чья-то рука, потянула, мой комбинезон затрещал по швам, словно вселенная Властелина колец, когда туда добавили ежика в тумане. Огромная кудрявая голова мужчины, перекошенный нос и порезанные щеки. Он тащил меня к себе под стол, чтоб никто не уволок, словно серенький волчок, только без шерсти, только худой, с торчащими ключицами, с безумным взглядом и широкой улыбкой. Рядом падали любители книжек, кто-то из них, казалось, заканчивался как субъект российской федерации. Становясь гражданином бесконечно вечного хаоса. Я прикрыл глаза, кудрявый мужчина скрылся полностью под столом, лишь его крепкая рука оставалась видна, еще мгновение, и я оказался бы тоже под столом. Там кто-то громко чавкал, настолько громко, что всеобщий шум и гам, как на нетипичном утреннике, был не в силах заглушить это чавканье. Я запищал как девчонка.

– Эй, проснись, дружище! – тормозил меня за плечо коллега в зеленке. Дернувшись телом, я свергнулся с высокого стула. – Боже мой, да ты недосыпаешь! – изумился мужчина. Хлопая глазами совы, я посмотрел по сторонам. Но я вас обманул, глаза были не совы, глаза были прищуренные, как у хитрой лисы. Ничего не изменилось, мимо шастали покупатели, покупали, а продавцы продавали. – Слушай, презентация была писательницы-феминистки? – спросил я, отряхивая комбинезон от приставших к нему книжных ценников. – Нет, не было, ты уснул и все, – ответил он, отвлекся на посетителя. Мне позвонил директор, спросил, как обстановка и как вообще. Я сказал ему, что вообще никак. Первый день ярмарки подходил к концу. Поэтому Павел Вениаминович решил отпустить пораньше, он, закашлявшись, произнес такую фразу: бери выручку, прячь в трусы, езжай домой, твоя смена будет через день. Я, зевнув, произнес ему в ответ: понял, до встречи.

Накрыл книги покрывалом, чтобы те не замерзли, чтобы их не дернули любители скачивать бесплатно. В гардеробе куртки выдавала девочка. За ее спиной росли металлические зеленовато-ободренные исполины вешалки. В своей белой рубашечке, белых перчатках она походила на симпатичное привидение. Несколько пуговичек было расстегнуто, удалось обнаружить ляжку розового бюстгальтера. Обнаружить, как если бы криминалисты обнаружили на месте преступления важные улики, но это уже получается какая-то криминальная Россия, не романтическая. Волосы девочки, как вы уже догадались, рыженькие, собранные в пучок, привлекли мое внимание. – Внимание, внимание, не оставляйте детей без присмотра! – громогласно промолвил диктор. – Это ваше пальто? – спросила гардеробщица голосом, ради которого, мне кажется, стоит жить. Попробуйте как-нибудь встретить эту девочку, если с вами приключится депрессия. – Нет, у меня не пальто, вон тот полушубок песочного цвета, он мой! – ответил ей. Она вручила мою шубу, потом спросила, радостная: ой, а ты Миша Токарев, а я тебя иногда читаю, когда мне плохо. Руки заползли в рукава, из которых выпали рукавички, однако те были связаны длинной резинкой, резинка помешала рукавицам приземлиться на кафель. – Сходим куда-нибудь? – спросил у нее. Она, опустив взгляд, ответила: запиши мой телефон, и скажи свой, а то я нерешительная. И мы взаимно продиктовали телефоны. Осознав свою ошибку, продиктовали повторно. – Сначала ты диктуй, а то мы так одновременно ничего не услышим! – сказала девочка. С третьего раза все получилось.

В метро творилась, извините меня, галиматья. В вестибюле, а также на станции все было задымлено, порхали силуэты жирафов, антилоп, прочих животных. Эскалаторы прекратили служить человеку. Громкая связь объявляла: сохраняйте спокойствие, сохраняйте спокойствие! Светя фонариком телефона, я пробирался в недра этого живого, пульсирующего организма. – Куда прешь по ногам! – Стой, как остальные! – Ты самый умный, что ли? – Вы не видели моего ребенка? – Поезда не ходят, и ты не ходи! – Когда там решат ситуацию, я домой опаздываю? Люди выражали свое недовольство, но кое-кто пытался сохранить спокойствие. Например, те, кто все-таки был не согласен, они так и говорили, то есть нецензурно выражались, а те, кого все устраивало, молча топтались на месте. Я спускался по экскаватору, экскаваторщик кричал: куда ты идешь, мальчик, там же ничего нет! Я прокричал ему в ответ: как это ничего, там поезда! Наконец-то включилось аварийное освещение, дымка слегка просеялась сквозь сито, словно мука. Оранжевый, приглушенный свет показал мне, что на платформе ситуация не лучше. Прохожие, такие же взвинченные и нервные, как их коллеги по прохожему цеху наверху, стояли, ожидали поезда. Где-то далеко заиграли пожарные сирены. По громкой связи объявили: уважаемые пассажиры, движение восстановлено, ложная тревога! – Фух! – с облегчением выдохнула некая женщина, потом добавила: кажется, поезд едет.

Добравшись до дома, встретил знакомую. Стемнело, зажглись фонари. Снег блестел под ногами, ледяная корка нервировала, как может нервировать ребенка диатез. Проходя вдоль бежевого забора с ромбиками, разглядел Сашу. Она курила, стоя по пояс в сугробе, подсвечивая что-то фонариком. – Александра, ты что там забыла? – спросил у

нее. Она посмотрела на меня, потом, звонко рассмеявшись, ответила: здорово, а я кошку выгуливаю. Да, моя знакомая Саша, которая делала татуировки разным, разным людям, не только морякам и сидельцам, любила свою сибирскую кошечку. Бывало, они вдвоем отправлялись в походы. Саша и ее кошечка. Девушка легла на живот, на ней был желтый длинный пуховик, болоньевые синие штаны, она выплыла ко мне, как гимнастка с перебитыми конечностями, так же неловко, полагаю. И тут же вслед за хозяйкой из сугроба выскочил огромный взъерошенный кот.

Саша подошла, лизнула мою щеку, язык у нее был шершавый и холодный, и мокрый. – Что, новая железка? – спросил у нее. – Ага, ты подстричься, кстати, не хочешь? – знакомая иногда меня стригла у себя дома, нас что-то связывало еще помимо этих стрижек, однако что именно, я не помнил. Александра была настоящим металлистом, пирсинги, кольца, прочие проявления свободолюбивого нрава. Татуировки опять же, да, Сашенька напоминала школьную парту, которая обычно стояла где-нибудь на Камчатке. В той области класса, куда не всякий учитель решился бы забрести. – Хорошо, если тебе не сложно, можем и подстричься, – сказал я. Зажигались все новые фонари, тьма рассеивалась. Как будто гражданка, способная управлять компьютером нашей жизни, что-то нажала, а потом все исчезло. И эта гражданка позвала на помощь гражданина, который починил ей компьютер нашей жизни. Так и эти фонари проявляли нечто из небытия. Мы жили с Сашей на одной улице; когда подходили к ее дому, в окнах я заметил миллионы алых глаз. Они все что-то замыслили, поинтересовался у знакомой: ты тоже видишь эти глаза? – А, это соседи, они в последнее время слетают с катушек, – невозмутимо сказала Сашенька. – Что, все разом, что ли? – продолжал приставать с расспросами я. Но девушка только фыркнула, мол, глупости. И мы зашли в шестой подъезд шестого дома примерно в шесть часов вечера.

Сашенька жила с папой. Он встретил нас в прихожей, на нем была майка в сетку, он спросил нас: опять стричься пришли? Мы ответили ему, что не помешает подстричься. И тут я понял, что размышляю о себе во множественном числе. Происходят странные дела. Такие же странные, например, как наша страна. Вот где-нибудь в Химках двенадцать часов ночи, а, предположим, в Воркуте только заканчиваются девяностые. Саша сказала отцу: пап, мы подстрижемся, а потом поужинаем. Она подмигнула мне, пропела на неясном языке. Я предположил, что это эзопов язык. В свое время наш учитель географии рассказывал, что когда он проживал в Америке, то совершенно не знал американского, лишь какие-то слова и словосочетания. И вот ему приспичило посетить кладбище. У прохожего учитель географии спросил: как мне пройти на стоянку для тел? Понятное дело, что иносказательность, она хоть как-то прочитывается, однако Сашенька пропела совсем-совсем непонятно. Мы и девушка умыли руки, прошли в комнату студии. В шутку она называла свое рабочее место салоном красоты шрам. Там Саша колола татуировки, делала пирсинг и прочее, прочее тоже делала с людьми.

Я присел на высокий крутящийся стул, знакомая укутала меня голубым покрывалом, чтобы волосы не падали за воротник. Зажужжала машинка, защелкали ножницы. – Да ты открой глаза, смотри в зеркало, а то снова будешь ныть, что плохо подстригла! – сказала Саша. С кухни пришел папа, на плече у него сидел попугай. В комнате стояли непонятные приборы, лампы светили фиолетовым светом, неонов, если не ошибаюсь. Вместо обоев стены покрывали поролоновые конусы, звукоизоляция, если не ошибаюсь. Папа расположился на диванчике перед нами. Пока знакомая стригла, заговорил: – Послушай, ты вот не замечаешь странного на улице, в метро, в магазине, там? Мужчине было лет пятьдесят, его карие глаза слезились, лицо гладкое, череп тоже гладкий. Он занимался живописью, если не ошибаюсь. Нет, пожалуй, ошибки быть не может, в соседней комнате у него находилась мастерская. Он даже выставлся в галереях, как и каждого серьезного художника, его запрещали одно время. По телевизору выходил сюжет про скандальную выставку Сашиного папы. Выставка называлась, она называлась. По-моему, название было такое: мир существует лишь тогда, когда вы на него

смотрите. – Странное начал замечать, сложно сказать конкретней, – ответил я. Девушка продолжала работать над моей головой, ножницы чирикали, чик-чирик. – Ну, как же, видишь, я лысый? – спросил отец знакомой. Я ответил ему: вижу, но это не повод, чтобы грустить. Он почему-то рассмеялся: ты не понимаешь, я лысый, а иногда мои волосы развеваются, шелестят, как листва на деревьях. Девушка остановилась, должно быть, осмысляя, как лучше обстричь за ухом, можно ли обойтись одними ножницами. – То есть у вас фантомные волосы? – спросил у него. Завибрировала машинка, поехала по виску, посыпался снег на покрывало, в которое я был спелёнат. Захотелось взглянуть, что у девушки там получается, но ее папа загородил зеркало. В блестящем черепе папы я никак не мог отразиться. – Ладно, пойду, поставлю чайник, закончите когда, приходите! – сказал он, принялся снимать накладную лысину, под ней оказалась довольно-таки густая шевелюра, как у лошадки. – Я-по-шу-ти-л! – расчленил фразу мужчины, словно заправский мясник, и скрылся в коридоре.

– Александра, твой папа здоров? – спросил я, глядя на себя в зеркало, которое больше никем не загораживалось. – Он какой-то чопорный в последнее время, а вот с тобой повеселел, – ответила знакомая, начала стричь второй висок. Она проводила машинкой, как газонокосилкой. Чопорно – перекатывал во рту это слово, ЧОП охранный предприятие, серьезное, не шутивное, а также порно, дурацкое и комичное. Прическа выдалась дождливой, с такой прической, когда выбриты виски, челка составляет сантиметра четыре, вы будете неизменно потеть, если серьезные люди будут смотреть на вас. Размышляя, ну, что за несерьезный человек, ему же не тринадцать лет, чего он достиг, с такой молодежной прической он ничего не достигнет. Саша сняла с меня покрывало, достала небольшой, примерно как собака шпиц, черный круглый пылесос-робот. Он поехал по комнате, всасывая волосы и снег. В комнату зашел отец, предложил мне побороться: давай поборемся! Его дочь отговорила мужика: папа, мы с ним не встречаемся, не надо с ним бороться! – Тогда пойдемте пить чай, – не растерялся он. И мы дружно направились распивать чайные напитки.

Однако позвонила мама и поторопила с возвращением нас домой, время было позднее. Чай так и не попили. Напоследок Сашин папа дал нам кое-какие рекомендации. Уже в дверях он нехотя сообщил: сынок, странно, не странно, мне кажется, тот, кто первый решится поделить на ноль, тот перестанет бояться, у того все сложится в целостную картинку. Саша закатила глаза, мол, прекрати нести чушь. А я как будто снова стал одним человеком после его слов. Позитивная фраза про нолик показалась точной, хлесткой. Выйдя на улицу разбитых фонарей, мною были замечены алые глаза, мелькающие то тут, то там. Видно, владельцы таких глаз устали просиживать дома, с приходом ночи Сашины соседи приняли решение выйти, побить фонари, проветриться. До своего дома я дошел, не сочинив ни одного приключения капитана Врунгеля. Впрочем, это совсем другая история, история, в которой совершенно ничего не происходит.

Глава 5 (отступление)

Танец квелих молекул

Вы что-то чрезвычайно раздражены. В то же самое время раздраженность не способствует инициативе, вы безынициативны. Вы переменчивы в своих ощущениях, страх неизвестности сменяется апатией, возможно депрессией. Ваша работоспособность снизилась, снизилась. Вы больше не верите своему окружению, бывало, они вас обманывали, а вы потом им верили, не надо этого делать. Однако мы поспешили с выводами, есть кое-что, чему вы уделяете внимание, кое-что, чему уделять внимание вам было несвойственно, магические ритуалы, хиромантия, метафизическая хреновень. Вы слышите переговоры в розетке, или не в розетке, или не переговоры. В сущности, это не столь важно, ведь галлюцинации, зрительные или слуховые – явление

малоприятное. Меж тем настроенческие полюса от эйфории до астении стремительно чередуются. Вас бросает в жар, бросает в холод, вас бросает на прикроватный столик, когда вы, преодолевая очередной приступ судорог, идете, так сказать, в туалет. Не поздравляем, у вас психоз!

Какую природу имеет ваш психоз дело второе, абстинентную, органическую, соматогенную и так далее. Неизменно одно, качество жизни, если оценивать ее по пятибалльной шкале, так или иначе ухудшится. Ухудшится, словно успеваемость юного токсикомана, вдыхающего пары от поэтической книги Луизы Глюк. И здесь возникают вполне логичные вопросы, что делать, как лечить, к кому обращаться. Если, допустим, вы уже состоите на учете у психиатра, тогда вопросы эти, в сущности, несерьезны. Однако тем, кто столкнулся с психозом впервые, наиболее ценным, как нам кажется, шагом будет посещение участкового терапевта. Ведь причины возникновения психозов, как мы заметили выше, могут быть самыми разными. В том числе в связи с нарушениями работы щитовидной железы, гормональными сбоями, нередко такие сбои в работе организма служат катализатором подобных психических процессов.

Как раз об одной из причин полета кукушки мы бы и хотели порассуждать в данном тексте, а также о возможных последствиях. Ряд психиатров считает овец, и замечательно спит по ночам. В то время как другой ряд считает, что психоз индивидуума может быть вызван массовым психозом. Иными словами, весь негатив, накопленный окружающими, преобразуется в волны, которые поражают людей, не испытывающих никаких негативных эмоций. То есть массовое безумие способно приобретать характер, к примеру, холеры. В истории есть немало подтверждений тому, что заразность психических заболеваний явление поистине пугающее. Мы знаем о таких происшествиях, как коллективные галлюцинации, теории заговоров. Внушаемость и подражаемость граждан, во многом, способствуют массовому психозу. Порой вспышки полетов кукушек напоминают самые настоящие эпидемии, охватывающие целые города.

Далее нам бы хотелось привести некоторую конкретику. Проиллюстрировать озвученные тезисы непосредственными примерами. И вот с чего можно было бы начать. А начать можно с города Страсбурга, а именно с танцевальной лихорадки летом 1518 года. Когда некая женщина пустилась в пляс, а спустя несколько дней, изможденная, упала на мостовую. Примечательно, что к женщине присоединились прочие жители Страсбурга. Спустя неделю их насчитывалось 34, спустя месяца, танцующих горожан было 400. Часть граждан отправилась на цокольный этаж бытия в результате сердечных приступов, вызванных переутомлением. Врачи того времени не могли дать точных ответов о причинах танцевальной лихорадки, так же со стороны врачей не последовало какой-либо помощи, ведь не зная первопричину, помочь не представляется возможным. Впрочем, представители церкви так же не в силах были прогнать сущности, терзающие горожан. Постепенно танцевальная лихорадка прекратилась. Что это было, особый вид эпилепсии, отравление, тайная религиозная церемония – среди версий учеными называлась, в том числе, тайная церемония. Ответить четко, с толком, с расстановкой никто не смог и по сей день.

Движемся далее. Не менее странный по своей сути эпизод массового безумия, так называемый процесс по делу Салемских ведьм. Произошло это знаменательное событие в 1692 году, когда у девочек Эбигейл, Бетти, Анны и Элизабет начались припадки, которые трактовались местными жителями как одержимость тем, кого мы предпочитаем не называть. Учитывая менталитет проживающих в штате Массачусетс граждан, где, собственно говоря, находится город Салем. Чрезмерная религиозность, радикальный протестантизм, пуританство, присущие людям, которые населяли эти земли, а также вера в то, что ранее эти места были прибежищем того, кого мы предпочитаем не называть. Все это определенным образом повлияло на мировосприятие, суждения,

можно сказать, исказило картину мира жителей. И те психические отклонения девочек, к примеру, неестественные позы, судороги, решились бы в современном обществе походом к соответствующему специалисту, а также медикаментами. В то время девятнадцать человек все-таки были повешены, а один старик даже раздавлен камнями.

Если у читателей возникло впечатление, что массовые какие-либо эти самые, психические наваждения присущи определенному времени. То спешим заверить, что случаи, когда группы людей подвергаются ментальным атакам, они продолжаются, и продолжаются, и продолжаются. Например, история двух женщин из Английского города Галифакса в 1938 году. По их утверждениям, на барышень было совершено нападение некого мужчины с молотком. Отличительной чертой нападающего были яркие пряжки на обуви. Так называемые нападения в дальнейшем ощутили на себе соотечественники женщин. Правда, вместо молотка жертвы заметили у мужчины нож. В связи с паникой, царившей в Галифаксе, полиция Скотланд-Ярда никого не нашла, ни мужчину с молотком, ни мужчину с ножом. А нападения списали на массовую истерию. Ведь яркие пряжки на обуви примета весьма относительная.

Завершает сегодняшнюю подборку массовых полетов кукушек случай, произошедший в 1962 году. Именно тогда на одной из американских текстильных фабрик работники столкнулись с вообще непонятным расстройством. В частности, люди испытывали тошноту, рвоту, вспышки мигрени, онемение конечностей. Позже специалисты в области психологии обосновали страдания работников фабрики июньской жарой и налетами насекомых. Изматывающий труд, обезвоживание, укусы кровососущих. Иными словами, произошла массовая истерия на фоне стресса. В любом случае, как мы можем заметить, переработки, бесправие – никого до добра не доводили. Поэтому нам кажется, что обращение в профсоюзы действие правомерное. Однако это не совсем относится к теме сегодняшнего текста.

Меж тем пытливым читатель вместе с пытливыми нами подошел к оглашению возможных причин возникновения массового безумия, что там безумия, натуральной чумы. Конечно же, название данных причин относится к разряду гипотез, и что-то нам подсказывает, безоговорочных доказательств не последует. Так или иначе, поговорить хотелось бы о паразитическом грибе спорынье, который содержит весьма токсичные алкалоиды. Преимущественно растет этот подлец на колосьях злаковых, пшенице, ржи. Именно из спорыньи Альберт Хофман умудрился выделить лизергиновую кислоту, хотя, стоит заметить, что нечто схожее по составу с этим веществом попадало в пищу людей задолго до синтеза ЛСД, вызывая поистине странные коллективные психоделические переживания. Также, несмотря на свою разрушительную силу (может ли паразитический гриб обладать силой, могут ли грибы обладать силой), с древнегреческого слово спорынья означает «изобилие», «избыток», созвучное с плодородием, а не с безумием. Склероции гриба, то есть некое количество затвердевшего мицелия, выглядят как черно-фиолетовые продолговатые, удлинённые образования, редко с белым или желтоватым налетом. Если представить пшеничный колосок, то гриб спорыньи будет напоминать темные рожки, как у быка, олицетворяющего, скажем, ночь. Ночь, когда снятся кошмары.

У недомоганий, вызванных отравлением спорыньей, имеется свое название. Согласно статье из советской энциклопедии, поражение человека или животного алкалоидами спорыньи именуется не иначе как эрготизмом. Преимущественно яд попадал в организм селян или горожан с хлебом. Примечательно, что инфицированная пшеница, став мукой, а впоследствии хлебобулочными изделиями, то есть пройдя стадии обработки, выпечки, не теряла своих наркотических свойств. Этот поистине негодяйский гриб паразит способствовал возникновению галлюцинаций, различных бредовых состояний, способствовал также зуду, конвульсиям, спонтанным болям в теле, а еще тому, что мы не хотели бы называть. Как правило, врачи выделяют две формы эрготизма. Для описания первой формы все-таки придется назвать то, что мы не

хотели бы называть. Так вот, к первой форме относится гангренозная, или огонь святого Антония, или огненная чума. Ко второй форме принято относить конвульсивную, она же ведьмина корчъ. Огонь святого Антония, как правило, сопровождается психическими полемками, происходит сокращение мышц, случаются почернения конечностей. Об этом пункте нам бы не хотелось говорить более предметно, так как нам кажется, что лишнее упоминание подобных явлений – негативно влияет на нашу собственную психику. Можем лишь отметить, что название, в котором присутствует словосочетание «священный огонь», действительно, обугливает конечности несчастных. Что же касается ведьминой корчи, то здесь мы видим схожую симптоматику. Однако ко всему прочему добавляются сильнейшие конвульсии, бредовые мысли, тревожные состояния, сопряженные с галлюцинациями, в том числе слуховыми, визуальными.

Не лишним будет заметить, что вспышки эпидемий эрготизма, как правило, упоминаются в контексте Средних веков. Причины кроются в недостаточном знании, как ухаживать за сельскохозяйственными культурами. Европейская почва была как будто не требовательна ко ржи, которую сеяли крестьяне. Как бы то ни было, сорняки, мелкие вредители являлись не основными, как оказалось, проблемами средневековых колхозников. Заражение посевов спорыньей происходило преимущественно в связи с климатическими особенностями. В частности, высокий уровень влажности, низкая температура – данные факторы приводили к печальным с точки зрения здоровья людей последствиям. Также не следует забывать, что в определенной степени голод, присущий самым разным временам, Средним векам особенно, в силу ряда причин, заостряет внимание на которых мы не будем, толкал людей употреблять отравленный хлеб. Таким образом, эпидемии эрготизма распространялись от деревни к деревне, от города к городу, и спорынья вершила свои грязные делишки. К примеру, в книге «Яды прошлого: плесени, эпидемии и история», изданной в 1989 году, профессор Мэри Килбурн подтверждает данную мысль, говоря о том, что спорадические вспышки неадекватного поведения, а также высокие показатели смертности в период с XIV по XVIII века, вполне вероятно, были вызваны пищевыми отравлениями хлебом с грибом.

Обратимся к недавней истории, которая замечательным образом описана в Томских губернских ведомостях. Некий врач по фамилии Воронов в 1865 году в этих самых Томских губернских ведомостях говорит об эпидемии. В частности, рассказывает Воронов о деревне Вагановой, в которой проживала безымянная крестьянка, – однажды крестьянка захворала. И, когда произошел один из приступов так называемой корчи, данная крестьянка «выкликala имя» другой крестьянки, уже не безымянной, Волковой. Что значит «выкликala имя»? То есть происходило самое настоящее кликушество, иначе говоря, была продемонстрирована бесноватость. Согласно советской энциклопедии, кликушество это поверье о порче, что, в принципе, является первопричиной последующих злключений с шепотом в голове, бредом и т.д. Однако, если это верa в то, что некто совершил подселение к тебе чужой сущности, должен быть тот, кто, собственно говоря, виноват. Безымянная крестьянка, а она по-прежнему безымянная, ведь имени мы не знаем, в приступах так называемой корчи поведала, что Волкова ее испортила, посадив в живот не к ночи упомянутых Ч. Прочие захворавшие крестьяне, услышав такую убедительную версию событий, поверили, причин не верить попросту не было. Более того, заболевшие стали вспоминать места, обстоятельства, когда Волкова могла их испортить. Мы не знаем точно, виновата ли Волкова, или дело только лишь в спорынье, поэтому делать какие-либо выводы не беремся. Вскоре начался судебный процесс. О дальнейшей судьбе предполагаемой ведьмы доподлинно ничего не известно.

Каким же образом галлюциногенное воздействие спорыньи коррелирует, вернее, через что происходит это воздействие в современном социуме. Казалось бы, зернообрабатывающие предприятия сейчас вполне научились бороться с различными

видами плесени. Однако нам стало известно, правда, мы додумались до этого не сами, а прочитали в энциклопедии грибника. Существует высший класс грибов из четырех возможных, способных жить в контакте с корнями древесных растений. И в этой связи вспоминается научная статья, опубликованная в 1995 году в издании под названием *Lancet*, что переводится, судя по словарю, не иначе, как «скальпель». В этой статье миколог Р. Дж. Хэй вводит термин «синдром библиотечного недомогания». Ученый предполагает, что посетители библиотек нередко подвергаются отравлениям, порой незаметным, а порой очень даже заметным. Книги, как правило, производятся из деревьев. И в этом случае токсичная сила плесени, если мы не отрицаем возможность симбиоза между деревом и грибом, а мы не отрицаем, – данное предположение имеет право на жизнь. Ранее мы говорили о том, что крестьяне подвергались интоксикациям исключительно при употреблении зараженного хлеба. Но, как вы можете заметить, существуют также иные каналы передачи хвори гражданам. В частности, речь как раз таки о вдыхании спор плесневых грибов. Читатели, посещая библиотеки, предположительно дышат. Дышат они, соответственно, спорами. Р. Дж. Хэй предполагает, что любители книг, испытывая внезапно возросшую работоспособность, креативность, пугающую ясность сознания, подобно той, какую испытывают потребители стимулирующих препаратов, становятся жертвами грибов.

Помимо предположений господина Р. Дж. Хэя у нас имеются результаты исследования о влиянии микотоксинов на человека. А именно статья психиатра-невролога Л. Д. Эмπτинга «Неврологический и нейропсихиатрический синдром особых воздействий плесени». Помимо теоретизации, Эмπτинг, являясь действующим сотрудником в частной нейродиагностической клинике, неоднократно сталкивался с гражданами, подвергшимся нападению спор. В своем исследовании, обнародованном в 2009 году, ученый связывает нейропсихиатрическую и неврологическую симптоматику с воздействием грибов. Данный вывод психиатр делает на основании длительной работы, проведенной с пациентами, которых направляли к нему специалисты самых разных направлений. Эмπτинг заостряет внимание на том, что влияние микотоксинов, будь то вдыхание спор в библиотеках, в зданиях, употребление зараженной воды, пищи. Ошибочно может быть принято за клинические признаки прочих, схожих неврологических расстройств, диагностируемых ежедневно в поликлиниках. В том числе имитировать болевую симптоматику, расстройства, связанные с опорно-двигательным аппаратом, с прочими проявлениями, к примеру, слабоумием, делирием.

Как бы то ни было, психиатр настоятельно рекомендует покинуть место, которое предположительно населено плесенью. В дальнейшем, при обращении в соответствующие органы, пациент обязан получить квалифицированную помощь. Важное дополнение: Эмπτинг, опираясь на результаты нейродиагностических исследований, акцентируется на том, что необходимо четко различать недуги неврологические, являющиеся развитием имеющихся патологий. С расстройствами, вызванными микотоксинами. Для полноты клинической картины, следовательно, для наиболее правильного подхода к лечению. Собственно, вопросом, касающимся исцеления, целиком и полностью должны заниматься специалисты, никакого самолечения. По словам ученого, комплексный анализ пострадавшего и выявление в нем агентов плесени минимизирует риски оказания неправильной помощи. Эмπτинг не исключает, что при обнаружении в пациенте агрессивных видов грибов нужно заняться их устранением прежде, чем бросать врачебные силы на лечение сугубо психиатрических отклонений. По опыту психиатра-невролога, большинство пациентов, при условии, что в будущем те вновь не посетят зараженное здание, не прочитают ни одной инфицированной книги, возвращаются к своему нормальному состоянию. Естественно, при должном уходе. А еще Эмπτинг утверждает, что при работе с людьми, страдающими Альцгеймером и прочими нейродегенеративными недугами, он обнаружил в тканях центральной нервной

системы следы грибковой инфекции. Нам не удалось найти подтверждение данной гипотезе, поэтому мы оставляем ее без должного внимания и не пытаемся развить.

Наконец, мы переходим к части нашего текста, где произойдет пространное рассуждение на тему, имеется ли связь между плесенью и паранормальными явлениями. Забегая вперед, мы говорим свое неуверенное да. Субъекты, испытывающие на себе воздействие так называемых беспокойных духов. К примеру, самопроизвольное возгорание предметов в квартире, движение мебели, необъяснимые шумы, вполне вероятно, как вы можете догадаться, сталкиваются с активностью микотоксинов. Так или иначе, сценарии, связанные с отравлением не следует исключать. Как и в случае с нейрوديagnoстикой Эмптинга на предмет наличия грибов у пациентов. Сотрудниками санэпидемстанции осуществляется диагностика домов с привидениями, и при обнаружении плесени принимаются необходимые меры по ее устранению. Гражданам, испытывающим подобного рода дискомфорт, будь то электрические голоса, которые издает давно не работающий телевизор, или, к примеру, левитация посуды с последующим крушением, следует контролировать этот вопрос. И не стесняться обращаться к дезинфекторам.

Любопытным с точки зрения выявления зависимости полтергейста от плесени является исследовательский проект, запущенный профессором гражданской и экологической инженерии Шейном Роджерсом. В 2015 году мужчина инициировал исследование воздуха в «неспокойных» постройках, где предположительно происходят паранормальные явления. Роджерс заинтересовался этим еще в школе, когда смотрел телевизионные шоу, повествующие об охотниках за привидениями. По замечаниям будущего профессора, здания, которые посещали любители выводить на чистую воду нечисть, зачастую показывались грязными, захламленными, пораженными плесенью. И поэтому юный Шейн задался вполне логичным вопросом, способен ли воздух в этих местах влиять на сознание людей. Ученый предположил, что переживания, встречи с призраками, искажение реальности подобны симптоматике психических или неврологических расстройств. К тому же Роджерс провел аналогию, изучив и сравнив показания граждан, подвергшихся влиянию токсичных форм плесени, с теми, кто предположительно контактировал с потусторонними силами. Мужчина пришел к выводу, что ряд грибов, например, спорынья, способны провоцировать у людей возникновение психозов. Некоторые респонденты сообщили также ученому о глубокой депрессии, тревоге, галлюцинациях. Что впоследствии трактовалось профессором как побочные эффекты от знакомства с микотоксинами. Проект, запущенный Роджерсом, насколько нам стало известно, действует до сих пор, а мы пишем эти строки в 2022 году. Профессор с группой своих студентов посещает художественные музеи, заброшенные ангары, квартиры, где предположительно были зафиксированы беспокойные духи, — анализируют найденные виды плесени, берут образцы воздуха, каталогизируют полученные результаты.

Существует ли угроза вспышки эрготизма в России. Способна ли спорынья и прочие микотоксины спутать сознание наших граждан сегодня. Юрий Дьяков, биолог, профессор МГУ, предположил, что агрессивное поведение в очередях на почте, потасовки на рабочих местах, в пробках, нежелание уступать места лицам пожилого возраста в троллейбусе — может быть связано с отравлением грибными токсинами. В пользу этой версии говорят наблюдения историков. Различные военные кампании в Средние века, в частности в Европе, начинались примерно в то же самое время, когда фиксировалось массовое отравление спорыньей. Именно в такие моменты сознание граждан было затуманено, терялась связь с реальностью, а главенствующей эмоцией становилась немотивированная злость. Нечто схожее, замечает Дьяков, разворачивается в данный момент «благодаря» грибу фузариуму. Фузариум в свою очередь вредит народному хозяйству, его патогены способны вызвать заболевания, токсикозы у растений и прочих живых организмов, в том числе у граждан.

Нам кажется, что версия с токсинами, которые выделяет фузариум, как одно из возможных объяснений агрессивного поведения не только наших соотечественников, но людей на всей планете, вовсе не лишена смысла. С другой стороны, мы ощущаем определенные сомнения, странно винить только лишь плесень, вам так не кажется? Химическими ли процессами обуславливается наша перманентная злость. Быть может, дело обстоит несколько сложнее, и всему виной не к ночи упомянутые Ч. В таком случае, что дает им силу властвовать над нами. Мы ли – граждане, увлекающиеся гороскопами, эзотерикой, хиромантией, заплутавшие, какие угодно еще, предоставляем возможность селиться в наших сердцах, совершая опрометчивые действия. Любопытно, что в активной фазе ненависти нельзя находиться год, два, десять лет, сгоришь и не заметишь. А если по каким-либо причинам не сгоришь, то в период затишья-опустошения существует опасность возникновения депрессии, печали. И в этой связи вспоминаются слова священника Павла Гумерова: «Опасность печали, депрессии в том, что она является страстью, а значит, действует как любая из 8 страстей. С одной стороны мучает человека (страсть – значит страдание), а с другой стороны доставляет массу приятных ощущений, иначе никто не попался бы на крючок дьявола. И страдающему печалью тоже, как не странно, в чём-то нравится сладостный плен страсти». Что же предпринять в таком случае, где искать утешения. Павел продолжает: «...повторяю, выйти из печали непросто, это труд, и для иных легче плыть по воле волн. Вот почему очень часто депрессией, меланхолией страдают люди ленивые, не приученные к труду». Во труде спасемся, дорогие читатели.

Глава 6

Небесная тележка

– Ах ты, собачий депутат, да как ты посмел, у нее же помятый корешок, помятый! – не сдержала эмоций клиентка и принялась отоваривать меня длинной металлической ложкой для обуви. На конце ложки было круглое отверстие. С каждым взмахом я мог на доли секунды разглядеть перекошенное от злобы лицо, высокие скулы, прическу под синего ежика. У меня не было сил сопротивляться, куртка, шапка, ботинки, все было мокрым от слез, слез, падающих с неба целое утро. Как пели однажды в передаче Фабрика звезд, плачут небеса, однако сомневаюсь, что плакали они по некой мифической любви. Скользящая манная каша на улице заставляла людей рыдать, заставляла их произносить следующие вещи. – Ох, мой копчик, как же больно! – Позвоните в жэк, пусть пришлют дворника! – Ай, нога, что они сделали с моей ногой! – Как-нибудь надо тут аккуратненько, вот так, вот так, ох, ты ж! – Лежите, лежите, бабушка, у вас может быть переломан хребет! – Дети, не ходите здесь, сосулька прилетит с крыши, будете потом ходить мычать!

Еще в редакции, собирая заказ в картонную коробку, сорок одну книгу я туда собирал, подумал, как же мне это везти клиентке. Бухгалтерша, женщина с грубым, словно речь дембеля-садиста голосом, посоветовала взять тележку. На столе у нее стояло небольшое ведерко с мясным фаршем, еще была расстелена клеёноччатая скатерть в зеленый горох, на которой лежал большой комок теста, скалка, формочки для вареников. Женщина совмещала несколько работ сразу, готовила выпечку для столовой, где проводили свадьбы. А параллельно сверяла цифры в отчетности, закрывала кварталы, перечисляла сотрудникам зарплаты в издательстве. Иногда выходило так, что бухгалтерша не успевала, как тем утром, слепить нужное количество вареников для очередного торжественного события. Хотя ничего торжественного тут нет, брак – он и есть брак. Тележка жила на складе, тележка была так себе. Двухколесная, маленькая, скрипучая. Поставив на нее коробку, я сразу понял, что далеко мы не уедем.

Покатил эту развалюху по улице, потерял где-то варежку. — Одна варежка потерялась, а вторая не знаю где. — Я тебе дам, потерялась! — закричала мама в телефонную трубку. Отвлекся на этот звонок, и тележка перевернулась. Рядом скользили по замерзшим лужам детишки, они засмеялись моей оказии. — Mam, все, я на вызове, потом перезвоню! — сказал я и нажал красную кнопку пуска ракет. На узенькой, как мировосприятие субкультурного подростка, улочке начали падать сосульки. Мужчина в оранжевом комбинезоне сбивал их лопатой. Все нормальные люди перешли на другую сторону, там, где не летели бомбы, а Хиросима была не тронута никакими Малышами. Решил последовать примеру тех граждан, тем более мужик стал кричать: уберите дебила, он сейчас получит! Переходя дорогу, я очутился на капоте серебристой машины. Перепуганные глаза дамочки с большими-пребольшими розовыми губами. Она вдавила педаль тормоза, вопреки законам физики я никуда не слетел, так и остался лежать на капоте. Мгновение, мы смотрим напряженно друг на друга, и я вспоминаю, что у меня была коробка с книгами. — Бог ты мой! — вырвались такие слова, соскакиваю на склизкую проезжую часть. Мужчина со спиной аристократа, в тот момент я видел именно его спину, клетчатое коричневое пальто, в желтоватых пятнах, черную шляпу, серовато-белые джинсы. Он схватил наши книги, он убежал с нашими книгами. А я следовал за ним по пятам, словно красная учительская ручка, не пропускающая ни одной буквы в сочинении «как я провел жизнь». А за мной следовала водительница серебристой машины, она кричала: стой, кто мне заплатит за ремонт, стой! Не останавливаясь, бросил через плечо, надеясь никого не зашибить: потом, все потом!

Похититель коробки, видно, не ожидал, что слова в килограммах весят настолько много. Он замедлился в подворотне, затем вовсе остановился, присел у кирпичной щербатой стены. — Мужчина, верните мои книги! — сказал я, доставая из кармана куртки перочинный швейцарский ножик. Лезвие давно затупилось, поэтому ножницы подходили больше к этому случаю насилия. Он посмотрел голубыми водянистыми глазами, грустными-грустными. Насколько грустными, что я заплакал, накатила неуместная тоска. Ощущения были такими, как будто пришло понимание, что все мы скафандры для душ, бороздящие просторы Земли. Попадающие в передряги, теряющие здоровье на теплотрассах, на производствах собачьего корма, в маршрутках, в кинотеатрах, на первых свиданиях. — Ты это, хочешь поесть? — спросил у него. Похититель велосипедов оживился, сказав: простите, я не специально! Ну, конечно же, не специально, подумал я. А ведь он даже не знает, что происходит сейчас, начинается чума, мы проходим одним маршрутом с нашими предками из средневековья. И это ни в коем случае не предположение, это самая настоящая действительность. Бедный гражданин в клетчатом пальто с желтыми пятнами. Мы пошли с ним в кафе у метро, на колченогую тележку никто не позарился. Она лежала там же, куда меня подвезла неаккуратная водительница.

Коробку тащил похититель, кряхтел, исправлялся, хотя мы и не были в исправительно-трудовом лагере. На месте происшествия собрались прохожие, бабка с внуком, милиционер, женщина-убийца. — Кости целы, мясо нарастет! — услышал, как говорит такую вещь своей бабушке лопоухий мальчуган без шапки. Бабушка посмотрела на него, закричала: Сережа, ты же заболеешь, что маме скажем, ну-ка шапку свою, шапку, я сказала! Милиционер с опечаленным лицом, щеточкой усов. К примеру, у меня, уж простите за физиологические подробности, после мастурбации делается подобное лицо. И я размышляю, к чему эти ненужные трения, механический балет с комбайном вместо балерины, в общем, делается тоскливо после первого же акта. Моя убийца в шубке из каких-то животных стояла возле стража правопорядка, тыкала в нашу сторону своим пальцем, говорила: вот этот подонок, вот этот мерзавец, арестуйте его! Улочку, на которой мы все пребывали, осветило солнышко. Своими лучиками оно согревало, оно было похоже на осетинский пирог, такое же сочное и желанное. Мы говорим, само собой,

о свежем осетинском пироге, а то найдутся сейчас те, кто возразит: Миша, а если пирожок засох, как его можно желать! Милиционер, нахмурив брови, спросил: ваши документы? Я ему ответил, что документы мои. Водительница воскликнула: слышите, он издевается, он издевается! Дамочка порядком утомила своими инсинуациями. Когда она в очередной раз взмахнула ручками, из кармана шубы на серо-буро-малиновую кашу под ногами вылетел прозрачный пакетик. В нем был некий голубоватый порошок. Блюститель законного хода вещей переключил свое внимание на эту мымру. А в нашу с похитителем книжек сторону бросил, слава богу, никого не зашиб: свободны!

Позади нас раздавались совершенно безумные выкрики: вы не имеете права, я требую адвоката, сейчас не 37-й год! – Барышня пересмотрела фильмов – констатировал я. Мой новый знакомый сказал на это: каждому свое, как было написано на одних чудовищных воротах. – Кстати, меня зовут Константин, – продолжил он. Я вез тележку с коробкой, Костя плелся позади, придерживая книги, которые норовили улететь опять в лужу. Либо эта женщина любительница понюхать запрещенные вещества, либо порошок был предназначен для миниатюрной шкурки какой-нибудь норки, из которых водительница сшила себе шубу, в любом случае, мы осуждаем оба этих процесса. Кафешка у метрополитена имени Владимира Ильича Ленина называлась: чебуреки в шалаше. В зале ненавязчиво играла музыка, парочка респектабельных мужчин, они стояли за столиками, к которым не были предусмотрены стульчики. Они с ленцой потягивали желтовато-бледное пиво. В их пиве содержалась толика димедрола. В «чебуреках из шалаша» именно так и поступали с напитками, добавляя в них таблетки, чтобы клиент быстрее пьянел, терял счет времени, заказывал больше. Не помню, откуда мне известны эти подробности, быть может, я там уже выпивал.

Константин положил свою шляпу на высокий круглый столик. На голове у мужчины оказалась прическа озеро в лесу. Щебетали на своем диалекте птички, рыбак в красной клетчатой рубашке сидел в лодке с мотором, ожидал появления рыбы. – Мальчики, вам нужна рыба к пиву? – спросила отличница по химии в белом фартуке. В ее волосах запутался бы даже Тесей. – Нет, будьте добры, нам два чебурека и два пива, – ответил я. Официантка скрылась на кухне. – Вы простите еще раз, просто, как увидел, само получилось! – жалостливо говорил мой новый знакомый. Вместо того чтобы сказать ему, что все нормально, мол, с каждым бывает, я поинтересовался: Константин, а какие книги вы любите читать? Отличница принесла поднос с чебуреками и пивом. Костя придвинул мне один, но я отрицательно помотал головой, утром нет аппетита. Он ответил на вопрос: стыдно признаться, я больше люблю поэзию, Малларме, Верлена уважаю. И принялся терзать чебурек, оказалось, что у Константина вставная челюсть. Розовые подкрашенные десна, серые от непогоды зубы, челюсть выпала на стол. Собеседник поспешно вставил обратно, прошамкал: простите, клей закончился. Я выпил залпом стакан пива, в голове приятно застучали молоточки. Вы знаете, чашечка пива на завтрак, в самом деле, весьма бодрит. Это не кофейная бодрость, но бодрость с эндорфинами. Понедельник вы превращаете с таким завтраком чемпиона в воскресенье. Черчилль, например, попивал эль, когда вставало солнышко. А Мартин Лютер вообще говорил, что человек, который употребляет пиво на завтрак, меньше грешит.

Позвонил мой начальник, а в кафе было так тепло и уютно. Позвонил начальник, а коробка с книгами до сих пор не оправилась от встречи с лужей. Позвонил начальник, а я совершенно выпал из происходящего, как причиндалы деда из брюк в переполненном троллейбусе. Павел Вениаминович начал кричать: Миша, ты где, клиентка второй час пьет валокордин, переживает, куда пропали ее книги! Я заверил его у нотариуса, теперь директор стал официальным. Я заверил его, что нет поводов для грусти, что погодные условия задержали. Посмотрел на Константина, не без сожаления попрощался: бывай,

может, свидимся еще. И вышел на улицу. В метро с этой тележкой, естественно, остановили архаровцы, пригласили пройти на досмотр. Я поднял коричневый, влажный ком, крикнув от тяжести. Ящикек, в котором происходило сканирование рентгеновскими лучами, не показал ничего подозрительного. Зеленое свечение выглядело излишним. Зеленое радиоактивное свечение встречается лишь в мультсериале Симпсоны. – Тебе бы обсохнуть! – произнес, почесав переносицу, служитель метро в синем кафтане. – Обсыхать нельзя, начальник такого не потерпит – ответил сдержанно я.

Клиентка проживала на самой окраине, туда даже не летали поезда и, возможно, не ходили птицы. Выйдя из метро, я очутился в сумрачном лесу, который благополучно рос в неблагополучном районе. Там, по-моему, рядом находилась скотобойня, а также завод по производству каучука. По-прежнему шел снежок вперемешку с дождем. Трамвайные пути тянулись до самого леса. С десятков синих палаток, в них торговали белорусскими мясными изделиями. По самочувствию, хотелось бы отметить, что я ощущал себя тем человеком, который проник ночью спустя 40 лет в школу, чтобы вернуть вещи, отобранные учительницей. И вот он бродит по классам. Заглядывает в шкаф, где предположительно лежит украденное, а там ничего нет, кроме учительской мази от геморроя. Ладно, думает человек, мазь так мазь, пригодится в хозяйстве. На трамвайной остановке сражались между собой подростки. А у меня тут коробка на тележке, как бы не зацепили, они молодые, горячие, в спортивных костюмах. Ожидаю трамвая, до клиентки на нем добираться около получаса. Подростки перешли все возможные границы, бьются стенка на стенку, человек пятьдесят. Нахожусь в гуще событий, мимо лица пролетает чей-то стоптанный кроссовок. Грязь вокруг меня окрасилась томатным соком. – Гаси, гаси его! – кричит престарелый подросток с лицом Аль Пачино. И вдавливая ногой голову с зеленым ирокезом в мутный снег.

Подъезжает ярко-алый трамвай с номером двадцать два. Как я успел подсмотреть в редакции, именно такой мне и нужен, двадцать второй, не меньше, не больше. Потасовка прекращается, когда из салона вылезает круглая тетушка в зеленом бархатном пальто с воротником из лисы. Она краснеет от возмущения, пыхтит, как недовольная кошка, обращается к толпе: все завтра ко мне с родителями, я вас всех сожру, как китайские пирожки! На подростков ее вопли оказывают чудодейственное влияние, словно правый боковой Майка Тайсона, нанесенный своей жене Робин. Развязки потасовки между женщиной и подростками не увидел, зашел в трамвай. Зашел это громко сказано, в два этапа взгромоздился, сначала тележка, коробка упала, коробку закинул, тележка скатилась. Водитель не выдержав, покинул свой закуток, взял меня подмышки, рывком затащил, спустился, правой рукой подхватил коробку, левой рукой тележку. Атлетически сложный водитель, напоминающий лысиной и усами Чарльза Бронсона, и ручищами. Транспортное средство, чихая и кашляя, видно, книги добавили веса, поехало в сторону леса. В совершеннейшем восторге крутил своей вспотевшей головой по сторонам. В окнах виделись сплошные кустарники, деревья, сугробы. Пассажиров было немного, в основном пожилые господа и госпожи. Они как будто являлись с утра пораньше неотъемлемыми атрибутами троллейбусов и трамваев со своими пакетами, котомками. Их старость опережала мою молодость на десятки световых лет. В их старости угадывалось будущее, которое непостижимым образом тянется из прошлого. За размышлениями о том, насколько все плохо с книгами, я задремал. С книгами, действительно, дела обстояли печально, закрывающиеся типографии, подорожание бумаги, вымокшая коробка.

Меня разбудила капля за шиворот, как в свое время, только не капля, но целый бассейн манной каши, который насовала воспитательница в приступе страсти. Нравнодушная к юным мальчикам воспитательница, о времена, о нравы. Где-то на трамвайном потолке была брешь. Удачно проснувшись, поспешил к выходу, ну, как

поспешил, истощенный событиями того дня, покатил тележку с коробкой без особого энтузиазма. Бронсон-водитель поторапливал: шевелись давай, тут пожилые люди вообще-то, все спешат по своим очень важным делам! Он все-таки понял, что не взял с меня деньги за проезд, спросил: а ты платил? А я не платил, отсыпал силачу монетки, пять десятирублевых блинчиков. Мимо пролетела огромная муха, зимняя муха бессмертная какая-то. Я уже выбрался из трамвая, а за спиной развернулся диалог водителя с насекомым. Он говорил: ну, это не повод, чтобы не платить за мои услуги, плати! Муха в ответ бормотала что-то несвязное. Бронсон негодовал: ты заплатишь все до последней копейки! Затем успокаиваясь: ладно, залетай, разберемся.

На улице пришло осознание тщетности бытия, ведь адрес клиентки благополучно забылся. Но проницательный Павел Вениаминович интуитивно распознал упаднические настроения, присущие мне как сотруднику издательства. В телефоне послышался надсадный кашель, а потом директор глубоко вдохнул, как перед нырком в речку, закричал: клиентке уже скорую вызывали, ты где, ондатра, ты, что такое вообще, ты человек или как? Я ответил ему голосом юноши, повидавшим на своем веку немало дерьма: вы знаете, я забыл адрес, напомните, пожалуйста. Павел Вениаминович на том конце назвал улицу Суматошную, третий дом, пятую квартиру. И тщетность бытия вроде бы попрiderжала свой пыл, перестав душить, как могут душить проценты по ипотеке. В отдалении была площадка с желтыми турниками, на ней молодые котлеты тягали гири. Киевские поджарые котлетки с голыми торсами, выпирающими синими венами на бугристых руках. Я сначала направился к ним, чтобы спросить про улицу Суматошную. Но тяжелый взгляд исподлобья меня остановил. Один из трех спортсменов покачал отрицательно лысой, словно кожура лимона, головой. Со стороны остановки, где я только что высадился, по-прежнему находился лес. Район, куда я только что высадился, как Нил Армстронг на луну, напоминал городок из кинофильма «Лиля навсегда». Недружелюбные серые пятиэтажки, белье сушится на веревках. Убедительное местечко для того, чтобы начать писать пугающие сочинения, как Стивен Кинг, убедительней только мальчонка с автоматом Калашникова.

Такой парнишка попался мне, когда я отошел от спортсменов на почтительное расстояние, пар, который они выдыхали, скооперировался в буковки, такие буковки, как правило, мы наблюдаем в лапше. Тележка скрипела, я отвернулся от угрюмых атлетов, но чувствовал, что они провожают мою спину тяжелыми взглядами. У кафе с заколоченными окнами повстречался мальчишка в белой шапке с надписью спорт, в бесформенном серебристо-красном пуховике. На плече у него висел тот самый автомат, не знаю, настоящий или просто игрушечный. Я спросил у него: дружище, где тут улица Суматошная, дом три? Ребенок ответил звонким, как мелочь в игровом автомате, голосом: пятьдесят рублей! Подул ветерок, запахло жженым сахаром, как будто где-то пригорели петушки. Я стал шарить по карманам в поисках пятидесяти рублей. Парнишка смотрел на меня пренебрежительно, оттопырив нижнюю губу, щелкнул затвором Калашникова. Над нами стремительно пролетели голуби, как истребители. Пять медных червонцев нашлись в заднем кармашке брюк. Я протянул их проводнику. Он смотрел на них, смотрел, в детской ладошке было пятьдесят рублей, но ребенок, кажется, не умел считать, хотя на умственно застылого не походил. – Это пятьдесят рублей, точно! – на всякий случай сказал я. Парнишка сложил монетки в целлофановый пакет, в котором было, по меньшей мере, очень много денежек. Удовлетворенный платой, мальчишка развернулся и потопал. Мы шли мимо длинного строения, распахнутые окна на первом этаже, облупившаяся белая краска. Ребенок шагал впереди, потом остановился, вскинув руку. Мимо нас пролетел инсулиновый шприц, пустая бутылка. Проводник продолжил движение, ведь движение это маленькая жизнь. На улицах было пустынно, хотя звуки, детские крики, звон стекла, музыка, казалось, доносятся отовсюду. Возле здания милиции послышался

животный смех. Это были гиены, особой двадцать. Полукругом в своих желтых шубах с черными пятнами они приближались к нам. Но парнишка быстро взял ситуацию под контроль, выпустив длинную очередь из автомата. Фонтанчики замерзшей почвы вздымалась, гиены, почуяв раскаленных смертоносных пчел, бросились врассыпную. Следующий дом за поворотом оказался домом клиентки. Мальчишка, не прощаясь, исчез во дворах.

А я попал в гости к нашей покупательнице. – Ах ты, собачий депутат, да как ты посмел, у нее же помятый корешок, помятый! – бушевала гражданка, металлическая ложечка больно ударяла по лбу. В круглом отверстии на конце ложки виднелись синие короткие волосы, высокие скулы, пирсинг в носу. Не было сил, чтобы элементарно выставить руку, хоть как-то защититься. Очень скоро у женщины иссякли физические возможности, активничать она перестала. Женский организм, как ни крути, устает быстрее моего организма. Примерно так я подумал в тот момент. Клиентка устало спросила: хотя бы все книги привезли, ничего не потеряли? – Все, можете пересчитать! – ответил ей. Но женщина пересчитывать ничего не стала, она сказала следующее: что-то я погорячилась, попьешь со мной чаю, и мы забудем об этом инциденте. Ни о каком инциденте забывать я не собирался, поэтому решительно сказал: вообще-то, на работе не принято пить чай. Синеволосая любительница поскандалить продолжала настаивать: пожалуйста, мне бы хотелось хоть где-то сделать вам приятное. – Ладно, хорошо, выпью с вами чай, кружку, не больше! – сказал я. Она, кажется, поняла, что мой характер был мягкий, точно холодец.

Стена в коридоре выглядела странной. Когда мы шли умываться перед чаепитием, я остановился, всмотрелся. В обоях с ромбиками была проплешина размером с младенческую голову. Там виднелся еще один слой обоев, за ним еще один слой, словно кто-то методично вырезал и вырезал. Я посмотрел вопросительно на клиентку. Она сказала: это я по количеству обоев считала поколения жильцов до меня. – Как будто кольца на спиле дерева? – проявил сообразительность я. – Как будто кольца на спиле дерева! – согласилась женщина. Умывшись, мы переместились на кухню. Чай был майский, печенья, соответственно, летние, с кусочками земляники, малины. Неловкое молчание сопровождало нашу церемонию, словно надоедливые журналисты, сопровождающие принцессу Диану. Клиентка метнулась кабанчиком к холодильнику, достала оттуда батон докторской колбасы, положила передо мной. Колбаса еле слышно зашипела. – Почему шипит у вас колбаса? – спросил я. – Не волнуйся, болеет! – рассмеялась синеголовая читательница. – Будешь сыр с плесенью? – продолжила она наступление. Все эти расспросы порядком нервировали. Допив долгим глотком чай, рассовал по карманам печенья, поспешил расстаться с женщиной. Но у дамочки было игривое настроение, она, поглаживая свою шею, сказала: никуда ты не уйдешь, пока я не разрешу. – Хорошо, тогда предлагаю побороться на руках! – проявил смекалку я, полагая, что женская сила меньше моей. Интуиция не подвела. Клиентка достала из-под стола табуретку, ножки табуретки скребли пол: скрыл, скрыл. Мы поборолись секунд тридцать, ее рука была твердой, на кисти выступили фиолетовые змейки вен. От напряжения у женщины вспотело лицо. Ухищрение в виде плевка в мой глаз не помогло, победа осталась за нами.

Обратный путь сложился благопристойно, без чрезвычайных происшествий и криминальной России. Правда, выйдя на улицу, слышал звуки ожесточенной перестрелки. Десятки металлических глоток болтали на своем разрушительном диалекте. Заскрипели тормоза серых жигулей. Водитель, мужчина сорока лет в черной водолазке и кожаной куртке, выглянул в окно, крикнул: шеф, тут у нас бывает что стреляют, садись в машину! И мне повезло, потому что самому бродить по тому небезопасному району без

проводника – это надо родиться в свинцовых кальсонах. Случайный таксист взял триста рублей за пять минут поездки, зато, как он сказал, живой остался. И это замечательно, считаю, что живой остался.

В редакции Павел Вениаминович, отчего-то нарядный в тот день, попросил написать эссе про недовольную клиентку. Директор, сидя в большом клетчатом кресле у себя в кабинете, объявил по громкоговорителю: Миша, зайди ко мне! Мы сражались некоторое время взглядами, но лазерные мечи умудренного жизненным опытом директора оказались острее. Я опустил глаза на лакированные коричневые туфли мужчины, его ноги лежали на столе, где подобает лежать ногам, которые переносят наделенное властью тело. – Напиши, пусть это будет объяснительная с твоей стороны, – попросил он. В тот день на нем был темно-зеленый пиджак из крокодилов. А голову мужчина перекрасил в бордовый цвет. А усы он сбрил. А надушился чем-то французским, возможно, одеколоном Саша. Одеколоном Саша, где ударение идет на последний слог. Редакторша постучала в открытую дверь. – Да, что такое? – спросил Павел Вениаминович. – Понимаете, такое дело, я сама не ожидала, я, кажется, снова беременна, мне нужен отгул! – обескуражила всех присутствующих в кабинете сотрудница издательства. – Что, вам же пятьдесят лет, когда же это закончится, чтоб в последний раз! – строго сказал ей Павел Вениаминович. Затем достал из верхнего ящика стола чью-то рукопись, увлекся чтением.

Видели бы вы, как самозабвенно я настукивал свое объяснительное эссе, клавиатура под пальцами сначала хорохорилась, выдавала опечатки. Но специальная техника щипкового массажа сделали клавиатуру сговорчивей, она похрюкивала от удовольствия, опечаток больше не случалось. Рассказ о клиентке и книгах начинался как мистическое произведение. Спустя две страницы я задумался о том, что не хватает кофе. Вскипятил чайник. Директор закрылся в своем кабинете на ключ, бухгалтерша ушла на свадьбу с налепленными утром хлебобулочными изделиями. Буквы сами бросались на проезжую часть. Синеволосая женщина обрела несчастную любовь, потом эту любовь потеряла, потом обрела любовь к сериалам, литературе. Все заканчивалось широкими, как русская душа, выводами о фригидности. Подспудно я понимал, что погодные условия тоже сыграли свою роль, поэтому ввел новое действующее лицо: мерзость. Мерзость символизировала лужи, мокрый снег, гололед. От выпитого кофе поднялось давление, пальцы похолодели, затряслись. Десять страниц объяснительной я посчитал достаточным количеством страниц для хорошего литературного высказывания. – Ты сам это написал? – спросил директор, который незаметно подошел. Мужчина стоял за моей спиной и читал. – Написал самолично! – ответил я. – Слушай, распечатай-ка, хочу от начала прочитать, – сказал Павел Вениаминович, пшикая себе в рот освежителем дыхания. Его дыхание сразу сделалось легким, мятым. Перед тем как разойтись по домам, наш руководитель обратился вот с какой просьбой. Он попросил написать что-нибудь интересное. – Ты напиши что-нибудь интересное, мы прозу не публикуем, как знаешь, но, может быть, сделаем исключение.

Куртка, шапка, ботинки обсохли. Правда, обсохли как-то совершенно неправильно. Теперь куртка и брюки топорщились, хрустели. Случается, вешаешь белье после стирки на балконе, а на улице дремучая зима, а белье потом стоит колом. Скованность в паху, шел как паралитик, хрустел весь. Мама дома, конечно, высказалась на этот счет. Ты же не нанимался курьером, тем более за такую смешную зарплату. У тебя здоровье слабое, чтобы так ездить, мокнуть. Я ответил ей: ладно, разберемся. Во время ужина пришла мысль написать про Леру и Валеру, написать про шкаф, в котором происходила абракадабра. Но тут же возникло сомнение, кого это сможет заинтересовать. Но возникшие сомнения мало кто послушал, когда возникают подобного рода сомнения, я даже не обращаю на них внимание, чего и вам желаю, солнышки.

Глава 7

Елочка и мухоморы

Подозреваю, что неизреченное слово уходящего года было матерным. Но вот приближался праздник, во время которого изнеженные дети вроде меня будут испытывать панические атаки. Десятки тонн салютов в тротиловом эквиваленте прогремят над городом. И вновь мама скажет мне, что же ты за человек такой, рефлексирующий нытик, как и все вы, рожденные в девяносто шестом году под знаком водолея. И опять и опять по телевизору покажут мужчину, поздравляющего нас от всего сердца, и опять и опять я испугаюсь его, ведь к незнакомцам лучше не садиться в машину и не вступать в зрительный контакт. Но что поделаешь с нами, рожденными в девяносто шестом году под знаком водолея. В сущности, глупо третировать какао, разлитое по кружкам в столовой. Какао в столовой это результат мастерства, итог ее жизни, буфетчицы, сварившей какао. Вы, конечно, вправе не считать себя какао, просто вот я себя им время от времени ощущаю.

И вот мама отпустила праздновать Новый год в семью Леры и Валеры. Трогательное явление, если честно. Вы приходите в гости к друзьям, чтобы посмотреть на салюты, отожраться оливье. В некотором смысле, если вы, конечно, пришли к семейной паре в одиночестве, а дома никто не ждет, в некотором смысле они как будто вас усыновляют на одну ночь. Еще мама сказала: если ты хочешь, можешь у них погостить несколько дней, если ты, само собой, не любишь свою мать и тебе плевать на то, как она тут будет сидеть и волноваться, а она будет, поверь мне, тут сидеть и волноваться! Накануне Нового года я поехал в редакцию, предстояло выпить несколько бокалов шампанского со своими коллегами, выпить во славу книжного божества. Чтобы в следующем цикле наши тиражи вернулись к тому значению, когда трава была зеленее, а пепси вкуснее, а фенибут продавали без рецепта.

Морозец на улице тем утром был обжигающим, как сталь самодельного ножа, присланного из колонии моему дружку. Дружок сам не сегодня завтра отправился бы вослед за своим братцем, поэтому с детства он обучался премудростям лагерной жизни. И этим ножом он угрожал всем ребятишкам во дворе. Как-то раз приставил к моему горлу, будто собирался вскрыть этот сосуд с барахтающимся в нем настоящим Токаревым. Тем утром я чувствовал небывалую ажитацию, словно Алиса, хряпнувшая сто грамм волшебного зелья из пузырька. Я стремительно рос, крутило суставы. Настроение было прекрасным, шел по улице, напевая о пропавшей собаке Шаинского. И даже угрюмый дворник, похожий на советского штангиста Василия Алексеева, тем утром не хмурил свои кустистые черные брови, он улыбнулся впервые за долгое время моим раскосым глазам. Предчувствие благостных перемен, вот что чувствовали прохожие тем декабрьским утром тридцать первого числа.

В связи с подобными праздничными обстоятельствами в редакцию решил добираться на электричке, а не как обычно на автобусе и метро. Стоя на перроне, удалось подслушать разговор двух парней. Один другому рассказывал: вчера снял ту проститутку, ту, которая тебе еще понравилась. Второй ему нетерпеливо: и как она, как в итоге-то? Паренек докладывал: ну, занимаемся мы с ней этим самым в машине, и тут она начинает плакать. Товарищ рассказчика удивляется: неужели. – Да, сказала, что никто до меня не обнимал ее так нежно! – хвастается парнишка. Электричка стремительно преодолевает нарратив, становясь необыкновенным символом алкоголизма, когда из нее вываливается компания граждан навеселе. Они поют песни, обнимаются с теми, кто заходит в электричку. Я тоже захожу в электричку, в ней слышатся ёлочные, мандариновые ароматы, дыхание крепких напитков, напитков тяжелоатлетов, слышится храп неких людей. Двери закрываются. И я уезжаю в противоположную от работы сторону, чтобы

доехать до редакции обходными путями. Ведь то утро было наполнено праздничными обстоятельствами, хотелось сделать что-нибудь необычное, сумасшедшее.

Безудержное веселье в редакции сопровождалось судьбоносными танцульками. Павел Вениаминович, заведенный, как щелкунчик, горлопанил, широко раскрывая рот: я вам сейчас покажу брейк-данс, что в переводе означает ломаный танец! – Может, не стоит в шестьдесят лет, расклеишься, калоша? – сомневалась бухгалтерша, попивая мелкими глотками шампанское из кружки со снеговиком. Приглушенно мурлыкали колонки, слившись с ландшафтом комнаты. Музыка прямиком из начала двухтысячных как бы уравнивала сотрудников издательства. Что я хочу сказать этим. А я хочу сказать, что служащих было пятеро, директор, редакторша, бухгалтерша, они относились к старшему поколению, некогда проживавшему в советском союзе. Мы же с напарником, так уж вышло, родились в середине девяностых. Музыка давала возможность разным поколениям одинаково качать в такт головами, отбивать ногами ритм, синхронизироваться с новым временем. На излете песни Аквариума «мама, я не могу больше пить», Павел Вениаминович как раз предложил продемонстрировать нам свой ломаный танец. Зазвучала композиция «Relax, take it easy». В моей кружке с озером Байкал бурлили пузырьки шампанского. Две кружки назад я подумал о том, что пить сегодня не буду, но, как видите, не пить не получилось.

Директор взгромоздился на длинный лакированный стол из ели. Бухгалтерша и редакторша спешно убрали со стола тарелки. В тарелках лежала закуска, колбасные нарезки, сыр, помидоры, огурцы, икра. Мы с напарником начали хлопать в ладоши, подбадривая раскрасневшегося мужчину, бухгалтерша не могла перекричать музыку, но я услышал: слезай оттуда, это самоубийство! Павел Вениаминович был не Павлом Вениаминовичем в тот момент, но роботом, движения которого казались автоматизированными. Спустя проигрыш директор начал водить руками вокруг своей головы, занимательная пантомима. – Похож на Киану Ривза из Матрицы! – сообщил на ушко напарник. Потом Павел Вениаминович решил покрутить гелик. Песенка почти закончилась, мужчина встал на четвереньки, неловко завалился набок, выставил вперед ногу в кожаном сандале. Стол потряхивало, как будто человек занимался любовью с деревом. Слова новой песни сделались неразборчивыми, вот было-то веселье. Директор крутанулся особенно сильно, не удержал равновесия, полетел со стола, как японский камикадзе-летчик на Перл-Харбор. Напарник выключил музыкальный центр, чтобы все мы могли как следует расслышать жалобные стоны Павла Вениаминовича: ох, спина, ох, умираю, братцы!

До травматологии домчались на такси. Зеленоглазый санитар в голубом кафтане курил у подъезда, на нас смотрел недобро. Мы на него никак не смотрели, потому что экстренно транспортировали по воздуху директора в приемное отделение. Время от времени мужчина терял сознание, охал. Мы с напарником изрядно вымотались, держа импровизированные носилки с Вениаминовичем. В редакции на шкафу лежали цветастые транспаранты с обложками книг нашего издательства, напечатанные специально для того, чтобы продемонстрировать на ярмарках, что наше производство не хухры-мухры. По случаю поломки директора было принято решение в срочном порядке использовать транспарант как носилки. Застывшие лужи напоминали аквариумы, под толщей льда по-прежнему бурлила жизнь, плавали мелкие оранжевые рыбки. – Натуралист, э, юный натуралист, не урони! – блеял раненый директор, заметив, что я отвлекся на лужи. Бухгалтерша за нашими спинами призывала быть осторожными: будьте осторожны, любознательные кретины! Напарник, долговязый парень в квадратных очках, тоже заинтересовался рыбками после слов «любознательные кретины». Мы дружно поскользнулись, рухнули на стильную землю, причинив директору страдания, к сожалению.

В приемном отделении собралась команда молодости нашей. Граждане, чьи травмы, преимущественно, были вызваны предновогодней суетой. Резали салат, резали, вот, пальчик. Шли за подарками, шли, сосульки, знаете ли. Люстру вешали, вешали, но

электричество помешало довешать. С горки с ребенком решили проехать, с ветерком чтоб, но ничего, зубы и так должны были выпасть, молочные ведь. Наша бухгалтерша расхаживала по длинному коридору взад-вперед, оперев руки в бока. На ней была желтая шубка с черными пятнами, как у гиены, но бухгалтерша была совсем не гиеной, скорее фрекен Бок в шкуре гиены. Редакторша на дух не выносила человеческих мучений, поэтому предпочла остаться в редакции. Директор лежал на транспаранте, спрашивал нас: вам понравился мой брейк-данс? Мы с напарником кивали, мол, понравился. Павел Вениаминович, удовлетворенный ответом, прикрыл глаза. В очереди перед нами сидело человек пять. Бухгалтерша сетовала на директора: что ж тебя земля-то сегодня двумя руками обнимает.

Позвонил Валера, я отошел от коллег, чтобы поговорить без свидетелей. Возле туалетов слонялся без дела, лучше бы пошел на завод трудиться, мальчонка семи лет. Он наставил на меня свой пластмассовый пистолетик, сделал вид, что стреляет. Свидетелей рядом не было. – Слушаю, Валерий Николаевич! – сказал я. – Миша, приезжай сегодня пораньше, надо будет елку купить, – муж Леры хотел произнести что-то еще, по крайней мере, я так почувствовал, но не произнес, положил трубку. Несовершеннолетний господин в черных брючках и белой, расстегнутой до пупка рубашке, под которой виднелась серая майка, повторно выстрелил в меня. Свидетелей не было, поэтому он безнаказанно скрылся в туалете. Подошел напарник, сказал, что поедет домой к жене, директора, скорее всего, увезут куда-то без нашей помощи. Еще сказал, что Ельцина прикончила водка, а я как раз волен пойти домой тоже готовиться к Новому году. Ну, я с ним, конечно же, согласился, тем более Павел Вениаминович с бухгалтершей взрослые люди, сами как-нибудь разберутся.

Таким образом, корпоративное мероприятие завершилось. А я поехал к ребятам домой, чтобы не на шутку оттопыриться. К тому же мама разрешила оттопыриться, она не часто позволяла это делать. Направился к метро дорогой, которой никогда не ходил, все-таки праздничные обстоятельства. Правда, не получилось дойти с первого раза. Подле серебристой, как зубы уважаемого человека, теплотрассы, понял, что заблудился. Там же повстречалась компания мужчин и женщин в черных длинных одеждах, их лица были бескровными, как будто зимние комары-призраки высосали всю кровь, напитались гемоглобином людей и улетели по своим грязным делишкам. Во дворе с двухэтажными желтыми домами незнакомцы стояли кругом, на что-то глазели. Проходя мимо, я тоже поглазель, в центре круга сидела рыжая кошечка, она умывалась. Сосредоточенно вылизывала свою лапку, мурлыкала. Мои скрипучие шаги по снегу прервали данную идиллию, в данной идиллии, как показалось, люди с бледными лицами особенно ценили кошку, которая на мое приближение отреагировала побегом из круга. Животина ускакала по сугробам, а незнакомцы посмотрели на меня своими безжизненными глазами. А глаза у них были как будто подернутые пленкой, возможно, это были наркоманы, организовавшиеся в преступную группу. Ближайшая ко мне девушка с фиолетовыми губами положила свою руку на мое плечо, даже сквозь пуховик я ощутил холод ее пальцев. Мне показалось, что сладость губ ее нежных, если дойдет до поцелуев, не повредит. Ее товарищи безмолвно пожирали меня глазами. Непроизвольно, словно против своей воли я произнес отчетливое: мяу! Станный возглас заставил Чужих в моей грудной клетке заклокотать. Испугавшись как следует, сбросил ледяную руку с плеча, развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. Вспомнился анекдот. Анекдот такой: как-то раз живодер напоил кота бензином, кот прошел два метра, упал, живодер подумал, что у кота закончился бензин. Согласен, совсем не смешно.

Валерий Николаевич встретился у самого метро. После свидания с вампирами я, в общем-то без происшествий, поплутал еще некоторое время, да выплутал, куда нужно было. Серая шапка-ушанка на голове знакомого выглядела как у Арнольда Шварценеггера в фильме, где говорили на ломаном русском: какие ваши доказательства. Доказательства при нашей встрече не требовались, то есть мы примерно знали, что я это я, а он это он. Но

все же для проформы Валера спросил: ты какой-то потерянный, все хорошо? Вокруг сновали взвинченные предстоящим празднеством граждане. Малышня чиркала зажигалками, их потребность поджечь снеговика с поломанной морковкой вместо носа была похвальна, хорошо, что малышня не поджигала утомленных бомжей. Я ответил: разберемся! – Тогда пойдем за елкой и продуктами, если не передумал встречать Новый год с нами, конечно! – сказал мужчина. И мы, лавируя между прохожими, как уклоняется вич-инфицированный человек от неудобных вопросов своего партнера, двинули к гастроному.

В гастрономе был аншлаг, не хватало только Геннадия Ветрова. Прилавки, украшенные пушистой мишурой, напоминали гусениц, протяженность которых ставила под сомнения биологические эти самые. Скажем так, не бывает настолько длиннющих гусениц. Скользкий-прескользкий пол, покрытой толстым слоем снежной крошки, норовил убежать из-под ног. А еще в гастрономе топили будь здоров, словно топили ядерными реакторами, закидывая их в печь. Поэтому наши сограждане раскраснелись, точно крабовые палочки. Они ходили от прилавка к прилавку, покупали говяжьи языки, докторскую колбасу, пельмени, красную рыбу. Необъятные продавщицы в синих передниках меж собой переговаривались. Продавщица 1: я хочу поменять пол. Продавщица 2: Клава, не надо, это же такая ответственность! Продавщица 1: зато прав больше, мое мнение будут учитывать, зарплата будет выше. Продавщица 2: а что скажут дочки? Продавщица 1: а что скажут, они вегетарианки. Продавщица 2: ну, смотри, тебе жить.

Валера спросил меня: а ты работаешь, да? А я и говорю ему: работаю, это да. А он извиняющимся тоном просит: у нас в данный момент сложности, не мог бы ты приобрести мяса на праздничный стол. – Несерьезный вопрос! – без лишней суеты киваю одобрительно головой. Однако мясом дело не ограничилось, также в гастрономе были приобретены салаты, оливье один контейнер, селедка под шубой два контейнера, гранатовый сок пять литров, креветки три килограмма. Повеселевший Валерий Николаевич, когда мы покинули гастроном, сказал: елочку я куплю сам, с елочкой никаких проблем нет. Прохожие на улице успели чрезвычайно потемнеть. Черные силуэты, подобно теням Шварца, искали свое место. – Дяденьки, дяденьки, дайте десять рублей! – обратился к нам негритенок перед самым елочным базаром. – Мальчик, у нас ничего нет, мы потратились! – ответил Валера. Мальчику не понравился такой ответ, поэтому он невозмутимо лягнул Валерия Николаевича в коленку, отчего Валерий Николаевич пораженно вскрикнул: что за манеры, ты что себе позволяешь! А я для усиления высказался матом, однако атаковавший нас вымогатель уже был далеко и ничего не услышал. Широкая желтая вывеска «елки» подсвечивалась гирляндой. Лампочки мигали в такт беспонтовой музыке, играющей в машине с тонированными окнами.

Валера ощупывал деревья, как студент старших курсов может ощупывать зазевавшихся первокурсниц. Из машины вылез коренастый мужчина в белой дубленке и клоком шерсти под носом. Пропустив предисловие, он сразу перешел к сути: три тысячи и по рукам! – Вы же даже не знаете, какую мы возьмем! – удивился Валера, великое множество удивлений от Валеры прозвучало в канун праздника. А ведь как встретишь, так и проведешь, а как проведешь, так уже и не надо. Я стал путаться в показаниях, накатила сонливость, глаза, слипшись от сладкого, перестали показывать нарядный елочный базар. Пакеты с продуктами тянули резину. Мой знакомый отчаянно торговался: тысячу рублей и батон колбасы, последнее предложение! Я встрял в разговор: колбасу не дам, колбаса дорого стоит! Валера сказал торговцу радостью: колбасу он даст, она дорого стоит, поэтому за колбасу ты нам отдай две елки! – Не, пацаны, колбасу не приму, три тысячи! – был непреклонен бизнесмен кислых щей. Знакомый выложил все карты на метафорический стол: тогда, может, вам интересны мухоморы? – Мухоморы? – оживился неживой продавец. – Мухоморы, пантерные, хорошие, у меня шляпок десять с собой, будете? – спросил Валера, понизив голос почти до шепота. Продавец ответил: надо, а

комсомол ответил: есть, давай свои шляпки! И мы заимели куцую елочку, не потратив на нее ни копейки. Гордый своим умением торговаться, Валера завалился вместе с деревом, когда мы переходили проезжую часть. Гололед это навыв балета.

К моменту, когда мы добрались до квартиры Леры и Валеры, колбаса укоротилась почти в два раза, нам захотелось перекусить, мы остановились во дворах, купили пивка, пило это пивко, покусывали колбасу. Елка, и без того не самая обаятельная представительница хвойных, сделалась похожей на любительницу побаловаться кокаином порно-актрису. Даже салаты, салаты попробовали. Единственное, что не пострадало, мандарины, килограмм пять, их мы успели купить в стремительно закрывающемся ларьке. Седой грузин с грустными глазами спаниеля сказал нам: слушай, мы закрываемся, выбирать давай побыстрее, пожалуйста. Валерий Николаевич захотел ананас, потом передумал, выбрав манго, но купили мы все-таки мандарины. Кружились манные комочки, ноги проваливались в сугробы, было часов семь вечера.

На пороге нас встретила Лера, нарядившаяся в костюм солнышка. Желтая короткая юбка едва прикрывала белые трусики, все-таки не прикрывала, трусики норовили явить себя миру. Желтая маечка, плоский рельефный животик. Должно быть, знакомая не брезговала заниматься физкультурой, а может, генетика. Дух испеченной курицы летал по прихожей, завывал, пугая впечатлительных детей. Жена Валеры сказала: где вы так долго, мне нужна помощь с салатами! Валерий Николаевич ответил, когда мы отправились мыть руки: салатов не надо, купили уже. И девушка вздохнула с облегчением, ведь нарезать бревна моркови, натирать булжники сыра занятие малоприятное. На праздники, заметил такую особенность, граждане суетятся, дряют до блеска пол, готовят как перед концом света, в общем, создается ощущение не праздника, а каторги. Это как рекламный перевертыш в интернете. Помните, навязчивая реклама? Фотография рук, зажигалки, ложки, на которой что-то бурлит, надпись: вспомнил про десерт из девяностых, рассказываю, как его готовили в то время. А ведь праздник к нам приходит, праздник к нам приходит, и веселья вкус всегда настоящий, вот это вот все, где?

Ближе к девяти часам Валера и Лера с Токаревым сидели за столом, пили чай. На черной улице, такой же черной, как если бы вы очутились в желудке котика, началось буйство. Салюты взрывались, азбукой Морзе освещая окно. Началось, подумал я, затряслись поджилки, в горле пересохло. Знакомая долила в мой граненый стакан в металлическом подстаканнике, как в поездах, еще чаю. Вкус напитка был необычным, отдавал он невнятной затхлостью, не знаю, как будто вкус болота, но с приятными нотками имбиря, мяты, лимона. Валера придвинул блюдце с зефиром, пастилой, сказал: ты сладкое ешь, со сладким мухомор лучше идет. Особо мощный заряд петарды обрушил некое строение, послышались крики: пошла помидорка, кто будет гараж восстанавливать, вы, мужики, офигели? Возмущающемуся человеку резонно возразили: Кузьмич, не кипишуй, зато красиво же, посмотри, такая писюлька, а как бабахнула! Разрезая вечернее небо, полетела цветная каракатица, заискрилась, зашипела.

Я метался по комнате, причитал: как вы посмели подмешать в чай мухомор, вы же даже не предупредили, вы же даже пластилиновые! Супружеская парочка казалась слепленной из цветного пластилина. Лера успокаивающе сказала, ее губы при этом не двигались: не волнуйся, просто мы подумали, что это тебе не повредит, праздник же! Валера поддержал супругу: да, там совсем немного, скоро все закончится. Внутри моего тела бегали микроскопические гномики, кричали: больше тепла, больше! Щеки горели, как сибирские леса в жару. Тело совершало причудливые движения, руки дрожали, ноги приседали. Шея девушки стала удлиняться, удлиняться, какая гибкая Лера, гимнастка. Рыжая голова легла на мое плечо, при этом животик, ножки, ручки – находились на диване, остальная Лера сидела на диване. И та часть, которая лежала у меня на плече, имеется в виду голова, лицо, возжелала романтики. Знакомая поцеловала своими горячими губами мои губы. Язык девушки внедрил в ротовую полость Токарева, романтика куда-то испарилась.

Валера закричал голосом крайне недовольного Валеры: не смей уводить чужую жену! Шея Леры вместе с головой моментально покинула мое плечо, вернулась к телу. За окном гремела тяжелая артиллерия. Товарищи празднующие горланили: ура, ура, с новым счастьем, ура, ура, вам того же! Знакомая невозмутимо сказала мужу: а я сама уйду, надоел ты мне. Подобного отношения к себе Валерий Николаевич стерпеть был не в силах, поэтому заплакал как девчонка. Он согнулся в три погибели в кресле, закрыв лицо ладошками. Лера не спешила его успокаивать, она удалилась из комнаты, ведь я нажал delete на воображаемой клавиатуре. Внезапно на столе возникли салатики, курица, морс, рис. Маленькая, незаметная девушка умудрилась принести блюда, оставаясь невидимой. Как это трогательно, что, будучи незамеченной, эта хрупкая Лера тянет на плечах семью, новогодний стол, страну. Мне стало грустно, зачесался хвост, лапки выпустили когти. С ужасом заметил, что превращаюсь в кота. Слух обострился, услышал, как соседка из квартиры этажом ниже хрустит затекшими суставами, словно хлопьями на завтрак. Потом она, шаркая тапками, подходит к стене, подставляет кружку, тяжело дышит, слушает.

Приходит ее величество паническая паника. Я шиплю, ношусь как угорелый от дивана на шкаф, от шкафа на штору, по шторе к потолку. Валера забывает о своем несчастье, он кидается грудью на амбразуру, но утихомирить паникующее животное меня мужчине не удастся. Тогда он зовут супругу: Лера, он сошел с ума, помоги мне! Валерия прибегает с кухни и решает проблему чтением стихов Юнны Мориц, про букет котов, про замечательных котов и прочих других. Я снова человек, сижу на диване, мелкими глотками пью холодный морс. А за окном расцветает долиной тысячи огней очередной фейерверк. Девушка спрашивает: попустило тебя? Глазам не удастся сфокусироваться, однако состояние организма приходит в норму, слегка дистрофичную. Мужчина вклинивается в разговор: ох, и напугал ты нас, кто же знал, что так будет. Никто, конечно же, не знал. Поэтому, не заостряя внимание на глупостях, мы включили телевизор, уселись за стол, наряженный в еду. До боя курантов оставались считанные годы. Людмила Гурченко вопрошала, пять минут это много или мало, я сказал ей: достаточно. Лера обратилась к мужу, когда тот наливал мне чай: слышал, ему достаточно. Валера недовольно пробурчал, как ежик, которого разбудили раньше времени: я обычный чай наливаю.

Гурченко в синем огоньке сменилась на Ельцина, на голове у политика был ободок с зелеными усиками. Лерон и Валерон сидели справа и слева от меня, шампанское в их бокалах сочиняло пузырьки, пузырьки не сдерживались границами высоких позолоченных бокалов. Пузырьки нелегально пересекали границу с Мексикой, летели к потолку. Девушка закурила тонкую сигаретку. Мы пребывали в маленькой комнате, где было великое множество старых книжек, они высились вплоть до самой планеты Тивит, сотни названий, притон для библиофила, зачитаешься. Прошлогодний президент приветственно поднял руку, я поднял свою в ответ. Зеленые усики пошевелились. Мне подумалось, раз усики шевелятся сами по себе, значит, мухоморы еще не отцепились. Семейная пара с умилением глядела на правителя. Неправильным показалась новогодняя речь, ее, как будто проиграли задом наперед. Кажется, ребята этого не заметили, ведь они не были поклонниками лингвистики. – Моdog мывон с! – объявила огромная голова жука, насекомое моргнуло голубыми глазами. Картинка сменилась, теперь мы могли наблюдать зимний вечерний двор. – Вы наблюдаете? – спросил я у супружеской пары. Послышалось гнетущее молчание. Вместо живых людей справа и слева сидели манекены в одеждах моих знакомых. Ах, этот дворик, это же мой дворик из детства.

Сюжет в телевизоре был про ночь с девяносто девятого на двухтысячный год в городе Ангарске. Там даже присутствовал маленький я в сером зимнем комбинезоне, купленном в комиссионном магазине, на ногах были валенки. У проржавевшей Волги без колес вернувшийся с войны сосед пытался засунуть бенгальский огонь в жопу Павлику. Мальчик кричал, пугал ветерана местью со стороны брата, но это звучало неубедительно, еще бы пугал местью по линии партии. Сосед в зеленом бушлате, серой шапочке,

казалось, ничего не видел вокруг своими воспаленными красными глазами. Мужчина упорно пытался стянуть с моего дружка такой же комбинезон, купленный в комиссионном магазине. Однако там было хитрое крепление, и ему никак не удавалось лишить Павлика чести. Телевизор этого не показал, но я вспомнил, отчего возникла данная ситуация. Мы выстрелили петардой «убийца две тысячи» в сторону возвращающегося из магазина соседа. Пакет с бутылками упал, все там разбилось. Я маленький обратился к ветерану: вытащите, пожалуйста, бенгальский огонь из жопы Павлика, за это вот мои валенки вам, они очень, очень теплые. Сосед прекратил экзекуцию, поставил на место товарища, а потом расплакался, и сказал, что ему привиделись какие-то моджахеды. Экран телевизора явил куранты.

Валера, ставший обратно человеком, накричал на мое чуть заостренное ухо, пока стрелки часов тикали к двенадцати: ты чего уснул? Лера не манекен, улыбаясь, пялилась в мерцающий экран, в поднятой руке она держала бокал с шампанским. Ее супруг зажег бенгальский огонь, тот искрил, искрил, фонтанировал. Пробило полночь, за окном обрушилась добрая половина города, злая не пострадала. От чудовищно громких «ура» бокал в руке девушки лопнул. Но она, кажется, этого не заметила, слишком была увлечена празднованием. А я вспомнил, что через два года после ночи с девяносто девятого на двухтысячный сосед, вернувшийся с войны, взорвал подъезд. В тот день он вставил окровавленные тампоны своей жены себе в рот, пугал нас вампирскими штучками, а потом несильно подорвал, никто, кажется, не пострадал. А Павлика на утренник, помнится, нарядили Ельциным, то есть обошлись простым костюмом-тройкой. А меня никак не нарядили, я с ангиной валялся дома, как забытый всеми плюшевый медведь в кладовке. Елку в гостях у семейной пары так и не нарядили, все равно будет стоять до лета, успеется: подумал я перед тем, как уснуть.

Глава 8

Алтуфьевская Нарния

Пробуждение первого января сопровождалось тяжестью в солнечном сплетении. Лежа с закрытыми глазами на ком-то мягком и живом, я логически вывел у себя в голове, что все хорошее в жизни, как правило, связано с детством и находится в солнечном сплетении. Именно поэтому в армии стараются пробить в душу, чтобы порушить твою детскость. Чтобы ты сам впоследствии выстрадался в такого бездушного мужчину, которому чужда сентиментальность. С другой стороны, рассуждал я, а лежащий подо мной человек издал недовольный стон, с другой стороны, не у каждого выдалось счастливое детство. Однако детская психика, она подвижна. Субъект подо мной болезненно прошептал: воды, дайте воды. Однако детская психика, она подвижна, и многим вещам находятся вполне логичные объяснения, которые невинны, и в определенной степени даже забавны. К примеру, это всего лишь воронки от прививок, а не ожоги от родительских сигаретных окурков. Или, к примеру, энурезу поспособствовали клипы Мерлина Мэнсона, а не окунание в ледяную воду за двойку по русскому языку. Бедные ребятишки с посттравматическим синдромом, вернувшиеся с психических войн. Мне стало невыносимо грустно, поэтому я открыл глаза, чтобы встретиться с тем прекрасным, что подготовил новый день.

И увидел огромную бугристую голову, лицо с маленькими маслянистыми глазами, вздернутым носиком. Любой другой человек, проснувшись на этом Весельчаке У, тот час растратил бы последние капли детства, но только не я. Мужчина, не моргая, следил, как может следить пес за коровьими потрохами в руке хозяина. Так мы и лежали с ним друг на дружке, толстый, словно роман Война и мир, живот гражданина не давал соприкоснуться нашим лицам. Лицам старшего возраста, которым обычно рекомендуется сидеть дома, когда дело касается массовых мероприятий, конфликтов, мертвых

проституток. Собрал волю в кулак, воля потекла сквозь пальцы, слишком сильно сжал кулак, бывает. Скатился с живота гражданина, как скатился бы в своем творчестве Вуди Аллен, если бы не взялся за голову. Оказался на черной, как усы Гитлера, мягкой, как свежий хлеб, земле, пахнувшей какими-то корнями, влагой. На грузном пассажире, а называть людей пассажирами, ведь в некоторой степени мы все пассажиры этой планеты, называть людей пассажирами с недавнего времени вошло в привычку. На пассажире был латексный темно-синий костюм, который обтягивал огромное пузо, напоминающее арбуз Каролину.

Мы валялись с Весельчаком на каких-то грядках, вдалеке улиткой тащился трактор. Дым из печных труб на крышах маленьких пряничных домиков коптил небо. Странное сравнение, не правда ли? Например, в странах вроде Голландии пряничные домики вполне уместно смотрятся на фоне фабрики по производству шоколада. Наши же домики были скорее не пряничными, они могли бы строиться из хлебного мякиша. И получилось бы так же изящно, как, скажем, порой получают шахматы и четки из хлеба. Мирное небо над нашими головами было так высоко, что даже закружилась голова. Незнакомый толстяк на удивление резво поднялся на ноги. Он нелепо засеменил в сторону домиков, даже не поздоровался. Я ему кричал: эй, подожди, где это мы? А он даже не поздоровался, был слеп, глух и нем, как полнейший идиот. Солнце нещадно поджаривало мозги, которые были совсем не яичницей, пот застилал глаза, отчаянно чесался хвост и шерсть на спине. Тучный мужчина простил след, простил Алису, укравшую миелофон, простил всех. Я доковылял до ближайшей избушки, обессиленный, прислонился лбом к шершавой калитке. Во дворе зарычала собака. Но это была не собака, я встал на цыпочки, увидел огромную улитку, которая настороженно следила за мной своими глазами-рожками.

Набравшись у хулиганов из школы наглости, я зашел во двор, а потом и в домик. Обстановка внутри была соответствующая произведениям в мировой культуре про деревню. В красном углу иконы, в печке трещат дрова, ловушки для мух, в количестве двух штук, качаются под потолком. За столом сидел тот самый субъект с узкими глазами. Вместо костюма-тройки на нем был длинный шелковый халат, расшитый золотыми финтифлюшками. Он отхлебнул из пиалы, произнес такую вещь: мы, кажется, так и не познакомились. Я спросил: что, собственно говоря, происходит? Мужчина рассмеялся: что происходит, что происходит, твой дружок-пирожок вырастил плесень, вот что происходит! – А вы кто такие? – я продолжал задавать вопросы, как ученик ПТУ, которому больше всех надо. Азиат помедлил с ответом, он рассматривал меня, словно решал, пойму ли я. Наконец субъект произнес: а я агент спорыньи. Ответ явно меня не порадовал, я присел на грубо сколоченную табуретку возле порога, спросил: а почему вы такой? Мужчина ответил: а я никакой, это ты меня таким видишь. Трактор за окном остановился. Огромные, словно токийские небоскребы, ноги в спортивных синих трико подошли к маленькому трактору. Рядом с местом, где стояло транспортное средство, вонзилась лопата-великан. Ступня в зеленой калоше надавила, лопата вскопала кубометры земли вместе с трактором.

Агент спорыньи покашлял, предложил выпить чай из второй пиалы на столе. – Нет уж, последний раз, когда пил чай, все окончилось полной дурью! – отказался от употребления неизвестных жидкостей я. – И куда теперь? – задал волнующий вопрос. Субъект покачал головой: а куда захочешь, это же твой бред! Ну, если куда захочешь, тогда ладно, подумал Токарев. И оказался на Черном море в августе. По каменистому пляжу разгуливал торговец горячей кукурузой, катил позади себя тележку. – Горячая кукуруза, горячая кукуруза! – вопил он, как срезанный полковник в рассказе Шукшина. Острые камушки кололи поясницу, рядом загорали дамы. Голый мальчик лет шестидесяти мочился из своего краника в море. На мне был закрытый фиолетовый купальный костюм. Закрытый, как военный город. Влага на коже блестела. – Света, жри медузу, Света! – прокричала барышня, покрытая таким черным загаром, что это даже не было похоже на загар, а было похоже на чайку, которую окунули в нефтяную лужу. С клюва барышни

капали шарики пота, попадая на камушки, шипели. Света, девчушка, облепленная соплями-медузами с головы до ног, подбежала к барышне. Сквозь толщу тел морских гадов проглядывался беззубый ротик, который силился что-то сказать. Но вместо букв и предложений слышались только бульканья.

На мое плечо легла широкая, словно река Обь, рука. Руку покрывал шерстяной ковер, в ковре копошились пылевые клещи. И вот я уже среди ужасающих неровных картофелин с тонкими ножками. Стою в кратере на коже, держась за стебелек рыжевато-го волоса. Клещи напозают со всех сторон, полагаю, попал впросак, у меня же аллергия на все, я же аллергик, так сказать. В пять лет даже врач весьма удивился, когда имеющиеся в наличии аллергены показали положительную реакцию. В пять лет я чуть не захлебнулся в собственных выделениях, вызвали даже сантехника, чтобы он разобрался, он и разобрался, подкрутил, где надо. Глаз у клещей не было, но клещи как будто чувствовали мое местоположение и так. Как будто клещи были прозорливыми женами, способными прочесть мысли мужей, которые собрались в пивную. И вот они ползли, нагоняя страх на меня. Однако я вышел сухим из ситуации, вычихнул сам себя обратно на пляж. Взглянул на руку, поднялся до локтя, увидел выцветшую татуировку Крым 1980. Долго не решался взглянуть на лицо, как бы чего не вышло, как бы чего не вышло. Загалдели чайки. Девочка с медузами так и стояла, пытаюсь объяснить барышне, что выход из постмодерна невозможен, так как упадок это единственная концепция, созвучная нашему времени.

И как бы ни было трудно, но я посмотрел на лицо владельца руки, преодолев стеснение. Мужчина пятидесяти лет, с длинным, словно произведение «В поисках утраченного времени», носом, из которого торчали, как мы когда-то на поэзии Агнии Барто, из носа мужчины торчали волосы. Он ехидно улыбался, золотой зуб в верхнем ряду блестел на солнце. Я опустил взгляд ниже, обнаружил круглый живот с русалкой на этом самом животе. В правой руке она держала кружку с пивом, левой придерживала обнаженную грудь. Я перевел взгляд обратно на лицо пассажира, он улыбался еще шире, показав второй золотой зуб в нижнем ряду. – А пойдем в баню, девочек еще возьмем! – предложил отдыхающий. – Зачем? – удивленно спросил я. – А чтобы помыться, очиститься душой и телом! – не растерялся мужик. Свете удалось, наконец, отлепить медузу от лица, барышня, измазанная нефтью, воскликнула: фи, почему ты у меня получилась такая страшненькая! Девочка размахнулась, засандалила медузой в лицо матери. Чумакая женщина пронзительно закричала, потом ее вырвало на каменистый берег. Десятки чаек слетелись на кремовую кашу, возбужденные, они принялись трапезничать. Я посмотрел еще раз на мужчину, сказал ему: ну, пошли.

И мы очутились в общественной бане, стоило только моргнуть глазами, очутились, не сомневайтесь. Вместо девочек нас окружали мужчины в синеве, одежду им заменяли вафельные желтые полотенца. На спинах, руках кресты, купола, звездочки, коты, слоны, розочки, кинжалы. Я рисовал в детстве похожие вещи, только цветными фломастерами, это относится к тому периоду моей жизни, когда бабушка любила повторять: давай отморозь уши назло бабушке. А потом она надевала на меня три пары шерстяных колготок, брючки, два свитера, шубку, и катила получившийся шар, словно жук-навозник, в детский сад. Новый знакомый уже с кем-то обнимался, стучаясь животами, как будто яйцами на праздник. В большом светлом помещении мужчины поливали друг друга водой из алюминиевых тазиков, при этом издавали такие звуки: ой, а, хорошо, у! Из парилки выходили все новые и новые товарищи, их кожа напоминала каляки-маляки. Прислонившись к холодной стене, на которой была мозаика в виде красной птицы, я стоял и не знал, что делать. Лоснящиеся тела вызвали оторопь, чтобы дойти до парилки, предстояло с кем-то из них обняться. Пахло сушеной рыбой, пахло свежим веником, травами, человеческим потом. Да, чтобы дойти до парилки, предстояло с кем-то из них обняться, ажиотаж в бане, наверное, был связан с выходным днем.

Первый же шаг оказался ложным, я наступил на салатную мочалку. Мочалка была намыленная, кафель был и без того скользким. В данный момент на запрос «скользкий» в

компьютере появились только статьи, к примеру, «пять признаков скользкого мужчины», «пройдите тест, скользкий ли вы муж». Поэтому на что походил пол в своей скользкости, я не в силах озвучить. Мочалка напоминала женщину, которая вышла из-под контроля, перестала быть удобной для мужа, начальника, детей. Такая женщина, взбаламутившая бытовую зазеленевшую речку с лягушками, недаром эта мочалка была салатовой. И вот я скользил, как мысль одаренного математика из третьего В класса по двойному листочку. Пока не врезался в необъятное туловище. У туловища, казалось, не было головы, вот я сижу на полу, а перед лицом волосатые ноги буквой икс, живот с глубоким круглым пупком, с косым зарубцевавшимся шрамом. Субъект хватает меня за купальный костюм, поднимает, точно сына, который лихо отпраздновал выпускной, и теперь его надобно поднять и пожурить. Мужчина поинтересовался на удивление высоким, почти женским голосом: ну, видал или нет, как трахаются в мае жуки? Наш диалог, но пока еще монолог, я, как помните, ничего не ответил, как будто продолжился. То есть как будто он когда-то начался, а сейчас продолжается с того же места, где прервался. Я сказал собеседнику: насчет жуков не подскажу, не подскажу. Маленький рот скривился, прищуренные черные глазки, мне кажется, выражали скрытую агрессию. По коротким, точно песня группы Смерть от напалма под названием «твое терпение», волосам, перебирая лапками, карабкалась муха. Незнакомец шмыгнул картофельным носом, носом-баклажаном, нет, все-таки носом-картофелиной. Потянулся своей пятерней, этими пальцами-сосисками к моему лицу, схватил. От руки пахло чипсами, вкус был невразумительный. Мужчина трепал, трепал, при этом ничего не говорил, безмолвствовал. Долго вы будете безмолвствовать, вы что, идиот? Пытался проговорить я, однако вместо словечек выходило мычание. Что это за абсурд, где меня могут поколотить, неправильный абсурд получается. Чудак-человек стал увлекать меня куда-то, приговаривая: сейчас, милоч, я тебе покажу баньку, подожди. Показать гражданин ничего не успел, пятерня отлипла от моего лица. Мужчина поскользнулся, полетел вместо Гагарина, приземлился в место, где стояли пивные бутылки. Стеклянная тара побилась. Послышались возмущенные возгласы. Мужики стали подходить к нам, обидчика, поднявшегося на ноги, вновь на пол приземлили. Кажется, намечался джихад в связи с пролитым пивом. Мне же не оставалось ничего другого, кроме как похлопать невинно глазами.

Следующий бред не заставил себя долго ждать, ведь он был не прекрасным далеко. Картинка сменилась, я увидел девушку в белом халате, с желтоватыми короткими волосами, она строго произнесла, зубки у нее были маленькие, голубоватые: кого ждем, тебе особое приглашение нужно, я могу и повторить! В помещении, куда Токарева перебросило, было прохладно. На длинных коричневых скамейках валялась одежда: трусы всевозможных расцветок, серые кальсоны, майки. На пожилом линолеуме, с дырочкой в правом боку, образуя живой организм, ползали черные носки, две пары, десять, сто. Данные носки казались домашним питомцем, который ждет хозяина с работы, слоняется по квартире, скушает. Лампы в плафонах жаловались на обстановку, кряхтели, электричество подавалось порциями. У девушки были расстегнуты верхние пуговицы на халате. В связи с этим я возбудился, стоя перед ней, всматривался в бледные груди. Конечно, двух пуговиц было недостаточно для того, чтобы, так сказать, полностью осмотреть этот двухкнопочный калькулятор. – Ты считаешь, что это нормально, я считаю, что тебе следует намылить шею! – закричала внезапно новая знакомая. Она считает, считает она, калькулятор, а не женщина, подумалось мне. В соседнем помещении бежала вода, шутили, смеялись мужские голоса. Девушка принялась забрасывать вопросами: сколько тебе лет, как фамилия, снимай трусы, снимешь? – Триста двенадцать месяцев, – был мой ответ, шуточный. Про фамилию ничего не успел сказать. Почемучка округлила свой ротик, из которого стали доноситься тревожные звуки, предупреждающие о ядреной опасности.

В комнату забежали два серьезных человека в зеленых кителях, на руках у них были красные повязки дежурных. Девушка, тыкая в мою сторону пальцем, с неровным

бордовым ногтем, причитала: вот он, нарушитель, насильничает! Ребята грубо схватили меня за руки, потащили куда-то, мимо душевой. В душевой, как мы заметили, плескались бритоголовые парни, они недоуменно глядели, пока дежурные выполняли свой нелепый долг перед желтоволосой девушкой. Глаза призывников, а купались именно призывники, не сомневайтесь, были грустными. У человека, державшего мою правую руку, развязался шнурок на кроссовке, поэтому он остановился, предупредил: я сейчас тебя отпущу, без глупостей. Его коллега подтвердил, больно сжав мой локоть: без глупостей. Человек завязывал бело-синий кроссовок, призывники молча смотрели на нас, голенькие, в пене. Я подумал, что самому старшему из них месяцев двести сорок, какие же молодые, рассеянные. Все мы такие сейчас, товарищи по рассеянию. Почему-то живем, к подвигам не стремимся. А ведь как оно было? Реактор тушили, на танк с лопатой прыгали. Все потому, что жили себе, жили, не думали о том, что какие-то уникальные, обыкновенные ребята, коих целая страна. А потом случай, от которого все зависит, представляется, ты – раз, подвиг совершаешь. И перестаешь быть обыкновенным, наполняешь свою жизнь чем-то, не знаю, смыслом, не смыслом. В общем, жертвуешь собой во благо чего-то великого, много большего, чем ты сам. Человек завязал кроссовок. Меня поволокли дальше, такого не помывшегося, потного всего. Когда же, наконец, будет возможность помыться, что за абсурд, где нельзя даже помыться.

Очутившись в темном коридоре, провожатые неотвратно провожали меня на гауптвахту. Пол скрипел, шестиногое существо ковыляло вдоль плакатов гражданской обороны. Однако это могли быть и не плакаты гражданской обороны вовсе, в коридоре были сумерки. Лишь одинокая, словно некрасивая девочка на сельской дискотеке, настольная лампа светила где-то там в дали. За столиком сидел лопоухий сержант, почему же он был сержантом, отчего не лейтенантом, полковником. Все очень просто, один из державших меня обратился к нему: товарищ старший сержант, вот поймали нарушителя. Я гляжу на этого сержанта, а вместо лица у него маска из папье-маше. Локомотивы черных букв тянутся через весь лоб, нос. Мужчина, как будто сотканный из немолодых, повечеревших газет, лишь контуры человека, да желтые чайки на погонах, палка, палка, огуречик. Дежурные вообще, про дежурных даже и говорить не хочется. Я посмотрел на них, сначала на того, что слева, потом на того, что справа. А вместо взрослых людей уже дети груднички, лежат во взрослой одежде, плачут, мамок зовут. Повязки рядом красные, как червячки уползли, уползли куда-то во тьму. И я решил, что пора сматываться, пора говорить во всеуслышание, чтобы обозначить свое настроение: прощай, оружие, здравствуйте, игрушки.

Коридор афроамериканец пожелтел, как будто в мои глаза, в левый и в правый, прилетело по желтку. Суставы начало крутить, но мои суставы не были мокрым бельем, поэтому я начал возмущаться, но возмущаться всю жизнь было глупо. Припекало солнышко, щебетали птички. Где-то бежала река. А я сидел на зеленой траве под окном деревенского домика. Далеко на поле паслись божьи коровки. Их красные спинки в крапинку виднелись с трудом, приходилось прищуриваться, зрение было неважным. В окне женщина уговаривала мальчонку скушать суп. По телевизору шла передача «битва цивилизаций с Игорем Прокопенко». Женщина говорила: вот съешь ложечку, будешь таким же сильным, как Игорь Прокопенко, сможешь тоже бороться с цивилизациями. Отрок, должно быть, ей поверил, отложил в сторону ложку, стал пить супчик через край. Низко пролетел самолет, я отвлекся на него, наверное, то был кукурузник, ведь с неба посыпались зубчики кукурузы. Где-то журчала река, и мое грязное тело нуждалось в омовении. Где-то журчала вода, так называемый водород с кислородом. Мимо колосков пшеницы, мимо рыжей колонки, мимо рощицы, где кукушка произносила ку-ку. Я шел туда, где буль-буль. На мне был фиолетовый купальный костюм, на ногах шлепанцы. И я шлепал в сторону речки по следу гигантской улитки. Или же мне только казалось, что улитка когда-нибудь существовала?

На берегу, на песочке была разбита, словно китайская ваза из Италии, палатка. Речушка шириной напоминала, что же она могла напоминать? Маленький, в общем, водоем, над которым роилась мошкара. Рыбки выпрыгивали из штанов, ныряли обратно. Двое мужчин играли в шахматы. На мужчинах плавки, у одного темно-синие, у другого светло-синие. Я подошел к ним, они сидят, играют в шахматы за складным столиком. Один вышагивает слоном, его оппонент отвечает: выкидывает из веера карт даму, прямо на шахматную доску. Первый хмурится, чешет лысую голову, потом отвечает: рыба. Второй чешет свою не менее лысую голову, спрашивает: где рыба? Я смотрю на игроков и понимаю, что игроки-то безволосые, ни бровей, ни усов, ни бород, ноги гладкие. Мужчины глядят на меня, один говорит: тебе, мальчик, чего? Зашелестели кроны деревьев, чешская валюта. Я сказал: мне бы искупаться, а там посмотрим. Другой мужчина предостерег: а ты не купайся здесь, тут речка радиоактивная, видишь, какие мы голые. И засмеялись они, противно так, точно две бабы яги костяные ноги. Костяная нога, зачем ей она? Это потому, что человеческой ногой бабка еще в этом мире, а второй уже в постчеловеческом – пришла нечаянная мысль. Но, несмотря на этот детский сад, я направился к воде. Рассудив, раз мы уже родились, чего нам бояться. Лодыжки обожгло холодом, стоило только войти в эту мутную лужу. Сплошной обман кругом, куда подевалась речка. Заколело в пояснице, как будто комарики вонзали свои хоботки. Зыбучий песок, ступни увязли, я потерял равновесие. Ушел с головой, в нос, в уши набились куски неправильной воды.

Спасли меня из этого щекотливого положения, такого же щекотливого, как упоминание фамилии Чикатило в присутствии впечатлительных мамочек. Спасли меня женские руки, сильные и независимые ни от каких обстоятельств. Буквально выдернули из-под толщи воды. И вот я сижу напротив женщины Алисы, с которой мы когда-то проживали в садово-дачном товариществе. В необъятной чугунной ванне, обнаженный. Помещение было утоплено в Свете, комната с большими окнами, в них забыли поставить стекло, в них забыли поставить раму. А комнату не забыли окунуть, точно пряник, в кружку со Светой. Я смотрю на женщину, а это не совсем та женщина. Будто черты разных других, воспитательницы, одноклассницы, учительницы, причудливым образом наслоились одна на другую. Алиса в пластиковом комбинезоне, как на сотрудниках биологических лабораторий, склонилась надо мной. Резиновые уточки, крикая, плавали у ног. Ноги, почерневшие от земли, торчали наружу, пенное покрывало скрывало мой стыд и срам. Алиса говорит ласково: тебя надо помыть, а то воняет, как от скотины. И начинает намыливать, шоркать мочалкой, на которой я поскользнулся в бане.

А вокруг меня грязь, грязь кракозябрами отскабливалась с тела. Некогда-то прозрачная вода, пахнувшая знакомыми с детства, милыми сердцу желтым шампунем, хлоркой стала походить на бесформенное ничтожество. Пока женщина исполняла свои супружеские обязательства, я спросил у нее: я совсем ничтожество или только иногда? Алиса безмолвствовала, точно селедка. Желтые уточки плавали брюхами кверху, не выдержав мерзости, которая от меня исходила. За окном, лишенным стекла, дымили трубы завода. Также перед заводом, на поле расхаживали лошади. Завод специализировался на производстве яблочного повидла. Женщина окончила драить мою грудь, перешла к шее. Внезапно я ощутил бритвенный станок, приставленный к сонной артерии. Зарежешь, неужели ты меня нарежешь, подумалось мне. – Дурачок, ой, debil, это же безопасная бритва! – посмеялась она, продолжая сбрасывать сучки и задоринки на моем подбородке. Водные процедуры подходили к своему логическому завершению. Мне стало тепло на душе, прямо как в детстве, когда ты возвращаешься летом с кирпичом горячего белого хлеба из магазина. Надкусываешь его, надкусываешь, а каникулы только начались, и все так легко и непринужденно. Это потом начинаются килограммы ваты, не сейчас, не тогда.

Алиса плеснула в мои веки раскаленный свинец из эмалированного ковшика с оранжево-желтыми цветочками. Веки налились свинцом, склонность ко сну проявилась

внезапно. Я погрузился с головой в учебу, на самое дно. Поразительно чистая вода поражала, ведь мгновением ранее грязи, спавшей с меня, было в избытке. Лимонного цвета мурена, изящно дрыгая телом, пронеслась перед глазами. Ее кожа напоминала кожу корейца Виктора, у которого барахла печень. Виктор, Виктор, где ты сейчас, любитель острой моркови. Парадоксальность водного мира обескураживала. Тут и там плавали медузы, черепахи, мужчины из бани, призывники. Бурые водоросли, морской мох, кистеперые рыбы цвета ночного неба, иссиня-черные с желтыми пятнами звездочками. Я погружался все ниже, и ниже. Встретились два лысых красавца, они по-прежнему играли в свои шахматы за складным столиком. Барышня с клювом, как у чайки, душила свою дочь Светочку. Пяточки соприкоснулись с белым песком. Взглянув на проделанный путь, обнаружил огромную коричневатую рыбу-удильщика. Яркий фонарь на ее голове покачивался. Освещал внезапные в своей несуразности вещи, разбросанные вокруг. Угольный старинный уют, кабина самолета, юношеский трехколесный велосипед, чьи-то пожелтевшие фотографии. Помимо вещей в белом песке я заметил резиновую пробку, какие, по обыкновению, используют, когда принимают ванны. Стоило потянуть за цепочку, пробка вышла со свистом, мое окружение с пугающей быстротой начало затягивать в обнажившееся отверстие. И я вместе со всеми, чтобы не отставать от коллектива.

Глава 9

Седьмая печаль

Выкорчевали меня из квартиры знакомых, как своего рода молочный зуб. А кто выкорчевал, я так и не понял. Оказавшись на скамейке в парке по окончании уроков сюрреализма, предположил, что скоро закончатся каникулы и придется возвращаться на работу. Вокруг лежал пушистый снег, в пушистом снегу встречались куски пушистого хлеба. Зеленые пятна на хлебе напоминали йод. Голуби ворковали, клевали, не прекращали клевать. Прохожих вокруг было раз-два и обчелся. У аптеки дежурили мужики в аляповатых пальто, с бородами. Фунфырики, содержимое которых они бережно переливали в бутылки из-под минералки, отражали утренние солнечные лучи. Одежда на мне была зимняя, то есть не получилось так, что вышел от знакомых в беспамятстве, а вернулся в уме. Попробовал вернуться раза два обратно к Валере и Лере. Но каждая попытка подойти к дому оканчивалась вспышкой белого света, скамейкой.

Порядком устал это делать, ходить как лошадка на шахматной доске. Мужики у аптеки совещались. Хрумкая снегом, побрел к ним. Они посмотрели на меня, покачали своими косматыми головами. Тот, что в сером пальто и свитере с оленями, сощурился, сказал: а мы тут празднуем завершение Светы. Я спросил: что, конец света? Он ответил: его самого. Потом хлебнул из бутылки амброзии. Его товарищ, похожий на поэта Бориса Усова, показал на небо со словами: вон висит, думаю, все уже заметили. Высоко в небе, поверх голубоватых облаков виднелись белые печатные буквы. Заглавная, крупная П, помельче И, следующая З как змея, далее Д, меньше чем Д буква Е, а завершалось слово небольшой Ц. – Ого, – произнес я, протянул руку за бутылкой, поэт поделился своей. Сделав глоток, закашлялся, стало приятно. Для кого-то свободы вкус это пепси, а для меня, пожалуй, коктейль, который был у ребят. Кивнул им головой на прощание, отправился к себе домой, тем более не представлял, что можно еще тут ловить.

Метро было закрыто по техническим причинам. Табличка на входе сообщала о том, что поезда ушли на обеденный перерыв, вернуться в течение часа. Я побрел домой пешим способом. Дома ждала мама, ждал ее оливье. По шоссе почти не ходили машины. Надпись на небе как будто бы приближалась, плыли облака, и буквы вместе с ними плыли. Быстро вспотел, обливался солоноватым потом, вязкие сугробы, как вязки в диспансере, мешали движению. Показалась автомобильная заправка, решил купить водички, других магазинов

вокруг не наблюдалось. Кассирша за стойкой смотрела видео в телефоне. Я попросил продать газированную, но без газа. Блондинка сказала: хорошо, в газированной воде как раз газ весь вышел, она же прошлогодняя. Зашел раскрасневшийся мужчина с широкими зрачками, протянул девушке металлическую зажигалку, попросил залить полный бак. Кассирша удовлетворила его запрос, достав из-под прилавка заправочную станцию в миниатюре. Пистолет-лилипут смочил бензином ватку, на зажигалке была гравировка с лицом Хантера Томпсона.

Смеркалось, но хливые шорьки не пырялись. Зато кололо в брюшной полости, поэтому было принято решение перевести дух на английский. Возле своего дома остановился с этой целью, но лавочки были заняты, на них посапывали граждане, уставшие праздновать Новый год. Мама выглянула в окно, с двадцать первого этажа накричала: где ты шляешься, что у тебя с телефоном, все нервы вымотал! Однако при личной встрече она не была такой словоохотливой. Лезла обниматься, я не сопротивлялся. Поужинали оливье, курицей, картошкой в мундирах. Один картофельный генерал даже выразил свое уважение, был мягок и обходителен. – У тебя глаза красные, ты там алкоголь, наверно, пил? – спросила рожавшая меня женщина, которая сидела напротив, поедая мороженое с карамелью. Я ответил ей: может быть. Зазвонил телефон, звонила девушка. Я расспросил ее про то, кто говорит. Она ответила: это Арина, помнишь, на книжной ярмарке встретились, я принимала одежду в гардеробе? Помню, помню, действительно, такое событие имело место быть на ярмарке. Мы договорились встретиться на следующий день, сходить куда-нибудь. Куда-нибудь сходить вдвоем это мило, куда-нибудь сходить полезно для поддержания хорошего настроения.

На следующий день я побрился синим пластиковым станком, принял душ. Готовился, как будто к экзамену по сопромату, ответственно. Одеколон с названием «конструктор красного цвета», попав на шею, которую я только что брил, раздражил кожу. Запах от меня исходил теперь яблочно-земляничный. Долго выбирал рубашку, хотелось нарядную, но в то же самое время не очень-то и показывать, что нарядился специально к свиданию. В итоге выбрал тельняшку и бордовый джемпер. Отчим еще вручил свои наручные часы с якорем на циферблате, заверил, что мужчина с часами выигрывает у мужчины без часов. Выйдя на улицу, посмотрел на природный потолок. Там слово изменило цвет, черные буквы стали прописными, как в тетрадках маленьких людей на уроке чистописания, а в конце появился восклицательный знак. На помойке десяток бродячих собак терзали огромную коровью ногу. Вспомнилось одно свидание, там, в комнате у девушки, было много чучел животных. Она сразу призналась, что занималась таксидермией бесхозных собак и кошечек после того, как собственноручно ловила их, а потом умертвляла. Не хотелось бы в этот раз с Ариной столкнуться с подобной жестокостью. Психопаток в наше время хватает.

Во всяком случае, впечатление Арина производила благоприятное. Мы встретились у памятника Дзержинскому, я подарил полкило конфет грильяж. На девушке была шубка цвета коровьей кожи, армейские высокие ботинки, темная беретка. Арина напоминала члена группы Черные пантеры. Но глаза у нее лучились добротой, поэтому в Черных пантер я не поверил. Мы обнялись, как два фронтовых товарища, она предложила пойти на ретроспективу Бергмана. – А что за фильм показывают? – поинтересовался. Девушка ответила, пританцовывая от холода, около памятника Дзержинскому всегда дубак: Седьмая печать. – Ну, если Седьмая печаль, тогда да! – передразнил ее, почувствовав, что контакт удался. Есть контакт, как говорил в Чечне снайпер, высмотревший в оптику противника. Маленький кинотеатр открывался поздно, но еще до передачи Владимира Познера. Предложил девушке зайти в кафе и похлебать кофе: давай я угощу кофе, согреешься заодно. – Ой, давай, ты тоже согреешься, – проявила заботу гардеробщица.

После двух чашек крепкого, словно зависимость от антидепрессантов, капучино, моя спутница рассказала одну любопытную историю. В кофейне мигали голубые гирлянды, мальчики и девочки пришли на свидания, употребляли пирожные, хихикали.

Под шубкой у Арины был мятный сарафан с белым воротником. Рыжие волосы она собрала в пучок укропа и лука. Девушка радостно произнесла: ты даже себе не представляешь, что произошло на прошлой неделе! – Не представляю, что там произошло даже, – честно сказал я. Пенка на губах гардеробщицы рифмовалась с эпилептической вечеринкой, которую я наблюдал в детской больнице, когда там включили стробоскоп. – На прошлой неделе мне пришло письмо, написанное от руки, весьма старомодно, стоит заметить, написано было печатными буквами, как будто ребенок писал! – спутница рассказывала, при этом водила своим розовым язычком по губам, слизывая пенку. Она рассказала, что писал некий Виталик, писал про мультфильм Утиные истории, про свою гимназию, про ангину. Мальчик интересовался, в каком классе учится Арина, спрашивал про мультфильм Утиные истории, про ее гимназию. – И начала я думать, где он взял мой адрес, как будто письмо из прошлого, блин! – эмоционально повышала голос Арина. Посетители кафе на нас посматривали с интересом. Спутница поведала: а потом я вспомнила, что лет двадцать назад писала в детский журнал, наверное, ты помнишь, были всякие, где подаешь объявление, что ищешь друзей, а тебе отвечают.

Началась вьюга, ветер усилился, усилился. Памятник за окном, ларьки, кинотеатр стали невидны, рой белых мух скрывал. Сквозь помехи в кафе зазвучал мужской голос: «...родился на улице Герцена, в гастрономе № 22. Известный экономист, по призванию своему – библиотечарь. В народе – колхозник. В магазине – продавец. В экономике, так сказать, необходим. Это, так сказать, система... эээ... в составе 120 единиц. Фотографируете Мурманский полуостров и получаете телефон. И бухгалтер работает по другой линии – по линии библиотечаря. Потому что не воздух будет, академик будет! Ну, вот можно сфотографировать Мурманский полуостров. Можно стать воздушным асом. Можно стать воздушной планетой. И будешь уверен, что эту планету примут по учебнику. Значит, на пользу физики пойдет одна планета. Величина, оторванная в область дипломатии, дает свои колебания на всю дипломатию. А Илья Муромец дает колебания только на семью, на свою. Спичка в библиотеке работает. В кинохронику ходят и зажигают в кинохронике большой лист. В библиотеке маленький лист разжигают. Огонь... эээ... будет вырабатываться гораздо легче, чем учебник крепкий. А крепкий учебник будет весомее, чем гастроним на улице Герцена. А на улице Герцена будет расщепленный учебник. Тогда учебник будет проходить через улицу Герцена, через гастроним № 22, и замещаться там по формуле экономического единства. Вот в магазине 22 она может расщепиться, экономика! На экономистов, на диспетчеров, на продавцов, на культуру торговли...»

Арина перебила шизофазический монолог своим монологом: и что ты думаешь, в письме был адрес, я позвонила туда! Я перебил ее монолог своим вопросом: ты не слышала сейчас что-то странное? Девушка, видно, не слышала ничего странного, продолжила рассказывать свою замечательную историю: на письме значился проживающий в квартире Виталий Юрьевич, я позвонила, спрашиваю про сына Виталия Юрьевича, может, сын его написал, нашел где-то тот старый журнал и написал. Я заметил, что в кафе остались лишь мы вдвоем, даже официанты куда-то запропастились. Нога под столом самопроизвольно начала дергаться, мышцы задрожали, испугавшись, как перед соседским котом-каннибалом. Арина продолжила: он говорит, что у него нет сына, голос был такой, как у психически больного человека, ему пятьдесят лет, прикинь, он спросил, кому он написал, мальчику или девочке. К витрине с пирожными подошел официант, официально предупредил: молодые люди, мы закрываемся, просьба уходить отсюда.

Морозный воздух на улице, казалось, его постирали порошком с мятными добавками. В ноздрах защипало, на глазах выступили слезы. Девушка вцепилась в мою руку, не отпускала, держала так, как может держать очень неуверенная в себе женщина единственного сынка. Никуда не спеша, словно Дублинцы Джойса, мы шли в сторону кинотеатра. Арина молчала. Я хотел как-то пошутить, но все шутки были прямоком из тысяча девятьсот девяносто шестого года. Обратил внимание на небо, покрутил головой в

поисках слова. Оно все так же висело, буквы светились зеленовато фосфором. Спутница посмотрела туда же, усмехнулась: так это давно уже, какой ты невнимательный. В кинотеатре Арина купила билеты, она смешно выказывала обиду, надувала губки, говорила: я тебя позвала, поэтому я покупаю билеты, ты меня обижаешь! На нас глядел кассир в синем спортивном костюме, очках в черной оправе, что-то записывал в блокнот.

В зрительном зале царил полумрак. Возможно, парочки, которые были в кафе, переместились сюда. Мы с Ариной уселись на пятом ряду из пятнадцати возможных. Она рассказала еще одну замечательную историю. – Хочешь еще одну замечательную историю, однажды я работала в детском саду, – зашептала девушка, придвинув свое лицо к моему лицу. Ее теплое дыхание щекотало щеку, но щека не смеялась. Молодые люди все поголовно целовались. Я подумал, что с Ариной мы тоже можем поцеловаться, но когда начнется фильм, не надо торопить события. Спутница, продолжая волновать мое юношеское сердечко, рассказывала: и к нам в группу как-то пришел мужчина пятидесяти лет, привел другого мужчину, лет двадцати, сказал, что хочет сделать возврат, мол, в двухтысячном году, когда забирал, не ожидал, что вырастет именно такой мальчик. – И что, ему поменяли? – спросил я. Девушка ответила: да, Анжела объявила громко, девочки, у нас возврат, ему обменяли. На экране начались вступительные титры. Нам показали серое-серое небо, птицу, пляж. Мужской голос заверил, что то был день гнева. Особо впечатлительная мадемуазель перед нами вскрикнула, уткнулась в плечо своего ухажера. Арина положила чью-то ладошку на мою коленку. Отчего-то мне показалось, что ладошка не принадлежит девушке. На ощупь ладошка была мягкой, влажной. Рыцарь на экране играл в шахматы с той, чье имя не принято называть таким хроническим ипохондрикам, как я. Арина решилась на долгий поцелуй, закончившийся лишь на финальных титрах. Вместо традиционного слова конец присутствующие в зале могли наблюдать слово, которое матерное.

Вечер располагал к тому, чтобы уединиться. Помчались, как зайчики в трамвайчике, но не в трамвайчике, а на троллейбусе в гости к девушке. Она жила с матерью в районе Красных партизан, а в том районе участились случаи краж органов. Никто не мог понять, ни следователи, ни детективы, кто ворует у граждан их органы. Поэтому с наступлением сумерек местные жители старались не казать носа на улицу. За окном кружились снежинки, подмигивали фонари под глазами припозднившихся мужчинок. Томный вечер обещал стать томатным вечером, таким же бордовым и густым. Я поздно спохватился, ощутил панику, ведь поехать с незнакомой девушкой в место, где тебя могут поделить на ноль, мероприятие волнительное. Арина как будто прочитала мои мысли, поцеловала, сказала, что нет поводов для переживаний, если что, останешься на ночь. Троллейбус на чем-то подскочил, в салоне отключилось освещение. Водитель грустно заметил: кажется, усик соскочил. Пассажиры высыпались, словно малосольные овощи на январский морозец. Огромный усик троллейбуса дергался на проезжей части, разбрасывал искры.

– Мама может показаться странной, но ты ее не бойся, просто у нее характер широкий! – говорила Арина, пока шли вдоль крематория. Пахло мандаринами, я спросил у девушки: широкая, как кость? Она посмеялась, ответила, что да, как кость, только характер. Полнолуние отражалось в застывших лужах. За рекой виднелись приземистые домики. Спутница сказала: мы сейчас напрямик пойдем, лед крепкий, как череп боксера, нам надо к тем усадьбам. Я спросил: настоящим усадьбам? Девушка подтвердила: да, у нас пять комнат, целый этаж, это поселок, знаешь же поселок для писателей, а это поселок для художников. – Твоя мама художница? – брякнул я, поскользнувшись на реке. – Аккуратней, тут по ночам слышно русалок, нельзя оставаться на месте, мама художница, да. Лед под ногами вибрировал, может, это пели русалки, может, рядом находился завод, кто разберет. Усадьбы были похожими друг на друга, как фантастическая проза про попаданцев одного автора на другого. Входная тяжелая дверь, с резным орнаментом, открывалась металлическим ключом, как в сказке Буратино. – Это что за узор? –

поинтересовался. Арина, вся такая умненькая, поведала: это кельтский, у нас мужчина на первом этаже краснодеревщик, его работы выставляли даже во Франции. Мы зашли в подъезд, там пахло чем-то съестным, вместо обычной лампочки Ильича под потолком висел кованый фонарь. Широкая скрипучая лестница, стены лимонного цвета, черный кот на подоконнике.

– Мама, а вот и мы! – крикнула прямо в лицо женщине Арина, крикнула ориентировочно матери. Женщина была тоже рыжеволоса, с морщинками в уголках глаз. Они, как я заметил, были разного цвета, один голубой, другой зеленый. Она приветливо спросила, хочется ли мне селедку под шубой. Я сказал, что можно. Квартира и вправду напоминала мастерскую, повсюду были развешаны картины с Микки-Маусом, Сталиным, Монро. Сюжеты картин сложно пересказать, пересказать подобные картины под силу лишь человеку с явным искусствоведческим отклонением. В комнатах чадил благовония, повсюду свисали ловушки для снов, колокольчики, птичьи перья. Бродя по жилищу, в рот норовила попасть разная шваль. Девушка скрылась в душевой. Я прошествовал на кухню вместе с женщиной. Там пытела настоящая печка. Стены переливались пирамидками, спиралями. Вдоль кухни висели на веревочках сушеные куриные лапки, мумифицированные ящерицы, мышки. – Зачем вам трупчики? – спросил я, зевая. Лучше бы, конечно, не зевал, в рот залетел маленький птеродактиль. На помощь подоспела мать Арины, она зашла за спину, ее нежные руки обвили меня чуть ниже груди, надавили. И пищащий недовольно динозавр летит в кастрюлю с красными маками, стоящую на печке. – Начинается утро в деревне! – говорит с явно негативной коннотацией барышня. Большим половником вылавливает из борща птеродактиля. Кидает в мусорное ведро, из которого торчит лисья морда с остекленевшими глазами.

Арина заходит на кухню, на ней голубая пижама с желтыми жирафами. Я сижу на соломенном стуле, не пойми чего вдыхаю. Супчик, мясной дух, селедка под шубой, благовония, в общем, какофония, а не симфония ароматов. Девушка целует меня в макушку, говорит, что ее маму зовут Серафима, это на случай, если я до сих пор не в курсе. Женщина спрашивает, не поворачиваясь, она кашеварит у плиты: Миш, а ты останешься сегодня на ночь? – Останусь, – отвечаю ей, хотя и понимаю, что на работу ехать из гостей будет хлопотно. Серафима, накрывая на стол, говорит: вот и славно, тогда я постелю в гостевой комнате. В салате я обнаружил мутно-желтый глаз, у глаза был вертикальный зрачок. Арина, уплетающая за обе щеки борщ, заметила это событие, воскликнула радостно: это хороший знак, не бойся! Ее матушка подтвердила: да, Миш, встретить рыбий глаз после того, как я уже все перемолола, хороший знак! Она ласково потрепала мою голову, как дамочка в возрасте треплет голову юнца на собеседовании в фирму по производству консервов.

За трапезой слышались дежурные вопросы о том, есть ли у меня сменная обувь, зубная щетка, чего я хочу достигнуть в жизни. От борща склонило на сторону зла, очевидно, в супе было много перца. Мой отчим говорит, что когда человек чихает длинной серией, как я после того борща, приготовленного Серафимой, то это сигнализирует о наличии мелких пакостных сущностей. Сущности недолгобливают перец, баньку, добрые поступки. – Ой, расчихался, давай-ка на ночь выпьешь чай с медом! – мать Арины казалась дамой заботливой. Мой отчим говорит, что я человек слабый, если мне доброе слово скажут, то все, потом как девица радуюсь. Где-то за пределами квартиры раздался истошный крик. На мой вопросительный взгляд женщина ответила восклицательным взглядом, сказала: это те самые похитители органов, поймать их никак не могут, но ты сегодня остаешься с нами, поэтому не пужайся. На кухне было душно, как при разговоре с исследователем творчества Марселя Пруста. Капельки пота, выступившие перед родителями в актовом зале, капали на стол, слава богу, не попали в тарелку с супом. Иначе сгорел бы на костре со стыда, кто бы потом тушил.

Комната для гостей соседствовала с обыкновенной Ариной комнатой. Серафима выдала безразмерную черную пижаму для сна, предупредила, чтобы с Ариной у нас

ничего не было, для внуков, как выразилась женщина, она еще недостаточно зрела. Лежал на пожилой кровати, кровать охала каждый раз, когда я ворочался, смотрел на потолок. Неуверенное освещение прикроватного светильника в форме яйца страуса позволяло различать происходящее на потолке. А на потолке росли сталагмиты мишуры, первые признаки Нового года. Шкафы недоброжелательно смотрели своими полуоткрытыми дверцами. По подоконнику гулял черный кот, вернувшийся из подъезда, он держал в пасти голову рыбы. Я прочитал ночную молитву, но этого показалось недостаточным, присутствовали невнятные переживания. Сводило ноги, как если бы мы с вами нырнули в холодную речку без разминки. Стал бубнить глупые песни, вы знаете, что в трудных ситуациях подобные хитрости помогают разгрузить перегревающийся мозг. И вот началось: запахло весной, потом: метелям отбой, теперь все вместе: начальник седой, только Камчатка: пусти нас домой! С кухни слышались звуки, упало что-то железное, включили кран, вода полилась.

Босиком по чужой квартире я шлепал куда глаза глядят. А глядели они в разные стороны, потому что закружилась голова от невыносимой легкости января. Откуда-то поддувало, слышались завывания доброго привидения Каспера. Кот мешался под ногами с рыбной головой в пасти. Туалет не был обнаружен, а посетить его хотелось, это да. Перетяся к Арине, чтобы вместе отыскать туалет, не решился. На кухне тихонечко пели, полоска света выявила морду животного, кот бодал мою ногу, кот-носорог. Заглянув на кухню, я увидел голую Серафиму, она напевала незнакомую мелодию. В кастрюле что-то бурлило, валил пар. Грудь женщины колыхалась, пока она мешала поварешкой свое варево. На бедрах были веснушки, сначала я не понял, что это веснушки, просто какие-то рыжие пятнышки, а потом я понял, что это все-таки веснушки. Распущенные рыжие волосы доходили до белого каления, настолько кудрявые, пышные волосы были длинными, горячими. Стоя у порога, я совсем позабыл про туалет, про судороги в ноге, про бессонницу.

– Ой, а ты чего не спишь, я тут компот, понимаешь ли, варю! – заметила меня Серафима, вполоборота посмотрела, прикусив губу, игривая. Я чувствовал себя школьником, которому преподавательница ставит двойку, но пока карандашом. Она так же смотрит, смотрит на тебя, играет, ждет, что ты предпримешь. Вскочишь со своего места, подбежишь к ней, сорвешь одежду, овладеешь на учительском столе или стерпишь, потупишь виновато взгляд. Крошка птеродактиль пропищал что-то ругательное, пролетая над гнездом кукушки. Серафима, видно, догадалась о моем статусе школьного лоха, поняла, решительных действий с моей стороны не дождешься. Она предложила похлебать компот: попей, уснешь как миленький, у нас в семье рецепт компота еще прабабушкин! Женщина зачерпнула половником варево, из кастрюли вылетела шаровая молния. Молочная, искрящаяся сфера устремилась в открытую форточку. Волосы на руках встали дыбом, по позвоночнику пробежал табун мурашек. Хозяйка квартиры в районе Красных партизан плеснула синевато-красный компот в пузатую кружку с маками. Усадила меня за стол, оставаясь при этом все такой же голенькой.

– Ты увлекаешься каким-нибудь спортом? – проявила нешуточный интерес женщина. Это я так говорю, что интерес нешуточный, на самом деле, казалось, мать Арины прощупывала почву своими длинными, узловатыми пальцами. А какая на ощупь почва Токарев, с кем предстоит иметь дело. А дело, доложу я вам, шло уверенной походкой человека с нервным тиком к свадьбе. Во всяком случае, ощущения сложились именно такие. Правда, непонятно было, к моей свадьбе с Ариной или Серафимой. Я проигнорировал вопрос, сидел и хлюпал компотом, во вкусе компота угадывались малина, груша, яблоко, мята. Кот ластился под столом, терся лбом, чего-то выпрашивал. Серафима, глядя своими озорными голубым и зеленым глазами, сказала: а я была чемпионкой по игре в карты Таро, даже занимала первые места в областных соревнованиях, но это было еще в школе. Попалась косточка, она проскочила в мою глотку, что-то там порезав, сделалось неприятно, но беседу я поддержал: это заметно, что

вы занимались спортом, форма не обманывает. – Ой, какой же ты льстец! – засмеялась матушка Арины, но голенькой быть не перестала.

На подоконнике стояла трехлитровая банка, в ней лежали засушенные мухи. Я допил компот и выплюнул в надувшееся, как пузырь, молчание свою речь: зачем в банке мухи? – Мухи? – женщина слезла с холодильника, на котором висели магнитики. Магнитики-ежики, магнитики-ангелочки, магнитики. Не имею ни малейшего представления, зачем Серафима туда залезла, ведь табуреток на кухне было две штуки, поэтому странный поступок, конечно. Женщина, облизав свои губы, это важное уточнение, губы облизала она не мои, сказала: мы их продаем одной любительнице насекомых. Я спросил: почему берет эта любительница? Серафима ответила: тысяча рублей за килограмм. Ого, подумал я, существенная прибавка к зарплате. – Кстати, чем вы зарабатываете себе на жизнь? – поинтересовался, разжевывая похожий на грушу плод, а по вкусу напоминающий яблочко. Хозяйка квартиры не удовлетворила моего любопытства. Если бы она все-таки удовлетворила его, то тогда, конечно, больше вопросов я не имел бы. Помыл бы кружку из-под компота, отправился спать. Однако женщина сидела на подоконнике, а, как мы помним, на кухне имелось две табуретки. Женщина сидела на подоконнике, держала в руках банку с мухами. Смотрела на меня, молчала. И я подумал, что уходить, не договорив, невежливо, кто знает, возможно, это моя будущая теща.

В коридоре показалась Арина, она поспешно скрылась в туалете. Я дожрал последнюю ягодку, не подавившись. Серафима тихонечко напевала, что-то ритуальное, что-то непонятное и пугающее. Быть может, и не пугающее, просто я впечатлительный. Девушка дернула стоп-кран, вода забулжила в туалете, поезд остановился, встал как вкопанный. Потом Арина зашла к нам, щурясь от красноватого света, налила в стакан воду из-под крана, выпила. Обратилась к присутствующим товарищам: вы смотрели на время вообще, перестройка прошла? Женщина прекратила песнопения. Моя подружка пристыдила ее: мама, где одежда, у нас гость, вообще-то. Серафима сказала: ты как с матерью разговариваешь, топай спать! В голосе женщины скрывались, как партизаны в лесах, шуточные нотки. Арина не стала вступать в конфронтацию, она выполнила просьбу матери, ушла спать. И наш плакат превратился в тыкву.

Хозяйка Арины, а подозреваю, что родителям принадлежат детишки, которых те породили. Хозяйка Арины накинула темный халатик с белыми лебедями, который лежал, не замеченный мною на подоконнике. Обратилась с просьбой: давай я помою твою кружку, топай тоже спать. Я заверил ее у нотариуса: не стоит, не стоит, я сам. Тогда Серафима великодушно разрешила помыть самому. Намыливая средством для мытья посуды с запахом ромашковых плодов кружку, ощутил прикосновение теплых пальцев к лицу. Пальцы, словно ножки краба, перебежали от подбородка к щекам. Женщина сказала: вот побреешься, женишься, потихонечку втянешься в эту нормальную жизнь. Я даже подумал, что возможная теща шутит, какая такая нормальная жизнь, меня устраивает имеющаяся. Но я не стал озвучивать вслух эти умозаключения, просто домыл посудину с маками, поставил на стол. Раньше посудинами называли корабли, а я сейчас назвал посудиною кружку, филологические глупости, да и только. Направился, словно телевизор Рубин от удара отцовского кулака, направился к порогу кухни. Серафима успела чмокнуть меня в мохнатую, как персик, щеку, вроде бы в этом жесте я не увидел ничего предосудительного, но все-таки сделалось волнительно, участилось сердцебиение, во рту пересохло. Буркнул невразумительно: ночи доброй, снов добрых. И поспешил к спальному месту, ведь на следующий день мы с коллегой должны были ехать в библиотеку. Они заказали множество книжек, они время от времени так поступают, когда им выделяет государство денежки. Каникулы завершились, запятая, точка.

Глава 10

Путешествие в почву

Чернявый усатый водитель, с пронзительным взглядом, как у Дудаева, спросил меня и напарника: ребята, а вы патриоты? В кабине грузовика было накурено, дым щипал глаза, напоминая шаловливого педиатра, который щиплет ребятенка, пока бабушка отвернулась. В кузове лежали коробки с книгами, библиотека получила бюджетные средства, заказала у нас четыре сотни единиц. Напарник сонным голосом ответил водителю: они самые, мы патриоты. Наш перевозчик крутил баранку, грузовик выехал на шоссе. Мужчина спросил такое: раз вы патриоты, то у вас должны быть родинки? Напарник, вставший не с той ноги и ходивший так всю жизнь, ответил: следи-ка лучше за дорогой! Водитель ненадолго перестал разговаривать. Потом все-таки заговорил: меня Ленья Психоделический зовут. Мой коллега вздохнул так, как будто нашкодил чей-то отпрыск, сказал таким же тоном, как если бы говорил нашкодившему отпрыску: а это тут причем вообще, мы не хотим с вами беседовать. За окном было понуро, буквы, как мне показалось, выросли, наверно, много каши скушали. Нынче они увеличились в размерах, как будто женская грудь при беременности.

Водитель причалил к зданию с колоннами в виде атлантов. На плечах атлантов лежали гипсовые глобусы, тетрадки. Гиганты помимо школьных принадлежностей умудрялись удерживать козырек дома. На крыльце был расстелен красный узорчатый ковер. Психоделический Леонид откинулся на кресле, запустил обе руки себе в вельветовые темно-синие брюки, принялся там шурудить. Напарник не сдержал осудительных криков: вы что делаете, мужчина, у вас что-то не в порядке с головой! Перевозчик положил на глаза пятирублевые монетки, приговаривая невозмутимо: сейчас, сейчас. Мы с коллегой спешно покинули кабину, сами открыли кузов, стали разгружать десять коробок. Одна стандартная коробка вмещает в себя примерно четыре десятка книжек, это если стандартная. Спина заныла, как человек, которого поколотили ни за что ни про что. Я посмотрел на небо, слово на нем разбрасывало слова поменьше, струйками букв. Идентичные большому слову-матке, они летели на крыши домов, на землю, мне даже попало в глаз. Маленький П, маленький И, маленький З, маленький Д, маленький Е, маленький Ц.

Закружилась голова, мы с напарником разгрузили кузов, построили на крыльце две пирамиды из коричневых коробок. И тут у меня случилась неразбериха. Коробки перестали быть коробками. Я видел квадраты, заполненные белым шумом, поверх белого шума было написано: коробка один, коробка два, коробка три, коробка четыре и так далее. Взглянул на коллегу, а некоторые предметы его гардероба пропали. Например, на месте шарфа лишь сероватое мельтешение с надписью, как маркером: желтый шарф, мужской. Из дверей вышла барышня, у нее отсутствовало вообще все. То есть перед нами предстало мерцающее очертание, внутри которого значилось: добрая библиотекаря. Женщина открыла широко дверь, сказала нам: ребята, заносите. Напарник взял квадрат с надписью коробка два, прислонил к двери, чтобы та не закрывалась. И мы бодро перетаскивали ненастоящие книги. В библиотеке пахло Шанелью с порядковым номером пять, жасмином, бергамотом, розой, ландышем, один из силуэтов дамочки читал Мастера и Маргариту. Я смутно помнил, что там упоминаются такие духи, хотел блеснуть познаниями, однако не был уверен, как обращаться к этому очертанию. В какой-то момент случайно посмотрел под ноги, коробки почти закончились, мы заносили последние с улицы, на полу вместо паркета или линолеума была черно-белая пирамидка. Как будто бы объект не найден или еще не прогрузился. Мой коллега, шедший позади, поинтересовался: все нормально, ты какой-то смурной?

Корешки некоторых книг, я заметил, так же не прогрузились, просто черные буквы на сером безжизненном фоне. Библиотекаря, которая встречала нас, обрела лицо. Остальное тело было по-прежнему сокрыто неизвестной заразой. Женщина нас

благодарила, улыбаясь своими очень тонкими губами. Я спросил коллегу на ушко: ты тоже видишь, что у нее ничего кроме лица нет? Кажется, дамочка услышала, она недоуменно взглянула на свое тело, потом истерично закричала: на помощь, у меня пропало тело! Барышня с Мастером и Маргаритой прибежала на крики, стала успокаивать: Людочка, успокойся, успокойся! Людочка переключилась на свою подругу: Вера, а у тебя вообще ничего нет, ты мельтешишь, Вера! Мой коллега проявил трезвость ума, спокойно произнес: так, всем сохранять спокойствие, Вера, несите валокордин, кружки и воду! Где-то на улице запиликали мигалки, как будто кузнечики на скрипках. Было такое ощущение, что великое множество спасательных машин кружит в окрестностях. Начинается, подумал я, начинается что-то странное.

Валокордин отсутствовал в библиотеке, как может отсутствовать совесть у черных риелторов. Зато Вера нашла полулитровую бутылку коньяка, заварила чай. Мой напарник по-хозяйски разлил по кружкам принцессу Яву с коньяком. Правда, вместо жидкости я видел только мельтешение помех. Коллега, библиотекарьша, ее подруга и Токарев сидели полукругом на коричневых креслах. О цвете кресел сообщали надписи: коричневое кресло стандартное один, коричневое кресло стандартное два, коричневое кресло нестандартное три с деформированной ножкой. Тело Людмилы наконец-то было явлено миру. Клетчатое платье, строгое, как взгляд молодой девчоночки, лишенной ласок мужчины. Брошь в виде веточки рябины. Чулки, как на головах грабителей. У Веры проступило лицо, веснушчатое, с курносим носиком. Она возмутилась: Люда, почему твое тело появилось, а мое нет, это нечестно! Людмила ответила ей расслабленно: ой, придумаешь тоже, лучше выпей, у тебя тоже все появится! Мой напарник почуял, что женщины употребили лишнего, сообщил во всеуслышание: дамы и господа, раз все хорошо закончилось, предлагаю пойти по домам. Вера запротестовала: куда, мы же только начали разбираться в ситуации, мальчики!

Но мы предпочли покинуть библиотеку, подобно тому, как покидает семью отец, вероломно. Напарник обратился к дамам: дамы, мы вынуждены вас оставить, дела, дела, но мы обязательно вернемся. Вера с прояснившимся телом икнула, кивнув головой. – Купите хотя бы хлеба! – попросила Людмила. Мы, как Зоя Космодемьянская, промолчали, ретировались. На проспекте творилось совершенное безобразие. Машины, состоящие из белого шума, врезались в здания. Прохожие, чьи тела шли помехами, в панике метались из стороны в сторону, просили о помощи, вы не видели, куда они дели меня всего, вызовите службу спасения! Коллега сказал мне: езжай домой, я тоже поеду, надо проверить домашних обитателей и прочих тварей, созвонимся потом! И спортивной ходьбой отправился в сторону метро. Неужели маленькие слова попали в глаза всем людям, размышлял я, когда дорогу перегородил неадекватный гражданин. С длинными кучерявыми волосами, с бородкой клинышком, он размахивал своими причиндалами. Причиндалы, как и торс, ноги – не были явлены миру, лишь знакомые нам контуры с белым шумом. Незнакомец кричал: и что вы мне сделаете, что, вы не сделаете! Из отделения почты вышла девушка в черной агрессивной форме, достала пистолет из кобуры, наставила на вуайериста. Крикнула: ах ты, подлый сексист, спрячь свои причиндалы! Мужчина предпочел ничего не прятать, он побежал на представительницу правопорядка, улюлюкая. Но пуля остановила наглеца, потом еще одна, контрольная, как финальная точка в диктанте, подергивания на земле прекратились. Девушка посмотрела на меня, спросила: ты тоже сексист, тоже пулю захотел? Я ничего не захотел, поэтому побежал во двор, где жители близлежащих домов развели костер в щербатой бочке.

Они были цельные, не мельтешили, в руках держали палки, концы которых обмотали тряпьем и подожгли. Главный из них, наверное, управдом, седовласый капитан со шрамом на лбу, сосед нашего издательства. Я даже подумал, что он всеобщий управдом. Издательство находилось в трех станциях от описываемых мною мест. Я подозревал, что это не простой пассажир, его татуировка на груди, рыба. У тех, у кого на груди рыба, те, как правило, знают о море не понаслышке. Курительная трубка, которую

он держал во рту, выплевывала облачка дыма. Соседушка узнал меня, бабки, подростки двинулись угрожающе, однако капитан их осадил: стой, братва, это свой! Сердце ухало в груди, давление подскочило. Стресс не хотелось переносить на ногах, сдерживать в себе переживания, от этого все болезни. У нас так и происходит, что мужчина всю жизнь молчит, молчит, на крики жены не отвечает, на унижения от начальника не ведется, а потом тихо в кладовке – раз, ищи-свищи потом душу в закоулках небытия. Меж тем на проспекте, судя по звукам, происходила заварушка, достойная экранизации. Там кричали в громкоговоритель: граждане, похоже, это конец, похоже, мы в жопе! Другой громкоговоритель ему возражал: не слушайте провокаторов, всем сохранять спокойствие, службы уже работают! Редко постреливали, редко кричали люди, редко взрывались автомобили, редко, но метко.

Сосед нашего издательства обратился ко мне и к своим пожилым девчонкам так: давай с нами, с нами безопасней, правда, девчонки?! Семидесятилетние женщины с алыми губами поддакнули: правда, там сейчас начнется каннибализм, а с нами безопасней, у нас каннибализма не будет! Парочка подростков не вмешивалась в разговоры, они напряженно следили за подступами ко двору, сжимали арматуры, им бы учить тригонометрию, а не заниматься сегодня апокалипсисом. Порой случаются огорчения, главное не огорчаться понапрасну, хотелось подбодрить подростков. Капитан сказал: парнишка, прекращай летать в облаках, давай с нами в убежище! Делать было нечего, близился вечер, я попытался дозвониться маме, со второй попытки ответила, предостерегла: не пытайся добраться до дома, залезь в какой-нибудь подвал и пережди! Мною было принято, как показалось, стратегически верное решение, проследовать с группой выживших из ума в безопасное место. Решение далось с трудом, ведь у девчонок был кровожадный вид. Они облизывали губы, клацали челюстями, засматривались на меня, как на комплексный обед. Но все-таки в компании пяти старушек, соседа и девчонки с мальчишкой шансы на победу возрастали. Как если бы к футбольной команде присоединился Диего Марадона в свои лучшие годы, они как раз и были этим Диегой Марадоной, все разом.

Таким образом, наша футбольная команда отправилась бороздить новый дивный мир. Можно ли бороздить пространство, да, можно. Насчет дивного нового мира не уверен, хотя это тоже пространство, а если это тоже пространство, тогда и бороздить его, кто запрещает, о чем вообще разговор. Седоволосый капитан был предельно сосредоточен, он вел граждан вдоль строений, иногда останавливался, посылал на разведку и на три буквы подростков. Они возвращались, говорили, что все чисто, или говорили, что впереди засада. Тогда наш предводитель менял маршрут, размышлял вслух, что так мы не пойдем, мы пойдем на E2-E4, а иначе нам поставят мат. Пройдя три дома, старушкам сделалось худо. Одна тяжело дышала, держась за грудь, прислонилась к горке на детской площадке. Я заметил, что в небеса улетел синий шарик. Словно на картине Сергея Лучишкина, только у него был красный шарик, а в окне виднелся повешенный гражданин, но у нас ничего подобного не было, у нас шел конец света, ничего, короче говоря, серьезного. Другие бабушки великодушно предложили оставить уставшую старушку на произвол судьбы. Предложила совершить данное предательство женщина, у которой постоянно выпадала челюсть, у которой были фиолетовые короткие волосы, сказала: а раньше в племенах самых беспомощных добивали, я, конечно, не предлагаю, тут уж, как решит коллектив. Сосед не сильно хлопнул ее по плечу так, что в очередной раз вылетела челюсть, строго произнес: никого бросать мы не будем, если суждено, то сдохнем все вместе!

Отряд продолжил движение, никого, действительно, не оставили, дамочка с недомогающим сердцем быстро восстановилась, выпив кружляшок нитроглицерина. С ума сойти, миллионная доля взрывчатки спасла ей жизнь. Синий шарик добрался до слова, его буквы теперь мерцали цветными лампочками. – Сохранять концентрацию, не отвлекаться, почти пришли! – раскричался командор. Шарик лопнул, резиновая кашица спикировала

на крышу серого девятиэтажного жилища. Свет не горел в окнах, гниющая темнота, промелькнула нерадостная мысль, вспомнить, какая именно, сейчас не удастся. Жильцы как будто стали жильцом из фильма Полянского, единым человеком, ощутили панические настроения, задернули свои шторы, погасили светильники, притаились. Подросток женского рода высказал некоторые опасения касательно спасения: послушайте, а если там, куда мы идем, там уже занято? На эти опасения наш предводитель ответил следующим образом, он резко развернулся, быстро подошел к подростку, залепил тому оплеуху. Потом строго-строго сказал, причем, не повышая голоса: да таких, как вы, чтоб вы знали, Хармса помните, эх вы! Бабушки поддакнули: правда, правда, что за поколение вырастили, мужчиной надо быть! Подросток жалобно пискнул: я девочка. Старушка в бежевом дождевике, с красными короткими волосами, все пять бабушек, следовавших за решительным соседом, имели короткие цветные волосы, синие, розовые, красные, фиолетовые, серебристые. Та, у которой голова напоминала пролитое на кошку малиновое варенье, возмутилась: как это девочка, когда мальчик! Товарки красноголовой загомонили: это не девочка, это не девочка, давайте проверим, какая это девочка, а заодно и второго проверим! Дамочки обступили с разных сторон подростков, подростки с ужасом глядели, поднявшийся ветер сорвал капюшоны с их головушек. Длинные челки ребят, как будто языки у коров, тоже колыхались от порывов январского ветра.

Сосед не допустил членовредительства, у соседа были четкие жизненные принципы, к примеру, не следовало поколачивать слабых, не способных за себя постоять хлюпиков, как наши подростки. Факелы в руках старушек угасли, их использовали теперь как дубинки, кто-то постукивал о зелено-облезлый бордюр, у которого мы остановились. А кто-то перебрасывал из руки в руку, а кто-то держал наподобие бейсбольной биты. Я видел, что капитан медлит, не бросается в гущу событий, потому что гуща событий порой похожа на приторно-сладкую сгущенку, существует вероятность превратиться в диабетика, стоит лишь бездумно нырнуть в нее. Видно, мужчина знал о человеческой жестокости не понаслышке, кивнув мне, он поднял с земли несимпатичного метрового гномика. Гномик был деревянным, его лицо расписали настоящие психопаты. Вообще, местечко, где мы остановились, словно сердце Эдуарда Срапионова, казалось не менее пугающим, чем конец Светы. Возле ближайшего к нам панельного дома находился палисадник, на деревьях были навешаны белый плюшевый медведь с розовыми пяточками, голубовато-кислотный заяц, лица которого я не видел, желтая обезьянка, прочие неопознанные животные. Неопознанные, потому что время, непогода, грехи – нещадно потрепали плюшевых зверят. Также во дворе стояли в карауле шесть пугающих своими белыми лицами с кровавыми пастями гномиков. И вот одного из них взял мой сосед, чтобы, как несложно догадаться, проломить черепушку самой агрессивной старушке. К счастью, все обошлось, к счастью, происшествие не успело попасть в официальные сводки криминальных новостей. Один из подростков, предположительно мужского пола, уткнулся в плечо подростку, предположительно женского пола, зарыдал. Он приговаривал, всхлипывая: за что так с нами, мы же ничего им не сделали. Старушка с фиолетовыми волосами в стеганой черной куртке воскликнула: а, так этот мальчик хочет в Тамбов!

Сосед поставил гномика не место, мы не могли расшифровать эту фразу, даже Мурат Насыров вряд ли бы смог объяснить, в чем тут дело. Но после этой фразы хищницы с фиолетовыми волосами случилась психическая атака, нас атаковали неизвестные. Темное небо вдруг осветилось, свет был такой, как бы грязный, сероватый, с помехами. Такой свет бывает на старых киношных пленках. Звуковые эффекты соответствовали, то есть послышалось невыносимое для барабанных перепонки шипение. Старушки схватились за головы, упали на колени, представительницы старшего поколения, судя по всему, испытывали мучения. И что-то мне подсказывает, что мучились они не потому, что потеряли такую страну. Подростки вставили в уши наушники, поэтому воздействие на

них было не таким заметным. Хорошие наушники, заметил я, вакуумные, когда оседал, как плохое тесто без дрожжей, на тротуар.

И вновь на помощь пришел капитан нашей футбольной команды. Он дал мне ощутимого леща, хотя и подозреваю, что это была камбала. После такой затрещины я, конечно же, не взялся за голову, не завел семью, не переехал жить от родителей, однако затрещина помогла взбодриться. Мужчина что-то кричал, показывал в сторону лесопарка. Бабушки не пришли в норму, наверное, им было сложно сопротивляться всепоглощающему слову. В силу технических причин, когда подростки, я, сосед побежали, с нами поспели только две старушки. Они поспели, словно яблоки богатырь в сентябре. Дыхание сбилось, как костяшки пальцев драчуна, в глазах прыгали черные точки. В голове пульсировала сиротливая мысль: только бы запятая, только бы не точка. Иррациональный страх, явных причин, по которым сосед, подростки, бабушки, я могли бы физически закончиться, не было. Пожилые барышни, само собой, не поспевали за нами, они же все-таки не молодые козочки. В лесопарке я наступил на кошку, которая в панике металась, пытаясь сохранить свою кошачью жизнь. Газета прилетела в лицо, под ногами хрустела земля, ведь все-таки январь это не август, валялись бутылки, доски. Где-то вдалеке тоже бежали граждане. Наконец мужчина остановился. Мы оказались у навеса из тонкого металла, навес был покрашен в серый цвет, под навесом обнаружились створки дверей, за ними решетка с замком. И дверь, и навес, и решетка, все воспринималось мною какими-то стоп кадрами, не хватало плавности, не хватало. Сосед вставил в замок ключ, отомкнул. Подростки, единственная уцелевшая старушка, я спустились по бетонным скользким ступеням вниз.

На удивление, лампочка в круглом плафоне загорелась. Ещё до того, как мы попали туда, в этот бункер, до того, как преодолели тяжелую аквамариновую дверь, звуки с улицы приглушились. Выяснилось, что подросток предположительно мужского пола тоже пропал. Мужчина в кожаной коричневой куртке, под которой виднелась футболка с Микки-Маусом, спросил: еще одного, где потеряли? Сохранившийся мальчик или девочка, старушка с посеребренной головой взглянули на меня. Но я не был причастен к исчезновению, поэтому пожал плечами. Предводитель с усилием отрыл дверь, за ней оказался предбанник, еще одна дверь. На полу хлюпала вода, просачиваясь в ботинки сквозь дырочки на пятках, вода холодила ноги. Кряхтя, сосед отворил последнюю гермодверь. Пред взором горящим, как Жанна д'Арк, предстала длинная комната с низким потолком. Вернее, сначала ничего не предстало, когда мужчина щелкнул выключателем, только тогда я увидел двуярусные кровати. Пахло сыростью, еще бы не пахло, ведь кисельные реки разлились по всему периметру комнаты. На стене висела красная, в цвет губ старушки, доска, при пожаре звонить, ломик и лопата. Понизу тянулись узкие трубы, некоторые из них впадали в широченную темно-зеленую трубу, которая находилась под выбеленным потолком. На торце главной трубы я увидел такую надпись: полтора кубических метра, для питьевой воды.

Внезапно захохотала старушка. Мы посмотрели на нее недоуменно. Сосед поинтересовался: как вы себя чувствуете, сейчас я проверю вентиляцию, наверно, вы задохнулись? Женщина растегнула толстую зимнюю олимпийку, присела на раздолбанную тумбочку без дверки. Отсмеявшись, ответила: молодые люди, мне вспомнился чудный анекдот. Подросток снял свою парку, под ней оказалась водолазка, под водолазкой проступала маленькая, но женская грудь. В помещении помимо тумбочки, кроватей с панцирными сетками, трубы с питьевой водой была также вешалка. Девочка потопала к ней. Влага под ногами по-прежнему издавала хлюпы, как если бы домоправительница толкла на кухне пюре. Сосед произнес: так анекдот вы вспомнили, какой он. – О, анекдот, мальчик приходит в магазин, спрашивает, сколько стоит жвачка по рублю, продавщица отвечает, что рубль, мальчик опять спрашивает, сколько получится жвачек на сто рублей. Женщина не успевает дорассказать, ее душит синяя борода смеха. Мужчина в сердцах сплевывает, тыфу ты, открывает деревянную дверь со следами

плесени, скрывается за ней, точно негативный подтекст в рецензии на очень плохую диссертацию дочки проректора.

В бомбоубежище мы были убеждены в том, что нам ничего не угрожает. Наш командир чем-то гремел в подсобном помещении, звук напоминал удары поварешкой по трубам. Подросток совершенно не разговаривал, к тому же девчонка была носителем великого русского молодежного языка. И подозреваю, что беседовать на нем с представителями страшного, старшего поколения – было для нее мучением. Спертый воздух, который, очевидно, кто-то спер до нас, кружил голову. Бабушка упала с тумбочки, засмеялась. Я помог ей подняться по карьерной лестнице, она сказала: меня зовут Лидией, молодой человек, теперь мы с вами братья по обстоятельствам. Чудесное определение нашим взаимоотношениям. Послышались приглушенные взрывы, с потолка полетели пылинки побелки. Лидия взгромоздилась на первый этаж двухъярусной кровати, она болтала ножками, мечтательно улыбалась. Девчонка прогуливалась вдоль стены, она явно не была душой ритуальной компании. А вот старушка была, я считал удары судьбы. В лужах на полу плавали белые частички потолка. Лида спросила: а кем вы работаете, я смотрю, у вас, знаете ли, журналистский взгляд на происходящее, вы цепляетесь за детали? В подсобном помещении забурчал некий прибор, как будто двигатель машины. К нам пожаловал сосед, лицо у соседа было испачкано, синяя клякса на лбу, черная полоска на щеке. В руках мужчина держал дефективный металлический чайник, с мятым боком. Предводитель спросил, устроим чаепитие или не устроим. И мне не пришлось отвечать на глупые вопросы Лидии. Я ответил на разумный вопрос мужчины: будем.

В другой комнатенке нашлись консервы, две банки, правда, еще советских времен, цикорий, чай не обнаружили. В неработающем по специальности холодильнике сохраняла спокойствие мутная вода. Стены в этой комнатке были зеленые, как глаза девчонки-подростка, которая несмело предложила напечатать объявление о пропаже чая. Старушка грустно вздохнула, но промолчала. Что там происходит с лицом земли, подумал я и ударился лбом о перекоорректированный стеллаж. Этот стеллаж напоминал физкультурника с больной спиной, потянулся вперед, а потом его заклинило. Лидия, потрясая желтым пластиковым брикетом с цикорием, крикнула соседу: а где вы найдете плитку, а как вас, простите, зовут? Мужчина зашел в нашу комнатенку, ответил: а я уже поставил кипятиться, а зовут меня Спартак. – Спартак, ничего себе! – обрадовалась женщина. Девчонка ушла в гостиную, то есть в помещение, где стояли кровати, то есть в главную комнату. Мужчина обратился к Лиде: да, Спартак, а что в этом такого? Женщина сказала: просто моего мужа тоже так звали, он был очень успешным человеком, правда, потом перестал успевать. Я не удержался и спросил: что с ним случилось, с вашим мужем? Лидия цокнула языком, нехотя ответила: понимаете, он польстился, в общем, он продал нашу с вами Родину за кроссовки. Такой ответ показался мне грустным, в гостиную закричал подросток, потом, судя по звукам, упал в лужу.

На шум и гам прибежали мы. Субтильная девчонка каталась по полу, летели повсюду брызги дурно пахнущей воды. Лида бросилась из всех своих старушечьих сил к подростку. Она придержала голову несчастной, потом принялась дуть в ноздрю утопающей, к нашему со Спартаком удивлению. Болезная пришла в себя, перестала дрыгаться, села на полу. Мужчина сказал, что чайник, наверное, вскипел. И ушел в неизвестном направлении, полагаю, за чайником. Женщина попросила помочь положить девчонку на кровать. Еще сказала: надо поменять мокрое белье, там я видела какие-то тряпки, сходи, принеси. Я спросил ее перед тем, как пойти за тряпками: где вы научились так вызволять эпилептиков? Она ответила: муж, когда мы жили в Чертаново, когда он продал Родину за кроссовки, на радостях тоже это самое. Я сказал: понятно. Хотя до конца и не понял, но все-таки ребенка необходимо было переодеть, ведь в бомбоубежище дули ветра. На складе, где стоял холодильник, на стеллаже в деревянном ящике Токарев нашел старенький, но добротный зеленый, как крокодил Гена, костюм химической защиты. В него мы нарядили спасенную девочку.

Пили цикорий из белых одноразовых стаканчиков. Спартак раздобыл где-то баночку сгущенки. Банка была с пятнами ржавчины. Как будто ей играли в пятнашки роботы, которые вот-вот отправятся на свалку истории. Как будто они кидались ей друг в дружку, и весь налет ржавчины перекинулся на сгущенку. Содержимое жестянки цветом напоминало клей момент с примесью молока, тягучая хренотень капала в стаканчик целую сотню лет. Вкус показался игривым, таким, знаете, хулиганским. Вроде бы сладость как таковая ощущалась, однако мерзопакостные нотки все-таки присутствовали. Лидия засмеялась невпопад. Мы, забравшись с ногами на первые этажи кроватей, чаевничали. Мужчина спросил: что еще вы вспомнили, что вас так рассмешило? Старушка ответила: анекдот вспомнила. И замолчала, как в море корабли. Я предложил рассказать, но Лидия ответила, что он с матами. Потом все-таки стала пересказывать другой: есть один, мне дочка еще рассказала, когда после Афганистана приехала. Подросток задремал, в прорезиненном плащике девчонка напоминала инопланетянина, такого же чуждого планете Россия, такого же загадочного. Лидия продолжила говорить: когда еще я не обросла морщинами, моя дочь только вернулась, она у меня служила санитаркой в горячей точке, я тоже умела искренне смеяться. Спартак зевнул. Женщина, наконец, перешла к сути. – Приезжает солдатик оттуда, идет в парикмахерскую, его спрашивают, как обстановка в Афганистане, он говорит нормально, его стригут, потом опять тот же вопрос, он говорит, нормально, и так несколько раз. Наш главнокомандующий сквозь подступивший к рубежам сон что-то промямлил. Я тоже принялся отчаянно засыпать, видно, с вентиляцией все-таки были проблемы, а может, мы просто устали. Хорошая бабушка Лида заплетающимся языком закончила эту историю. – Парикмахерша говорит, говорит, что, когда она у него спрашивает про Афганистан, у него волосы на затылке дыбом встают, стричь ей удобней. Освещение в бомбоубежище потускнело. И мы погрузились в хорошенький такой, словно Мирей Матьё, сон.

Глава 11

Переспелые граждане

Когда еще жизнь не износила Валентину Николаевну, подобно тому, как изнашивают валенки младшие братья за старшими, она любила говорить своему внуку, если тот противился идти в школу из-за гриппа: чума, в мое время чумой завтракали! Эта фраза повторялась осенью, зимой, весной, осенью, зимой, весной, потому что гриппом внук болел часто. Также Валентина Николаевна виртуозно материлась и была недовольна всеми людьми на земле вне зависимости от времени года, то есть была живой, потом инсульт эту живость победил. Женщина перестала напоминать лимонад Живчик, ведь Живчик был напитком сильногазированным, а пузырьки в этом девяностолетнем враче-эпидемиологе закончились, порой так заканчиваются обретенные внезапно летние каникулы. Старушке перестали нравиться уроки французского, которые проводил китайский беженец в Доме культуры по воскресеньям. Ее больше не интересовало происхождение надписи «порошок, уходи» в торговых центрах. А танцевать фламинго с шестидесятилетним юным красавцем Педро Гавриловичем стало казаться Валентине Николаевне полной чужью. Впрочем, кое-что старушка по-прежнему любила, эпидемии.

При наступлении чумных времен у бабки висел за спиной тяжеленный рюкзачок, в котором позвякивали медальки за предотвращенную черную оспу в шестидесятом, за избавление города Свердловска от сибирской язвы в семьдесят девятом, а также почетная грамота за неплохо воспитанного внука Валеру. Правда, грамота не позвякивала, в отличие от медалек. Валентина Николаевна была родственницей Лериного мужа. Забегая вперед, как если бы мы с вами шагали от ворот психоневрологического интерната, а впереди, где-то в кустах акации промелькнула собачка, и вы, конечно же, умилились, устремились к этой собачке, чтобы погладить ее. Забегая вперед, хотелось бы сообщить,

что потерявшая всякий интерес к учебнику окружающий мир Валентина Николаевна обрела интерес к учебнику русского языка, когда граждане стали мельтешить и сходить с ума. Мельтешение и сходжение с ума прекратилось, в том числе благодаря Валериной бабушке, но это мы вновь забегаем вперед, а собака в кустах акации оказывается мужчиной в шкуре животного. – Нет! – кричите вы. Когда мужчина тащит вас в чащобу. А я говорю: я же говорил, не надо бежать впереди паровоза, вагончик тронется, а тебя заберут в дурдом.

Поговорим о возвращении так называемого интереса к жизни. Валентина Николаевна сначала громко, потом все тише и тише, теряя энтузиазм, призывала, просыпаясь по утрам на протяжении многих месяцев: вернись ко мне, интерес к жизни, вернись ко мне, ты, кусок дерматина! Но интерес не возвращался, то есть абсолютно. В свой девяносто первый день рождения, в день одного из семидесяти трех совершеннолетия, бабушка Валеры увидела на небе те самые букочки. Пенсионерка возвращалась из продуктового магазина, рюкзачок за спиной, и без того весомый, нынче тянул к земле пуще прежнего. Нынче в нем помимо всего прочего лежали консервы, сосиски, молоко, хлеб. У самого подъезда женщине повстречался Эдуард, который был даже не Эдуардом, а Николаем, известным пророком Западного Дегунино, временно безработным. В желтых очках, синем строительном комбинезоне, с шапкой Спартак на голове, мужчина, расставив руки в стороны, мешал пройти Валентине Николаевне. Старушка остановилась перед ним, сказала: пошел-ка ты знаешь куда, знаешь? Пророк, шмыгнув красным, как у дедушки мороза носом, произнес такую вот речь: ах ты, старая, сейчас я тебе покажу кое-что! И мужчина принялся показывать кое-что, достав из кармана с заплаткой в виде Дональда Утки пассатижи. Валентина Николаевна моментально почувствовала: пассатижи не к добру. Поэтому нащупала в своем кармане кожаного плаща пробирку с бактериями африканского гриппа. Эта и многие другие, честно говоря, небезопасные для хранения в квартире пробирки бабулька хранила в своем жилище, как память о временах молодости. Неизвестно, во что бы переросло данное противостояние, если бы не заглавная П, прописная И, прописная З, не менее прописная Д, соответственно, Е, а в конце Ц.

Подобно мухе цеце, а также дряни, которую лупоглазая переносит на лапках, липкое и заразное сумасшествие, показавшееся перед старушкой и пророком, не оставило ни для кого из них сомнений, вражду необходимо прекратить. Пробирку в кармане уже держали пухлые, но цепкие пальцы Валентины Николаевны, когда собственный дом пошел помехами. Оппонент пожилого эпидемиолога притих со своими пассатижами, замороженно глядя на здание. Он даже прикусил язык, покрытый белым налетом. И этот белый налет причудливым образом рифмовался с коркой льда на луже, то есть был таким же молочным, неоднородным, с темными и светлыми пятнами, впадинами, выпуклостями. Николай и Николаевна поглядели на небо, словно искали ответа, что делается-то, словно на небе находилась регистратура, в которой регистраторша молодец, всезнающая. Из подъезда стали выходить обеспокоенные жильцы, они обеспокоились, конечно же, вопросом помех. Едва слышимое шипение нервировало, почему бы ему не шипеть громче, громче, громче. Николай замычал, как умственно неполноценный, присел на корточки, заткнул уши. У соседки, вышедшей из подъезда первой, были широченные, словно широкий жест моего папы, когда он великодушно разрешил как-то раз не сдавать кровь, широченные бедра. На ее голове была шапка из пены, как будто белая глазурь на куличе. Гражданке, видно, не дали подмыться. Дубленка норовила распахнуться, женщина мешала ей распахнуться, однако розовый, как у поросенка ушки, розовый живот – нет-нет да показывался миру. Другие соседи тоже выглядели обескураженными.

Пока они обсуждали степень своей обескураженности, соседствующие с домом Валентины Николаевны дома тоже заразились. Белый шум стал напоминать звуковые эксперименты Дзиги Вертова, помните, когда он еще записывал композиции, состоящие из шумов лесопильного завода. Женщина с пеной на голове, тараша водянистые глаза так,

что казалось, соседка страдает болезнью Базедова, кудахтала. Она в самом деле кудахтала, точно курочка, которую вот-вот должны зарезать к праздничному столу. Несколько мужчин, чьи лица постоянно смазывались, словно их снимал фотограф с нервными тиками, переговаривались: шушушу, шушушу, шу, шушу, шу. Валентина Николаевна, несмотря на нервирующую дискотеку начинающих шизофреников. А ведь еще до всяких голосов, бывает, слышится шипение в голове, Валентина Николаевна обрадовалась. Она предельно ясно поняла, эпидемия. Старушка улыбнулась, зашагала уверенно к подъезду, минуя распластавшегося на асфальте Николая, шушукающихся соседей, соседку, чья пена успела раствориться в этой всепоглощающей меланхолии.

– Да, Шурочка, а что за слово, я плохо вижу? – спрашивала Валентина Николаевна эбонитовую телефонную трубку. Черная трубка отвечала тихим голосом гномика. Старушка внимательно слушала, потирая свой лоб, с выступившими синими венками. Потом продолжила говорить: значит, зови своего лингвиста, как его, Василия Васильевича Барагозова, далее, далее. Бабушка замолчала, на улице слышались хлопки, хрустальные бокалы, стоявшие в серванте, затряслись. – Шура, у нас все трясется, как холодец, да, как хо-ло-дец! – продолжила разговаривать с трубкой Николаевна. Во входную дверь громко постучали, хотя зачем было стучать, в самом деле, ведь имеется звонок. Звонок имеется хороший, птички, кто ж не любит птичек. Женщина сказала невидимой нам Шурочке: пришел кто-то, надеюсь, лаборантки пришли, все, давай, Барагозова ко мне в штаб, не кашляй, привет! Летящей походкой Валентина Николаевна вышла в коридор из комнаты. В коридоре на стенах висели африканские маски, маски чумных докторов, противогазы, это внук Валерка-фанерка, как ласково называла его бабушка, любил собирать разную чепуху. За дверью, действительно, стояли две лаборантки. – Валентина Николаевна, Валентина Николаевна, внизу такси, в штабе вас только и ждут! – затараторили девочки. Тараторки у них уже выросли, все-таки не зря заканчивали биотехнический факультет. Старушка скривила лицо, как будто жевала зубной порошок, а у порошка срок годности прошел, и больше никакой тебе мяты, лимона, только привкус мерзкого сиропа от кашля. – Так, варежки свои не распаивайте, вирус залетит! – то ли пошутила, то ли не пошутила бабушка Валеры. Она взяла желтый чемоданчик из советских времен в наше не советское время, и вышла на лестничную клетку. В этом добротном чемодане из желтого заменителя кожи проживали склянки, банки, реактивы. Мы, конечно же, не сильны в химических штуках, у нас даже химии в школе не было. Поэтому содержимое чемоданчика остается на совести Валериной бабушки.

Члены так называемого штаба собрались в столовой Березка. Там обедали все служащие НИИ, лаборанты, доценты, охранники, все, в общем, там обедали. Такси, в котором сидела Валентина Николаевна и две говоруньи-стрекозы, подъехало к одноэтажному, но широченному, поэтому столь малый рост никак не сказывался на вместимости столовой, зданию. Прохожие ходили по земле, припорошенной стеклянной голубоватой крошкой, угрюмые прохожие, не улыбочивые прохожие. Дамочки вышла из такси, направились к столовой. Крошки под ногами хрустели, словно куриные косточки в собачьей пасти. Странности в устройстве вселенной, которая была тут, возле НИИ, на подступах к столовой Березка – не наблюдались. Ничего не мельтешило, белый шум не звучал, прохожие сами по себе были такие угрюмые. Зайдя в пластиковые двери, барышни очутились в заведении, множество запахов – пюре, рис, рыба, говядина – ударили в нос. Ударили не слабее хулигана в подворотне. У одной из лаборанток даже пошла кровь. Девчонка ойкнула, смешно пуча свои глаза, которые и без того были увеличены стеклами очков. Валентина Николаевна, протянув жертве нападения запахов серый платок с вышитой уточкой, сказала: в мое время такие снежинки давно бы растаяли! Лаборантка пробубнила что-то благодарственное. А бабушка Валеры уже мчалась в другой конец столовой, углядев членов так называемого штаба.

За длинным, как на партсобраниях, столом, почему как на партсобраниях? Лаборантка, у которой недавно брызнула из носа юшка, была слишком юна, чтобы

помнить партсобрания. А вот такая мысль все-таки возьми да возникни. Девчонка оглядела присутствующих, лингвиста Барагозова, руководителя отдела вирусологии, своего научного руководителя, младших сотрудников. Никто из них не обращал совершенно никакого внимания на лаборанток, товарищи оживленно спорили. Не тронутая ничьими пальцами, языками, зубами еда на столе. В длинной очереди граждане с подносами. Пожилой мужчина подавал кассирше надежды, но та отказывалась их принимать в качестве оплаты за котлету по-киевски, пюре, салат мимозу и три ломтика бородинского хлеба. Стрелки на его коричневых брюках показывали двенадцать по полудню. В дрожащих руках мужчина держал бумажный советский рубль. В очереди уже слышалась чья-то недовольная реплика: вы долго еще, вас все ждут! Лаборантка не могла разглядеть, разглядеть не могла лица мужчины, только этот рубль да седые усы. А кассирша ему и говорит, этому несчастному: мы голодающим в Поволжье не помогаем. Валентина Николаевна громко спросила: какие ваши предложения, коллеги? И все обратили свое внимание на женщину, сочувствующая голодному гражданину девушка тоже обратила, отвлекшись от очереди. А в очереди подающий кассирше надежды мужчина заплакал, и никто ему не помог, совсем-совсем никто.

Первый держал ответ за оголенные провода под напряжением Василий Васильевич Барагозов. Кругленькие очки расцветки тигровой шкуры норовили соскользнуть с длинного носа, носа госпожи Шапокляк. На нем был серый пиджак, под пиджаком синяя мастерка. Лингвисту, должно быть, нравилось мероприятие. Отвечал он с улыбкой, не стеснясь, посматривал на лаборанток, приценивался. – Похоже, коллеги, мы имеем дело с самой настоящей языковой эпидемией! – докладывал лингвист. Особо занудный и въедливый руководитель вирусологии, вьелся в кусок пирога с мясом. Чавкая, он перебил Барагозова: мм, мм, прелестно, прелестно, хотя ничего прелестного и нет, а вот по части языка, вы можете говорить на языке фактов? Научный руководитель лаборанток, дедушка, впавший в маразм, возразил: необходимо лишить родительских прав, я возражаю. Этого дедушку кормила с ложечки пшенкой чернокожая нянечка в белом халате. Младшие сотрудники загомонили: кто пустил сюда Иосифа Богдановича, он же ничего не соображает, правильно, мы тут занимаемся наукой, а не помощью старикам! Чернокожая нянечка вклинилась в беседу: как вы смаеть говорить такой вещи, этот человек спасти науку! Дед ехидно засмеялся, его клетчатый шерстяной пиджак показывал окружающим, что дедушка франт. Лингвист сказал: вы худший коллектив, с которым мне доводилось работать. У одной из лаборанток зазвонил телефон, присутствующие зацыкали, укоризненно глядя на глупышку. Хотя она могла быть и не глупышкой вовсе, этого мы не знаем. Лаборантка упорхнула из-за стола, направилась к туалетам.

Подружка стрекозы с телефоном вспомнила кое-что. Вот лингвист сказал про худший коллектив, а девочке подумалось: а ведь данная характеристика меня преследует. В садике вы худшая группа, в школе вы худший класс, в институте вы худший курс. В чем дело, товарищи женщины, ведущие в светлое позавчера худших детишек. С какой такой стати вы осуждаете, ну, родились эти ребятишки не Альбертом Хоффманом, чего уж теперь, работайте с тем, что имеется в наличии, скоро и этого не будет. Лаборантка удовлетворенно хмыкает своим умозаключениям, а из носа вновь показывается головка кровяного червячка. Видно, мыслительный процесс. Валентина Николаевна заметила приключившуюся с девчонкой оказию, протянула ей другой носовой платок, с уточкой, запеченной к праздничному столу. Сказала укоризненно: что же ты, деточка, ведешь себя, как незнамо что. Василий Васильевич Барагозов привлек всеобщее внимание к своим языковым фокусам: господи, у меня соображение, а что если нам с вами, вернее, вам, химики, биологи, не провести анализы данного, гм, слова? Иосиф Богданович, эта развалина человека, правда, уважаемая научным сообществом, сказал: Барагозов, Барагозов, пять лет расстрела и тысячу лет ГУЛАГа вам! Вскочивший из-за стола лингвист бросился к старику: ну, знаете! Чернокожая нянечка преградила ему дорогу, выставив перед собой вилку с нанизанным на нее кусочком котлеты. Амазонка, кажется,

была злой, словно целая очередь в поликлинике, она произнесла: стой, я убить за этот человек другой человек! Все замерли, гадали, что же произойдет. Из туалета вернулась лаборантка, уселась за стол, начала поедать, как саранча, селедку под шубой. Все глядели на нее, ничего не говорили.

Валентина Николаевна первая подала реплику в сложившейся безмолвной ситуации: слушай мою команду, руководителям отдела химии, вирусологии собрать группы реагирования, разбить передвижные лаборатории в непосредственной близости к эпицентру! Лингвист подавился собственным языком, покраснел. Валерина бабушка обратилась к нему: а теперь, товарищ Барагозов, обращаюсь непосредственно к вам! Щеки мужчины перестали краснеть, начали бледнеть, он выпрямил спинку, принялся внимательно слушать, ситуация и впрямь была напряженная. Женщина продолжила говорить: Барагозов, после того как будут взяты соответствующие пробы, произведется анализ, вынесется заключение, вам, как главному специалисту по языку, необходимо будет достать свой язык и как следует им поработать. За столом воцарилось еще большее молчание. Лингвист поинтересовался, волнуясь, оттого заикаясь: что, простите, что мне надо сделать? Валентина Николаевна, ничуть не смутившись, ответствовала: слушай, Василий, не включай дурачка, тебе это не идет. Лаборантка прыснула со смеха, оросив каплями апельсинового сока престарелого Иосифа Богдановича. Нянечка с шоколадной кожей ухватила мерзавку за шиворот, сказала той: как это понимать, вы испачкать многоуважаемый переспелый человек! Коллеги засуетились, засуетились, лингвист предостерег сиделку: уважаемая нянечка, отпустите девушку, иначе я вырву вам кадык! – Что есть кадык? – поинтересовалась нянечка. Но барагозовский ответ заглушили, как рыбу динамитом, голоса Валентины Николаевны, руководителя отдела вирусологии, младших сотрудников из начальной школы.

Однако люди науки не были бы людьми, а уж тем более науки, если бы не пришли к консенсусу. И они пришли к консенсусу. И стоило это порванного уха нянечки, разбитых очков лаборантки, малахольной, у которой постоянно шла кровь из носа, другая лаборантка уцелела, ей вновь поступил телефонный звонок. Досталось на орехи даже Василию Васильевичу, правда, он заказывал сухофрукты. Стемнело на улице, солнце закаталось за горизонт, словно глазки девочки, которая получила на Новый год то, что хотела. Многие посетители столовой, расправившись с пищей, ушли с миром. Коллеги ученые увлеченно стрекотали, точно кузнечики, полная абракадабра. Лаборантка с телефоном пропала, никто не стал ее разыскивать, своих проблем хватало. Ее коллега, глядя на эту фантазмагорическую дискуссию ученых насекомых, пребывала в некотором замешательстве. Девушка забралась с ногами на деревянный стул, на котором некий паршивец нацарапал: нейрофизиолог Люда плюс физик-ядерщик Евгений, равно. Дальше спинка стула заканчивалась, поэтому чему была равна сумма этих людей неизвестно. Люди науки к чему-то пришли, к чему непонятно. Лаборантка уснула прежде, чем огласили результаты голосования, кто в итоге стал президентом, она не узнала.

К полудню следующего дня к месту предполагаемого эпицентра приехали две передвижные лаборатории, тяжеленный оранжевый кран. Примерно тогда же случилось массовое помешательство, а мы сидели со Спартаком, Лидией и девочкой подростком в бомбоубежище. Несмотря на козни судьбы, голых граждан, размахивающих гордо своими причиндалами, крушений автомобилей, стрельбы, ученые самоотверженно изучали слово. Изучали, облачившись в желтые скафандры телепузиков. Внутри шлемов, собственно, где содержались головы участников операции, звучала музыка Римского-Корсакова «полет шмеля». Встроенные динамики позволяли не слышать звуки внешнего мира. Именно Василий Васильевич посоветовал проверить подобный фокус. Да, Василий Васильевич был тот еще Амаяк Акопян. Лингвист предположил, что воздействие буковок можно заглушить, в том числе при помощи хороших композиций. И это сработало, как срабатывает порой счетчик Гейгера, когда его подносят к старинным настенным часам в

квартире бабушки. Ой, а почему это так трещит, неужели опасно? Ужели, ужели, женщина!

Помимо ученых мы могли наблюдать военных, однако не наблюдали, нас прятала уютная почва. Признаться, в этой самой почве нам было хорошо и покойно, как в кармане старушки, у которой живет десять кошек. В ее кармане пахнет валерьянкой, у нее в кармане постоянно лежат подушечки сухого корма. Комбинезоны военных были камуфляжными. Высокий, красивый, насколько позволяло разглядеть стекло шлема, мужчина с волевыми чертами лица предложил Валентине Николаевне: ну их, эти анализы, давайте мы с ребятами ракету запустим. Барагозов, услышавший это радикальное предложение, вставил свои пять копеек: вы что, а если пойдет цепная реакция! Голос лингвиста, искаженный микрофоном, звучал угрожающе. И транслировался непосредственно внутрь шлемов присутствующих, вклиниваясь в музыкальную композицию. Представитель силовых структур взглянул на лингвиста, сказал: не угрожайте мне, к тому же наша ракета совсем не кусается, она разведывательная, разведает, а потом вернется. Граждане ученые не поверили его словам, застрекотали, застрекотали. Меж тем влияние слова, зависшего над театром юного зрителя, универсамом, над районом, над городом в конце концов усилилось. Люди в зеленых скафандрах с трудом сдерживали обезумевших сограждан. Пятачок, на котором собрались Валентина Николаевна с учеными, ожидал Винни-Пуха, однако кроме неадекватного поведения Пятачок никого не дождался. И когда чаша терпения затрещала по швам, лаборантка вызвалась подняться на кране, чтобы взять образцы слова. Василий Васильевич похвалил девушку за такое решение: вы меня удивляете, вы как Валентина Терешкова, гордимся, гордимся! Так как лаборантка была впечатлительной, то в обморок от своего решения она брякнулась, когда металлическая рука подъемника начала подниматься в небеса. Юный ученый с отсутствующим сознанием лежал в люльке, а коллеги с земли наперебой кричали, чтобы она прекратила валять дурака и проснулась, дело-то серьезное. Она и проснулась, почувствовав нестерпимый жар. Вблизи заглавная П, помельче И, помельче З, помельче Д, помельче Е, и Ц совсем малышка – мерцали. От них исходила совершенно чудовищная аура, лаборантке вспомнились детские годы. Первая двойка, ремнем по жопе, отстала от матери в поезде, ремнем по жопе. Разное неприятное проникло в голову лаборантке. Вопреки обстоятельствам девушка пинцетом отщипнула от буковки П образец. Еле слышно выговорила: готово, приехали.

И на земле бравые ученые в передвижной лаборатории этот образец проанализировали. Выделили нужное, упустили не очень нужное. Василий Васильевич Барагозов, не смысливший в химии, расхаживал вдоль чудных приборов, суесящихся ученых, колбочек, микроскопов. Казалось, палатка вместила в себя добрую сотню людей, добро-злую сотню людей. Во фразах, произносимых телепузиками в желтых скафандрах, проскакивали слова: гелий, легче воздуха, фонит однако, любопытно. Лингвист бубнил: верной дорогой идете, подвиги это хорошо, да-да! Он хлопал по плечам ученых, панибратски, вызываясь. Валентина Николаевна обратилась к нему: что значит да-да, гелий, вы слышали! Барагозов отвечал: и это замечательно, и это здорово! Лицо женщины внутри шлема скорчилось, как если бы заболел зуб мудрости. И сказала ему сухо, как если бы она находилась в Африке, а лев покусал голову, а ползла она по жаре несколько суток. Сказала ему: какие ваши предложения, товарищ лингвист, отвечай, подлый трус! Юная лаборантка, которую допустили присутствовать в передвижной лаборатории, засмеялась, Римский-Корсаков изрядно нервировал, а тут все-таки пошутили смешно. Лингвист недобро посмотрел на эту пигалицу, возмнившую себя Марией Кюри, сказал: все признаки языкового вируса на лицо, Валентина Николаевна. Статный военный, услышав такое предположение, вступил в ряды сочинителей смысла: тем более считаю, что нужно запускать ракету, желательно немедленно, мороз и солнце, день чудесный! Валерина бабушка не разделяла уверенности андалузского пса, поэтому продолжила вести разговор исключительно с лингвистом: и что вы предлагаете в таком случае? Василий

Васильевич помедлил с ответом, видно, размышлял, шмель кружил в ушах присутствующих последние часа два, мешал думать. Наконец лингвист ответил: а вы сделайте на основании вот этих букв хотя бы, чтобы получилось похоже, сделайте заглавные Н, Е.

Все сразу закивали, словно пластмассовые кошечки, у которых болтаются головы, когда машина едет, одобрительно замычали: мм. И все тут же принялись эти новые Н, Е воспроизводить во благо близящегося евразийства. Ведь все мы в определенной степени эмигранты, родившиеся в депрессии, переехавшие в Монголию или еще куда-нибудь, где буддизм. Конечно же, нет, военный как следует напинал Барагозову под дых, еле разняли. Лаборантка рухнула без чувств, позже, спустя полгода, чувства обрела. Ее бездыханное тело выставили на всеобщее обозрение под стеклом в анатомическом театре. Бледненькая, прикрытая тоненькой простышкой, она лежала на кушетке. Один кандидат наук увидел ее, второй кандидат наук влюбился, ну, а третий кандидат наук взял и поцеловал, а потом женился. От поцелуя лаборантка проснулась. Валентина Николаевна похвалила лингвиста, пожурела военного: вы, генерал, хороший человек, но перегибаете палку, а вы, Барагозов, человек так себе, но методы решения проблем у вас великолепные.

Эпидемию удалось победить ценой нечеловеческих усилий, мозги, само собой, у всех работали будь здоров, спасибо, я не чихал. Граждане ученые сконструировали буквы Н, Е – в кратчайшие сроки. Состав данных литер нам совершенно неизвестен, у нас даже в школе химии не было. И когда они состыковались, те новообразованные буквы с теми, что были ранее. Произошла переоценка смыслов, и граждане перестали вести себя неподобающим образом. Валентина Николаевна нетерпеливо сказала: кто-нибудь может отключить этого Римского-Корсакова, коллеги? Главный военный поинтересовался: женщина, может быть, мы все-таки запустим ракету на всякий случай? Но никто не поддержал инициативы крушить. К тому же лаборантка, сняв шлем, радостно воскликнула: ой, смотрите, вы посмотрите, цвет меняется! И вправду, надпись на небе стала праздничной, как будто с новым годом написали. Буква П обзавелась желтой ленточкой в зеленую полосочку. Остальные буквы сделались красными, синими, оранжевыми. Шмель перестал летать во сне и наяву. Товарищи ученые, видя, что машины больше не взрываются, а прохожие, пусть и ошеломленные, не предпринимают попыток членовредительствовать, стали поздравлять друг дружку. Они обнимались, говорили: коллега, поздравляю, коллега, вы гений.

А мы, как вы помните, были сокрыты от глаз посторонних недоброжелателей почвой. Сутки, и утки, и голуби минувших событий улетели безвозвратно. Спартак храпел, храпела Лида, и девочка-подросток плакал, как сирота казанская, стоя у гермодверей в убежище. А я чувствовал голод, открыв глаза, принялся размышлять, чему же порадоваться в наступившем бытие, и причин совершенно не находил. Приглушенные взрывы на поверхности как будто бы прекратились. Я сказал подростку: не мельтешите, пожалуйста. Она ответила: а я не мельтешу. Я сказал: конечно, не мельтешите, вы же плачете. Подросток нахохлился: я больше не буду, просто все дорожает, а мы мельчаем, это печально. Проснулся Спартак, растолкал Лидию. Переспелые люди были неразговорчивы, точно камни в лесу. Мы все прислушивались, однако подозрительных шумов не расслышали. Поэтому приняли решение покинуть нору. И покинули, не сомневайтесь. На улице был кромешный день, мы совсем позабыли, как выглядит цивилизация, Спартак, прищурившись, оглядел поломанные деревья в лесопосадке, чьи-то ноги, торчащие из-под грязного снега. Синие лыжи на ногах причудливым образом контрастировали с изумрудными глазами Лидии, женщина попрощалась с нами: пойду я, дома животных еще кормить, до свидания. Спартак вызвался проводить девочку-подростка, он предложил проводить и меня, однако я засмутился. Сказал ему: что вы, как можно, мне двадцать шесть лет, а в армию меня не взяли, потому что я состою в ПНД. Мужчина удивился: неужели двадцать шесть, а выглядишь лет на восемнадцать, надо же. А я ответил на это замечание: просто ферма, где выращивались мои морщины,

недополучает семена и удобрения, поэтому нас частенько путают с подростком. Собеседник отчего-то погрузнел, сказал: вас, ну-ну. И они с девочкой подростком ушли в свою сторону, а мы, соответственно, в свою.

Глава 12

Крысы-голуби-любовь

Вот бы курс доллара исчислялся в падающих из окон старушках, а рубль исчислялся в мальчишеском, так сказать, естестве, когда тот подсматривает за танцами полуголых родителей в спальне. Размышлял Валерий Николаевич, лежа на разложенном кресле. Последние недели он только на нем и спал, супружеской кроватью единолично владела жена. Начался бракоразводный процесс. Девушка на кухне завтракала пшённым Кафкой. А супруг в семейных трусах и белой майке немножко грустил. Грустил не так чтобы очень, просто Лера по-прежнему нравилась Валере, однако жить с уставшим от твоей гениальности человеком изнурительное дело. Беспочвенные обвинения со стороны Леры, ее желание завести ребеночка, ее незнание того, сколько ангелов умещаются на кончике иглы, все эти обстоятельства казались мужчине существенными для развода.

Девушка сидела на кухне, завтракала пшенкой. Кашка лежала, отдыхала в керамическом синем блюде. Лера залезла с ногами на табуретку, острые белые коленки выглядывали, точно крысиные мордочки, из-под сарафана. В окне показывали птичью стаю, летящую из левого края окна в правый, собственно говоря, стая улетела. Аппетита не было, аппетит как бы тоже улетел вместе с черными голубями. Девушка отодвинула блюдо в сторону, оно поехало на юг в отпуск, упало со стола, разбилось. Невидимая рука полтергейста щелкнула по носу Леру, та вздрогнула, слезла с табуретки, перешагнула желтое пятно, синие осколки. Из шкафчика достала двухлитровую банку с закатанным на зиму страхом. Вновь присела за кухонный стол. Из кружки завывал чайный дух. Страх в банках продавали бабульки вместе с клубникой, грибами, медом. Прошлым летом, когда Валера и Лера ездили в Крым, вдоль дороги колыхались тщедушные женщины, торговавшие разным. Девушка попросила остановить: остановись, смотри, какие несчастные, давай что-нибудь у них купим! Вышли, мужчина спросил: со страхом чего баночки? Бабулька, у которой хватало сил для разговоров, ответила: с разным, сынок, эта, например, страх второго Чернобыля, эта с дефолтом, эта с угрозой облысения. Купили со страхом развода, душа требовала романтики.

Лера намазывала ножом на белый хлеб серебристую массу, чай остыл. Страх напоминал зубную пасту, в которой содержались ценные металлы, слезы младенцев, апатичные мысли. Паста пахла нестиранными носками, остывшим ужином, прочими бытовыми штучками. Что-то расхотелось разводиться. Разводить детей, разводить кроликов, разводить на деньги, разводить ноги, разводить. Девушка перекаtywала во рту это слово. Но слово, в общем-то, не перекаtywалось, оно как будто стучало колесами, подпрыгивало на кочках. Не доставало гневного мужского выкрика: Иваныч, кто так водит, крепче за баранку держись, мы угробимся из-за тебя! Мама говорит, что я нашла себя далеко не на помойке, – размышляла Валерия. Если далеко не там, значит, близко здесь, когда все рядышком, тогда спокойнее, – продолжала накручивать себя девушка на сверло дрели. За стеной делали ремонт вот уже десять лет. В перерывах, когда затихал отбойный молоток, прочие звуки заполняли это пустое, тихое пространство. Хруст огурца, зубы клацали, что-то выпивалось, женщина причитала. Душа в душу жили соседи, это как тютелька в тютельку, только душа в душу. Лера откусила бутерброд, закашлялась, поспешно выпила чай. Затем произнесла вслух: значит, развод. Произнесла, и сразу стало покойней, и даже солнышко на улице вышло, вообще хорошо.

Процесс развода в русской культурной традиции, как правило, неразрывен со сжиганием вдовы, это если мужчина погиб на поле боя. Существует также и обратная

сторона, с откусыванием головы самца самкой богомола. Валера с Лерой в этом смысле были не традиционалистами, но людьми, которым, наверное, и разводиться-то не следовало, слишком поспешное решение, решение эмоциональное. В поспешающей наступить весне угадывались признаки психического обострения у некоторых граждан. Детвора во дворе насмехалась над Витей, который расчесывал деревянной расчёской ломкую, неживую траву, проступившую из-под снега. Дети тыкали своими пальчиками в соседа, пальчики напоминали мармеладных червей, дразнилки были чудовищно обидными. Впрочем, выйдя из дома, пока еще не разведенные по разные стороны баррикад супруги не проявляли никакого интереса к весне. Рыжая кошка унижала по очереди двух черно-желтых собак. Собаки припали к земле, а кошка ударяла лапой по их головам. Подле остановки тощие голуби срывали с прохожих шапки, прохожие негодовали, бубнили раздраженно себе под носы всякую несуразицу. Носы у прохожих были преимущественно красными, из них струилась влага. Хлюп-хлюп! – делали обманутые голубями люди. Что ж вы, голуби, взяли шапки, а мира не принесли? – подумала Лера, а Валера ничего не подумал, закурив сигарету. Два с половиной, два на ниточке, два молодых человека подошли к остановке, Валера и Лера.

Валера предложил в честь праздника поехать в загс на такси. Бракоразводный процесс не так часто случается, сказал он. Лера смотрела на детей, стоявших на противоположной стороне Луны, у детей в руках были плакаты с надписями: папа, где наши алименты? На противоположной стороне Луны располагался следственный изолятор. Подошел автобус, в него зашли прохожие. Девушка спросила: точно такси, ты же только устроился на новую работу? Валера, действительно, это мы подтверждаем, поступил на службу в исторический архив. Без пяти минут бывший муж ответил: не надо спорить. И махнул рукой желтому автомобилю с шашечками. Из выхлопной трубы такси повалил дым отечества, оно подрулило к молодым людям. За рулем сидел мужчина, поразительно похожий на Михаила Боярского, правда, усища у него были ярко-синие. Лера обратилась к своему мужу: Валера, вызови уже, наконец, дезинфекторов домой, а то мы окончательно свихнемся! Вклинился в разговор таксист: ехать будем или не будем? Ему никто не ответил. Парочка начала процесс ругани. Они кричали друг на друга на непонятном языке, укоряли, острили злобно. Водитель заскучал, на капот приземлился голубь, походил взад-вперед, воркуя. Фальшивый Боярский грустно вздохнул, вышел из транспортного средства, затолкал бранящихся супругов на заднее сиденье своего такси. И машина помчалась вослед за автобусом.

Дом, улица, советский союз, ничто не было названо. Но таксист, немало повидавший на своем веку, определил, куда направляется эта парочка скандалистов. И поэтому повез их в ближайший загс. В салоне Валера и Лера не прекратили ломать комедию. Из осколков комедии робко выглядывала драма. Звучавшие взаимные упреки стали понятней, водителю слышалось: был бы ты семи пядей во лбу, а ты повзрослей, а не надо было, доволен! Автомобиль проезжал по улицам, где осинки рожали апельсинки, котики потешно умывались, ласкаемые теплыми солнечными лучами. Малолетние пассажиры, голоса похабные частушки, бежали по лужам. Пожилые мужчины и женщины стекались, точно шарики ртути под шкаф, мужчины и женщины стекались играть в домино, сплетничать во двory. Таксист прозевал поворот, прозевал свою жену, не сошлись характерами. Бранящиеся пассажиры напоминали водителю о собственной, раздолбанной молотком, словно копилка, семейной жизни. Что за дурные люди, думалось таксисту, такие молодые, а уже разводятся. Машина объехала бригаду ремонтников, оранжевые человечки расчесывали шерстку асфальта, шурились от солнца.

Ругань прекратилась, в салоне сделалось тихо, лишь тяжелое дыхание водителя да мурлыканье мотора. Лера с Валерой больше не упрекали друг друга, помалкивали, таксист остановился перед кирпичным двухэтажным зданием загса. Три человека сидели в машине, никто не решался выйти. Наконец, Боярский произнес: а ведь развод это маленькая смерть, которую не всем удастся пережить. Лера сказала мужу: пойдем, надо

это сделать. И первой ступила на зеленую ковровую дорожку, тянущуюся до самого крыльца храма любви. Валера сказал: ох. Потом еще раз сказал: ох. Таксист сообщил ему: парень, не делай ошибок, проверяй по словарю Лопатина. Супруга нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Ее муж не спешил вылезать из такси. Водитель тихонько запел про поле и коня и вдвоем идут. Лера закричала: где ты возишься! И Валера принялся вылезать из транспортного средства. На прощание ложный Михаил Боярский порекомендовал: не забывайте про словарь Даля! На улице с лужи дул пронизывающий ветер. В ней плескались две серые крысы с розовыми носиками, романтическое омовение, не иначе. Валера проходил мимо них, тварь, что была крупнее, прыгнула на него, укусила. Ощущения были как тогда в детстве, когда его ужалил борщевик Сосновского. Нogu нестерпимо жгло, брючина светлых джинсов окрасилась, или окрысилась темно-красным. Ого, дело дрянь, подумала Лера, когда бежала к супругу на помощь. Возлюбленная крысы, вцепившейся в ногу, стоит заметить, также стремительно приближалась.

Ситуация разрешилась благопристойно. Фальшивый Боярский покинул такси с криками: голуби работают на КГБ! Он оторвал прицепившуюся точно банный лист крысу, отфутболил животное на проезжую часть. Искалеченного Валерия Николаевича загрузили, как фильм на флешку, на заднее сидение автомобиля. Лера второпях высказала нелицеприятные вещи подружке крысы, уселась рядом с водителем. И пока транспортное средство мчало в сторону больницы, Валера всю дорогу занудствовал. Кровь, кажется, прекратила поливать кресла, тем более что ничего путного из них вырасти не могло, ни георгин, ни будущих космонавтов. Пострадавший ныл: Лера, я, кажется, умираю. Супруга успокаивала, ее рука почему-то лежала на коленке водителя: милый, все будет хорошо, только не засыпай. Потом, словно ища поддержки, поинтересовалась у таксиста: правда же, врач ему поможет, поможет или нет ему врач? Однако усач за рулем ответил совсем не ободряюще: ну, может случиться геморрагическая лихорадка с поражением почек и мелких сосудов, потом еще чума, конечно. Валерий Николаевич застонал: пообещай, что ты не разведешься со мной. Жена не успела ничего сказать, ее опередил таксист: обещаю, парень, обещаю. Из-за угла стеклянного высокого банка выглянула больница. Показала свой желтоватый бочок, подмигнула хлопнувшей форточкой, вновь убралась с глаз долой из сердца вон.

Валеру оперативно приняли граждане в униформе цвета болотистой глади. Их лица были чрезвычайно грустны, как будто мужчины вспомнили рассказ о плотнике на кресте. На небо взгромоздились тучи, их силуэты напоминали сумасшедших животных. Медведь с четырьмя руками, зайчики сиамские близнецы. Пока санитары увозили мужчину на каталке, Лера смотрела на занимательные мутации зверей, а таксист глядел на Леру, полагая, что девушка немного того. У нее муж при смерти, она тучи разглядывает. Несмело стал накрапывать дождь, его холодные крапы бомбардировали рыжую макушку девушки. Она поежилась, фыркнула, и поспешила в больницу, как в театре боевых действий, не прощаясь с водителем.

Запах нашатырного спирта обескураживал присутствующих в кабинете инфекциониста, кроме, конечно же, самого хозяина кабинета. Многометровый Михаил Павлович Терентьев, как было написано на деревянной табличке, что стояла на столе, обширно зевнул. Иголки волос, щетина не внушали доверия девушке. Впрочем, ей ничего не внушало доверия, бандит какой-то, думала она. Врач подошел к столу, где лежал Валера, резиновые синие тапочки скрипели при ходьбе. И это было подозрительно, отметила Лера. Михаил Павлович расстегнул молнию на брюках. Валерий Николаевич простонал: вы что делаете, что это такое? Инфекционист поспешно застегнул свою молнию, расстегнул на брюках пациента. Оголил бледные худые ноги Валеры. Как у подростка, худенькие: загрустила супруга, глядя на веточки мужа. Специалист принялся чистить, как Мойдодыр, увечье. Поранившийся Валера куксился, сжал зубы, чтобы не застонать, все-таки ситуация не располагала проявлять признаки жизни. Он лежал на кушетке, пока товарищ доктор обрабатывал ватным тампоном следы укуса. И думал вот о

какой штуке, и думал он о том, что разводиться нельзя, кто еще сможет вытерпеть меня такого, забота, прежде всего забота. Мои чувства к этой женщине, ох, дурак, не будем с ней разводиться, что мы, подростки какие-то. Погуляли, а к вечеру разонравились друг дружке. Мы серьезные люди, и в этой серьезности смысл вообще всего на свете.

Михаил Павлович прервал размышления, спросив: поставлю-ка я тебе, братец, прививку от бешенства, у тебя с щитовидной железой как обстоят дела? Лера ответила вместо мужа: с щитовидной железой нормально, а это зачем? Инфекционист сказал: прививка может ударить. Лера удивилась: ударить, как тайский боксер? Доктор пошутил: ударить, как тайский боксер женщину в шубе. Валера вмешался в разговор: но это нелогично, приемы тайского бокса не будут работать против женщины в шубе. Терентьев серьезно сказал: вот и щитовидка у некоторых пациентов не работает, как приемы тайского бокса против женщины в шубе, прививка у таких пациентов может вызвать сплошное разочарование. В кабинет, постучав, вошла медсестра. На медсестре было тело сорокалетней женщины, она обратилась к присутствующим: патологоанатом на минус первом этаже. Лера вскрикнула: что вы такое говорите, нам не нужен патологоанатом, тьфу, тьфу, тьфу! Плевки приземлились на лоб медсестры, и это вызвало крайнюю степень агрессии у пухленькой, но симпатичной ассистентки Терентьева. Та набросилась на супругу Валеры с кулаками, завязалась драка. Чтобы победить, ни одной из женщин не хватало третьей руки. Мужчины наблюдали, делали ставки. Михаил Павлович говорил: все-таки ставлю пятьсот рублей на Зою медсестру, у нее опыта больше. Валерий Николаевич с кушетки возражал: да остановите вы это безобразие, понятно, что вы победите! В итоге товарищи женщины решили дело полюбовно. К тому же дождик за окном окончился, выглянуло солнышко, зачирикали птички, зачем же ломать друг другу косточки. Инфекционист поставил обещанную прививку, супруги расстались с медсестрой и Михаилом Павловичем если не друзьями, то уж точно не врагами.

Вечеру в семейном гнезде супругов царил покой, все было нормально. Лера с Валерой, обнявшись, сидели на кровати. Голенькие, разгоряченные тела помирились. Несколько зажженных свечей на полу, такой родной запах плесени, слышимый из шкафа. Девушка, поглаживая пальцами грудь мужчине, сказала: завтра вызови этих, пусть уберут огород, и в квартире пусть плесень того, сожнут, или что в таких случаях обычно делают. Валерий Николаевич не возражал, напротив, он всячески старался поддержать жену, главное не передержать, а то пережаренная супруга обычно была конфликтной. Валере хотелось поощрять работу надежды маленького оркестра под управлением любви. Соседка снизу постучала по батарее, привлекая внимание к своей персоне, привлекая внимание к персональной выставке двадцати четырех ребер, шестидесяти килограмм живого мяса и прочей начинки старухи актрисы. На подоконнике два голубка ворковали, один кукарекнул, тогда голубка, не распознав шутивого настроения своего партнера, прогнала того с подоконника. Валерий Николаевич засопел, его голова лежала на коленях жены, изо рта тягуче капала нитка слюны. Прямо тутовый шелкопряд, подумала девушка. А потом начала кричать благим матом: аааааа! Чтобы не расслаблялся, к тому же это смешно.

Подозреваем, что читатель догадался, семья продолжила жить вопреки законам физики. Также подозреваем читателя в совершении правонарушения, которое влечет за собой ничего хорошего. Мужчина устроился на новую работу, теперь он как бы работал, но не совсем. Новая должность предполагала просиживание штанов в научном отделе с редким и мало кому понятным названием. Объявление о вакансии, зашифрованное, Валерий Николаевич обнаружил в газете, которую вручила печальная женщина в костюме медсестры. Они встретились в токсикологии, куда Лера отправила своего мужа. Как раз после визита дезинфекторов, уничтоживших напалмом плесень в их квартире, девушка озадачилась вопросом здоровья. Во время семейного чаепития она с улыбкой размышляла о способах суицида, а потом внезапно спросила мужа, увлеченно читающего «Сумму знаний по арифметике, геометрии, отношениям и пропорциональности» Пачоли.

Спросила: а как ты думаешь, сколь клеток мозга у нас отмерло? Валера ответил ей: даже не знаю, надо бы подсчитать. Тогда супруга посоветовала: сходи в токсикологию, тебе там посчитают, точно, сходи сегодня! Птички щебетали, солнышко грело, на футбольном поле кричали дети. Лера, словно желая, чтобы до супруга точно-точно дошло, повторила: дорогой, тебе нужно сходить в токсикологию, провериться, сегодня же. Бутерброд с краковской колбасой лежал аппетитный на блюде белом в красный горошек. Муж, не глядя, потянулся к этому бутерброду, а жена отодвинула блюдо со словами: ты давай-ка, не агрессивуй на меня! Валера удивленно посмотрел на Леру, сказал: я вообще-то молчал. Супруга похвалила: молодец, будем бороться с патриархатом.

Тривиальные детишки привязывали консервную банку к хвосту котика. Во дворе кто-то пролил бензин, лужи блестели, лужи были фиолетово-голубыми. Валерий Николаевич шел в больницу сдавать анализы. Мужчина волновался, точно шел сдавать экзамены, казалось, от качества сданных анализов будет зависеть дальнейшая жизнь. Как будто положительный тест на ВИЧ отрежет дорогу на юридический факультет, или ужасающего качества зрение не оставит ни шанса поступить на режиссуру. Валера усмехнулся собственным переживаниям, глупеньким, точно Болонская образовательная система. Фью-фью-фью! – говорили птички, нечистоты на улицах проступали из-под слоя мерзлой воды. Слово палимпсест, подумал Лерин супруг. Слово пергамент, бывший в употреблении, на котором что-то написали, а спустя века новые граждане стерли и написали свое. На остановке из-за угла гастронома в черных плащах возникли сомнения. Может быть, поеду в следующий раз, может быть, сяду в кабину вон того дальнбойщика, и потеряюсь, как мальчишка, перепутавший Африку с Камчаткой. Нет, Лера достанет, встал на правильные мысленные рельсы Валерий Николаевич, зашел в нужный троллейбус.

В регистратуре сестра, утомленная солнцем, перекладывала карточки из одной стопки в другую. Мужчина ей сказал, что вот он пришел, что дальше, дальше-то что. Медицинская работница подняла свои замутненные переработками, дурным поведением отпрысков дома глаза. Молча протянула Валерию Николаевичу некую газету, прикрыла окошко, выставила табличку: обед, плавно переходящий в завтрак. И Лерин муж, внук Валентины Николаевны, мой знакомый, был вынужден сидеть в коридоре, закинув ногу на ногу, изучать нелепую газетенку. Новости в основном были про детей. К примеру, про воспитанников юннатской станции, завершивших строительство вольера для семьи ежей. На черно-белой фотографии воспитанники юннатской станции совершенно не улыбались, имели скорбный вид. Кажется, ежики лежали кверху пузиками, мужчина вгляделся в снимок. Следующая статья была посвящена товарищу, который десять лет прожил в коллекторе. Местные жители прозвали его хранителем коллектора. Далее приводились цитаты равнодушных граждан. Марина, 58 лет: вот я думаю, вы записываете, да? Владимир, пенсионер: герой нашего времени, чистит, понимаешь, популяцию рыбы возрождает! Денис, 10 лет: не знаю, а что сказать, как отношусь? Вася, друг Дениса: классный дядька, только уважение! Валерий Николаевич взглянул на окошко регистратуры, но медицинская служащая не объявилась. Тогда он вернулся к прочтению этой шуршащей желтоватой газеты, пачкающей руки типографской краской. Рядом на скамейку присела пожилая дама тоже с желтоватым лицом, она улыбнулась металлическими зубками, стала поглядывать в печатное издание. Ее васильковый платок на голове приковывал взгляд, отвлекал, но мужчина рассудил, что невежливо прерывать чтение, пялиться на соседку по токсикологии. Уже вдвоем они продолжили приобщаться к желтой прессе. Правда, время от времени дамочка клала зубами, как будто серенький волчок.

В следующей колонке говорилось о том, как правильно выращивать грибы в домашних условиях. Миколог-эксперт, в котором Валера заподозрил шарлатана, ведь свои размышления на тему того, как выращивать грибы в домашних условиях, черно-белый кучерявый товарищ начал с «однако». Его так называемое «однако» показалось

избыточным, а также в определенной степени претенциозным. – Кто же так начинает статью, увольте, – пробубнил Валера. Дама на удивление приятным голосом, напоминающим голос Анны Шатиловой в телепрограмме Время, сказала: увольняю, не сомневайтесь. И тут же добавила: простите, откуда увольняю? Валерий Николаевич тяжело вздохнул и продолжил чтение. Колонка оканчивалась кроссвордом на грибную тематику, то есть кроме «однако» в ней ничего не было. Вопросы показались нелепыми, Валера сказал неопределенное: чушь какая-то. Соседка по чтению поддержала: увольняю, увольняю, нечего тут думать. Газета отправилась бы в первый класс, если бы не замеченная Валерием Николаевичем буквенная особенность. Ответы, загаданные редакторами, образовывали как будто название улицы с номером дома. «Я в красной шапочке расту среди корней осиновых, меня увидишь за версту, зовусь...» «Вот и модницы сестрички, и у них свои привычки, шляпки есть любого цвета, ты проверить можешь это». «Крепкий, плотный, очень статный, в шляпе бурой и нарядной, это гордость всех лесов, настоящий царь грибов!» И так далее и тому подобное, интеллектуально несложное. Настолько несложное, что Валерий Николаевич в уме ответил на поставленные вопросы, получив улицу Красноармейскую, дом 4.

Мужчина, кажется, произнес вслух: Красноармейская, значит, где-то в Лианозово, наверное. Дамочка радостно закричала: а теперь не увольняю, езжайте, езжайте. Повинуясь, Валерий Николаевич вышел из больницы и не посетил кабинет врач-токсиколога. Муж Леры был тем еще озорником, любившим прогуливать школу. И поэтому соответствующие анализы-экзамены он попросту провалил своим неприсутствием. Однако неявку на столь важное мероприятие ученый оправдал новой работой, которую он обрел, посетив Красноармейскую улицу. На ужин Лера подала плов, супруги трапезничали. Валера молчал, как рыба на сцене театра во фраке, загадочно улыбался. Девушка спросила: что такое, все в порядке? Мужчина ее огорошил: а я устроился работу. Жена переспросила, словно ученик, до которого с трудом доходит суть предмета: что, работу, погоди, у тебя на голове седой клочок, откуда? Но Валерий Николаевич, к сожалению, не поведал, с чем ему пришлось столкнуться на собеседовании в научный отдел, название которого начинается на букву «П». Также и нам ничегошеньки неизвестно касательно подробностей, явок, паролей, сути нового места службы мужчины. Предполагаем, что просиживание штанов, как нам рассказала наша знакомая Валерия, чудесная рыжеволосая однокурсница, является отводом для глаз, а также напудриванием мозгов. Чтобы зазря не волновать нашу легко возбудимую нервную систему. Так или иначе, ребята продолжили свой крестовый поход за ребенком. Сменили квартиру на домик, поближе к засекреченной работе Валеры. Все шло своим чередом, все шло в домашних клетчатых тапочках, все шло.

Эпилог

Вот и лето прошло, но только зима. И мы с вами дописали ромашку, как говорит маман. Прямо так и говорит: для романа ты сочинил слишком коротенький текст, это получилась какая-то ромашка. И мы не можем не согласиться с ней, однако соглашения заключаются, как правило, таким образом, что сторона, которой больше всех надо, обязательно нарушит, вторгнется в обход договоренностей посреди ночи, сожжет все до основания, до корней, а также до сердцевины, словно женщина, прикончившая свои волосы осветлителем. События ромашки происходили осенью и зимой, в начале весны. События ромашки, как и угадывания с любит-не любит, основывались, прежде всего, на реальных происшествиях в моей работе в издательстве. В то же самое время, как в случае с любит-не любит, помимо эмпирических штук, были штуки гипотетические, то есть некий элемент фантастики все-таки присутствовал. Правомерно предположить, что впереди нас ожидает конец весны, трехмесячное лето, иначе зачем вообще тянуть лямку,

вставать по утрам, надеюсь, что лето все-таки объявится в наших краях. Поэтому что произойдет в дальнейшем, допустим, весной, или тем же летом, это загадка. Кроме того, в апреле нашим издательством предвидится книжная ярмарка, а там только держись за штанишки, столько событий, столько событий. Совершенно не знаю, если, опять же, что-то произойдет на моей работе необычное, напишу ли новую ромашку. Быть может, мы ограничимся рассказами.

Арина продолжает позвякивать оторванной дверной цепочкой, но я не жду ее всю ночь напролет, мне достаточно простых телефонных разговоров. Романтических этих самых между нами, кажется, не намечается. В последнее время, как раз весной, а сейчас начался март, а что такое март, если не весна, не собака же, в самом деле, в последнее время чудовищная усталость все чаще и чаще одолевает. Достаточно проснуться утром, ощущение, словно тебя накачали нейролептиками за счет заведения. Мама Арины Серафима, к моему большому, уж точно не маленькому, удивлению, тоже звонит. Разговор с ней обычно напоминает своим ритмом полет шмеля. Она тебе: та-та, ты ей: та-та-та-та, она тебе: та-та-та-та, и так далее и тому подобное. Женщина рассказывает про магические ритуалы, я женщину в такие моменты стараюсь не слушать, чтобы не влезать в потусторонние дела. Время от времени Серафима сетует на свой возраст, будь она помоложе, говорит барышня, обязательно со мной вступила в романтические эти самые.

Начался пост, мы постимся, вся семья постится, мясо совсем не жрем. Оттого, оттого мне так светло, и ветер сдувает, стоит лишь очутиться на улице. Ножки как палочки эскимо, туловище с выступающими ребрами, что за красавец, ну, что за красавец, – говорят учащиеся ПТУ, когда прохожу мимо курилки, где они в облегающих кожаных юбках, капроновых колготках проводят свои перемены. Потом я сажусь в автобус, у водителя играет Цой, играет убедительно, столько лет поет, а ему продолжают верить. В открытое окно задувает ветер, пахнет краской, землей, смолой. В издательстве полный бардак, там сегодня потоп. Так бардак или потоп, ты определись! А я определяюсь, бардак, случившийся вследствие потопа, учиненного соседкой сверху. Наша бухгалтерша звонила все утро, зазывала нас на работу в нерабочий день календаря: тут спасатели, тут какие-то бродячие собаки, тебя только не хватает, сейчас же приезжай, собака! Автобус глохнет, не успев раскрыться в полной мере, подобно мальчику-пианисту на секции бокса, куда по ошибке сдали родители. Я выхожу в мартовский день вместе с пассажирами, которые недовольно причитают, направляются к метро пешком. А кто-то из них отправляется пешком под стол, а я отправляюсь на набережную, пренебрегая работой. А на работе лебединое озеро в горшке с геранью, а на работе танки стреляют по белому гному на подоконнике.

Горячая, блестящая скамейка на набережной была подобна холодной войне меж двух стран. Она не сказать чтобы нервировала, но блестела как-то подозрительно. Я наклонился к ней, понюхал. Мимо проходил мальчишка лет пяти в сине-желто-красном комбинезоне. Маленький человек также принялся обнюхивать скамью. К нам подошла, цокая шпильками, девушка, сказала: Андрюша, фу, заведем собаку, заведем, не надо только самому превращаться в собаку! Дамочка взяла за капюшон Андрюшу и потащила прочь. Я же присел и основательно прилип. На противоположном берегу Мосводоканала двое мужчин распускали свои руки. Женщина за их спинами предпринимала несмелые попытки связать из распустившихся рук что-то путное, например, свитер. Ребеночек в голубом демисезонном пальтишке подступился к драчунам, уперся ладошками в спины мужчин, и столкнул обоих в Мосводоканал. Огромная, словно сожаление за бесцельно прожитые годы, буро-зеленая голова вынырнула из воды. Пасть с редкими треугольниками зубов проглотила агрессоров без суда и следствия. Сом-переросток, наверное, много каши ел. Рыбина скрылась в глубине речной. Женщина с недоумением посмотрела на широкие круги, расходившиеся по водной глади, плюнула туда. Посадила себе на плечи ребенка вместе с его страхами, предстоящим переходным возрастом, возможной психопатией. И потопала к девятиэтажным домам.

Над этими девятиэтажными домами, насколько я видел, проявлялось слово. Пока даже не слово, так, словечко. Как будто переводная татуировка на бледно-синеватой коже ребенка, жующего приторную конфету-тянучку. По небу плыли облака. Зрение не позволяло различить семантику надписи. Коннотация ускользала, словно старообрядцы, живущие в тайге, ускользают от современных телефонов. У меня задергался глаз, буквы стали напоминать вполне себе логичный КОНЕЦ, написанный словно в титрах советского фильма. И я подумал, а почему бы, собственно говоря, им и не закончить свою ромашку. И закончил, это уж точно.